

ВОКРУГ СВЕТА

6 1964
июнь

1964

ВОКРУГ СВЕТА

№ 6
июнь

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

28 ИЮНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Читайте очерки о молодых ученых, борющихся с градом в Алазанской долине, о нефтяниках Сибири, о героизме экипажа балтийской подлодки «С-3» в годы Отечественной войны.

**МОЛОДОСТЬ ПЛАНЕТЫ КРЕПИТ СО-
ЛИДАРНОСТЬ В БОРЬБЕ ЗА НАЦИО-
НАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОСВО-
БОЖДЕНИЕ ЗА МИР.
НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ ФОРУМУ
В МОСКВЕ.**

«Бирма строит» — очерк И. Можейко.
«Будущее Руанды и Бурунди в руках
молодых» — путешествие по независимым
государствам Африки продолжает
журналист Н. Хохлов.

**РЕПОРТАЖИ ИЗ АНГЛИИ, БОЛГАРИИ,
ГДР, ДОГОВОРНОГО ОМАНА, ИНДИИ,
НОРВЕГИИ, США, ТУРЦИИ.**

«Каракас... Катастрофа наступила ночью. Часть горного склона, в котором был вход в подземелье, обрушилась, отрезав спелеологов от мира.

...Со всех концов Земли поступают добровольные предложения помочь, денежные средства и запросы о судьбе пропавших спелеологов».

Читайте в этом номере начало приключенческой повести Рафала Мачеевского о польских спортсменах, разыскивающих венесуэльских спелеологов, попавших в катастрофу.

В полетном задании в графе «груз» было написано «Градобой». Грузом были Серегин, заместитель начальника экспедиции Або Андреевич Орджоникидзе и я.

Градобой — этого слова нет в словарях и в энциклопедии. Но если вам доведется побывать в Кахетии, вы его услышите не раз. Так называют там участников Алазанской противоградовой экспедиции.

По аналогии с китобоями и зверобоями это должно означать: охотники за градом. Или, точнее, охотники на градовые облака.

БОГИ — УЧЕНЫЕ

Разговор начался с вина. В тонких стаканах искрилось и отливало бледным золотом великолепное «Ахмета» — жидкий концентрат щедрого солнца и неповторимых ароматов цветущей Кахетии.

Потом появились стихии. Они вошли в разговор незаметно и естественно: вино — виноград — град — градобития — грозы, бури, ураганы. И как завершение

логической цепочки — борьба со стихиями. Так уж устроен современный человек — при одном упоминании о стихиях у него начинают чесаться руки.

Мы разговорились о методах активного воздействия на градовые облака. Мой собеседник — Юрий Алексеевич Серегин — съел на этих методах не одну собаку, что, впрочем, ему полагалось сделать.

Одним словом, Юрий Алексеевич из тех, кто делает погоду. Не предсказывает, заметьте, а делает в полном смысле слова. Правда, в самом этом делании делаются еще только первые шаги, порой дрожащие и неуверенные, вслепую и на ощупь. Но результаты уже есть. И это только начало. А будет время... Есть ведь чудаки, которые верят, что будет время: нажмешь кнопку — и, пожалуйста, любая погода, на любой вкус! Что-то от этих чудаков есть и в Серегине. Это железная уверенность в том, что человек должен делать погоду. Делать, а не приспособливаться.

О граде Серегин знает, наверное, все, что можно о нем знать сегодня. И не только то, что появляет-

Л. ФИЛИМОНОВ

ГРАДОБОЙ

Серегин — один из тех людей, что делают погоду.

ся в печати. Ему не один десяток раз приходилось своими глазами видеть, что это такое. И ощущать в буквальном смысле на собственной шкуре.

— Представляешь, камни из стен вырыгивает! Сады, виноградники — все к черту! Деревья голые, как зимой. Скот убивает — коров, лошадей. В Индии гра-

диной убило слона. Поля перепахивает — куда трактору!

...Разговор закончился несколько неожиданно. Уже прощаясь, Серегин сказал:

— Между прочим, в Алаанской долине научились неплохо укорачивать руки стихиям. Это делается... Кстати, ты сам можешь посмотреть, как это делается. Если, конечно, хочешь.

— Конечно, хочу. Еще бы не хотеть!

И вот в середине мая прошлого года группа работников Центральной аэрологической обсерватории

роде существует десять форм, двадцать видов и три с лишним десятка разновидностей, каждая из которых носит звучное латинское имя.

Из всех разновидностей нас интересует пока лишь одна — Cumulus congestus, что в переводе означает: кучевые, мощные. Это и есть наши рабочие облака. Кстати сказать, Cumulus congestus — название официальное и высокопарное — употребляется у нас редко. Чаще можно услышать фамильярное «кучевка» или ласковое «кучечка».

Работать с «кучевкой» опасно и трудно. В красивом и безобидном на вид облаке скрывается страшный бич самолетов — турбулентность внутриоблачных воздушных потоков. Чем больше мощность облака, тем сильнее в нем турбулентность. Мощность облака — это, собственно говоря, его высота — расстояние от нижней границы до вершины. Так вот, когда мощность переваливает за 4 тысячи метров, турбулентность в облаке начинает превышать возможности летающей лаборатории. Естественно, что к выбору рабочего облака приходится подходить с оглядкой. Решающее слово здесь принадлежит пилотам. А мы уж полагаемся на их опыт, тем более что инструкция по технике безопасности не рекомендует совершать прогулки в мощнокучевых облаках.

— Вот так и бывает частенько: летаем, летаем, ищем, ищем рабочее облако, найдем, наконец, полюбемся издали — и все! А в облако нельзя — инструкция...

В словах Смирновой звучит досада. Естественная досада исследователя, которому все нужно пощупать своими руками. Она понимает не хуже других: люди дороже экспериментов, хотя бы и самых важных. А все-таки досадно...

— Хорошо еще «двадцать восьмой» выручает.

Речь идет о реактивном «Ил-28», который обычно работает в паре с нашим «Ил-14». Получив от нас координаты, 28-й «прошивает» облако на заданной высоте, сбрасывает реагент и уходит на аэродром. На долю «Ил-14» остается наблюдение за действием реагента. Со стороны. С той самой стороны, с которой, как говорят, виднее.

Впрочем, иногда, когда позволяет инструкция, мы заходим в облако. И тогда у исследователей светятся счастьем глаза: вот оно, милое, — на ладони! И можно делать с ним все что угодно: можно поставить ему градусник, пощупать пульс, измерить давление. Можно залезть в него с головой и посмотреть, где оно прячет свою «ахиллесову пяту».

«Ахиллесову пяту» облака люди ищут уже не первый десяток лет. Еще в прошлом веке во многих странах делались попытки вызвать осадки, обстреливая облака шрапнелью. Тогда считалось, что кратковременные, но сильные звуки способствуют укрупнению облачных капель.

Долгие годы напряженной работы, настойчивые усилия целого ряда исследователей привели метеороло-

Рисунки
С. ПРУСОВА

вылетела в Грузию на экспедиционном «Ил-14». В составе группы летел и автор этих строк, зачисленный на должность старшего механика группы ракетного воздействия Алаанской противоградовой экспедиции.

РАБОЧЕЕ ОБЛАКО

Наш «Ил-14» мы узнаем, не глядя на номер, — он похож на стрекозу. В кабине наблюдателей вместо окошек установлены блистеры — большие, миллиметров восемьсот в диаметре, плексигласовые полусфера, увеличивающие угол обзора до ста восемидесяти градусов. Расположенные впереди крыльев, они придают самолету курьезное сходство с гигантским пучеглазым насекомым.

У левого блистера — рабочее место бортазролога Тамары Шевалдиной. У правого обычно сидит руководитель летной группы Нина Васильевна Смирнова.

Летная группа ищет облака. То есть не вообще облака — их у нас над головой ежедневно проплывают сотни, — летная группа ищет рабочие облака. Рабочим может быть далеко не каждое облако, и те, что плывут над головой, в большинстве своем «не то», как говорит Смирнова. Дело в том, что облаков в при-

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

гов к важнейшему открытию. Оказалось, что, вводя в облака определенное вещество — реагент, можно влиять на происходящие в них естественные процессы. В зависимости от количества реагента и его состава можно либо предотвратить осадки, если они нежелательны, либо, наоборот, вызвать их. Ведь в природе многие облака и даже целые облачные системы возникают и исчезают, не давая дождя. Метод искусственного образования осадков открыл перспективы, уходящие в область фантастики. Становится в принципе возможным вызывать осадки там, где они необходимы. Отменять их там, где они не нужны. Изменять таким образом существующую систему осадков на огромных территориях земного шара — в пустынных и засушливых районах. Заставлять градоопасные облака сбрасывать свою губительную ношу где-нибудь в горах или над лесом, подальше от полей и плантаций. В основном это, конечно, дела будущего, но кое-что...

— Кое-что мы можем уже сейчас. — Смирнова протягивает мне переплетенную в черный ледерин рукопись. — Вот посмотри.

Это отчет о работе летной группы в Алма-Ате. На последней странице заключение:

«...Проведенные экспедиционной группой Центральной аэрологической обсерватории в январе — феврале прошлого года оперативные работы по систематическому рассеиванию низких переохлажденных облаков и туманов с использованием наземных и самолетных средств воздействия показали их высокую эффективность.

Экономический эффект от использования методов активных воздействий в Алма-Ате за сезон может составить 150 тысяч рублей.

...Только по Казахстану, по пяти крупным аэропортам (Актюбинск, Караганда, Кустанай, Семипалатинск, Алма-Ата) внедрение этих методов позволит сэкономить не менее 500 тысяч рублей в год».

Бог тебе и «кое-что»!

Наша летная группа разрабатывает методику воздействия на мощнокучевые облака. Работы здесь непочтый кран. Нужно определить состав реагента, его оптимальные дозировки, ответить еще на десятки не совсем ясных вопросов. Только для того, чтобы найти наиболее эффективный и экономически выгодный реагент, необходимо провести сотни опытов. А сколько раз эксперименты давали результаты, опровергавшие и теоретические выводы и данные лабораторных исследований! И сколько раз приходилось вновь и вновь повторять один и тот же опыт!

...День за днем бороздит наша «стремоза» воздушные просторы над Грузией. День за днем развертывается под нами захватывающая панорама: грандиозные хребты, бездонные ущелья, серебряные нити рек — рельефная карта Кавказа в мельчайших подробностях. От этой картины трудно оторвать глаза. И все-таки вниз мы смотрим редко.

Главное для нас облака. Тому, кто смотрел на них только с земли, никогда не понять их грозной, подавляющей могучей красоты. Никогда не испытать острейшей смеси чувств — риска с восхищением, которая неизменно возникает, когда самолет врывается в облако и начинает кромсать винты его клубящуюся массу. Риск отстает от восхищения на какие-то доли секунды. Облако сплохватывается и берет нас в оборот в полную меру своих сил. А сил у него предостаточно. Неприятный холодок ползет по спине при виде того, как вибрируют и изгибаются плоскости. Как выдерживает все это самолет — уму непостижимо! Как выносит это человек, понять легче — это работа. Ежедневный будничный подвиг исследователя, превращенный в профессию.

Подвиг? Да, подвиг. Это не просто — прорваться сквозь дикую тряску к самому центру клубящегося ада. Там, в глубине, его «каиллесова пятка». Там — избавление человечества от извечных бед — гроз, града, засухи, наводнений...

...Рабочее облако — оно пока еще не рабочее. Пока сно еще только материал для работы. Но уже совсем недалеко время, когда облако затучив рукава возьмется за работу собственоручно. Уж об этом мы позаботимся.

СЕРЕГИН ВСТАЕТ В ЧЕТЫРЕ

Серегин встает в четыре. Ежедневно. С пунктуальностью будильника и неотвратимостью рока.

Он врывается к нам в домик, как Мамай в осажденную крепость, и кричит при этом так, будто этот злой Мамай гонится за ним по пятам:

— Мальчики-девочки, подъем!

И тут же начинает конфискацию одеял. Как будто недостаточно было крика.

— Ну что за жизнь, — Дима Крубаев поднимается, кряхтя и охая.

Диме трудно. У Димы — баян. И вытекающая из этого обстоятельства популярность среди местных жителей. Популярность обходится Диме не дешево: отбой у него бывает намного позже, чем у всех остальных. Подъем же — на общих основаниях.

Как ни странно, готов Дима бывать раньше всех. Пока мальчики-девочки еще умываются, чистят зубы и изображают подобие завтрака, он успевает прилично осмотреть свой «ГАЗ-69», попинать носком ботинка каждое колесо, залить в радиатор воду, прогреть мотор и мимоходом склевать бутерброд и выпить кружку кофе, оставленные ему предусмотрительным Серегиным.

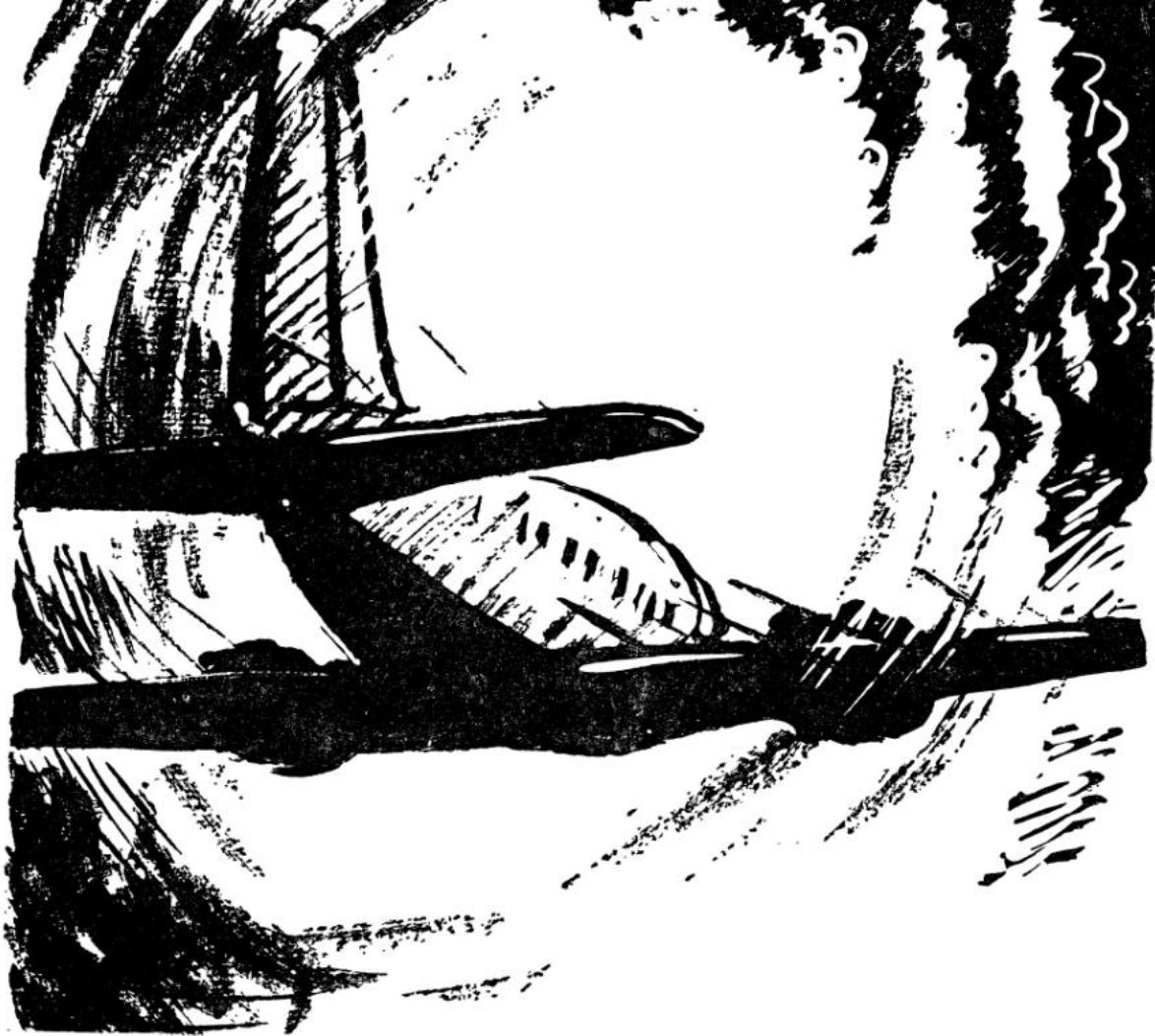
Но Дима — это Дима. Постоянный спутник Серегина, он вынужден жить в «серегинском» темпе.

Сейчас — экспедиции горячая пора: начинаются испытания новой ракеты. В самый короткий срок мы должны запустить около сотни ракет — всю пробную партию. За каждой ракетой мы проследим от старта до приземления, определим все элементы ее траектории, засечем время срабатывания всех ее механизмов, тщательно проверим надежность всех узлов.

Работать мы можем, только когда небо чистое — облака затрудняют нам оптическое наблюдение за ракетами и начисто исключают визуальное. Поэтому каждое утро нам придется состязаться в скорости с Природой и Временем.

На повестке дня — облака.

И поэтому Серегин встает в четыре, когда солнце еще карабкается со скалы на скалу где-то по ту сторону Главного Кавказа, а над Алазанской долиной сияет чисто вымеченное ночными ветрами небо — девственно-голубое, без единого пятнышка. Таким оно бывает в горах лишь самым ранним утром, и то далеко не всегда. И нужно спешить: немного позже Природа проснется, увидит мчащиеся к испытательному пункту машины и забьет тревогу. Солнце влезет на Кавказский хребет, уколется в спешке об его острые пики и, подпрыгнув, полезет на свое любимое место на небе. И тогда солнечные лучи включат мощные воздушные насосы. Потоки нагретого воздуха устремятся ввысь и потащат с собой испаряющуюся росу, туман, всю ночь провисевший над ручьями и реками, влажное дыхание миллионов растений. И над горами начнут зарождаться облака. Они будут расти незаметно, но стремительно. Не успеешь оглянуться, как над Алазанской долиной не останется ни одного голубого просвета. Тогда Серегин плонет с досадой: «На сегодня все!» — и прикажет снять с установки уже готовую к запуску ракету.

С чистым небом на сегодня все. Теперь придется заняться облаками.

А облака продолжают расти. Прямо на глазах они достигают огромных размеров — восемь-десять километров в высоту. Вот верхушка облака начинает рас текаться, принимая форму наковальни — оно становится грозовым. В глубине клубящегося чрева происходит мрачное таинство зачатия — возникают градовые очаги. Один, второй, третий... И в каждом — десятки тонн ледяной шрапNELи.

Особенно опасными облака становятся во второй половине дня. Как гигантские мешки, набитые градом, покачиваются они над горами в состоянии неустойчивого равновесия. Вот-вот сорвутся с хребта и ринутся в разбойничий налет на долину...

К вечеру в Руисипи, на командном пункте экспедиции, собирается весь штаб: начальник экспедиции

Амиран Ильич Карцивадзе, его заместитель Або Андреевич Орджоникидзе, начальник штаба Арчил Михайлович Окуджава, Юрий Алексеевич Серегин, синоптики, метеорологи, радисты — работы хватает всем. Здесь, на «КП», — узел связи, к которому сходятся нити от всех имеющихся в экспедиции локаторов и от сорока пунктов воздействия, расположенных на Гобморском хребте и в предгорьях Главного Кавказа. Локаторы беспрерывно «щупают» темное небо невидимыми лучами. Каждые десять минут на «КП» поступают данные о движении градоопасных зон. Здесь быстро оценивают обстановку, принимают решение, и тут же по радио летят команды на пункты воздействия, где стрелки ждут наготове у заряженных установок.

— Трубка... Азимут... Угол... Пуск!

И ракеты, рассеивая реагент, пронизывают облака. Снова локаторы следят за результатами воздействия. Снова поступают данные на «КП». И так до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза градобития. Тогда по экспедиции и будет дан отбой. В котором часу это произойдет, никто не знает. Может быть, в двенадцать, а может быть, и в два. А вставать все равно в четыре.

Это похоже на войну. Погода изощряется, как только может: прячет чистое небо, без которого мы не можем проводить испытания ракет, убирает куда-то необходимую для опытов «кучевку» и затягивает небо никому не нужной серой рванью, из которой неделями сыплется мелкий нудный дождик.

Мы тоже бросаем в бой все, что можем. Ничья нас не устраивает. Нам нужна победа. И мы неделями не вылезаем из машин. Спим где придется. А бывает, и вовсе не ложимся. Тут все: и лобовые атаки, и фланговые удары, и глубокие рейды в тыл — стратегия и тактика в чистом виде.

И свои агенты в тылу у «противника» — на контролльном участке. Там у нас Гена Воронов — «наш человек

в Акура». Он ведет счет врагам. Считает тщательно, скрупулезно. Сколько градин выпадает на один квадратный метр земной поверхности. Сколько в первую минуту. Сколько во вторую. Сколько за все лето. Считает, собирает в термосы, взвешивает на аптекарских весах, фотографирует целиком и в разрезе, нюхает, пробует на язык. Целыми днями сидит в темноте возле фотоувеличителя. Близоруко щурится на свет и ворчит, когда мы приезжаем его проводить.

Серегин встает в четыре. Сейчас, когда идут испытания, эта привычка очень кстати — будильником нас не разбудишь. Когда испытания закончатся, он все равно будет вставать в четыре. Всегда найдутся дела, на которые — хоть убей! — не выкроишь ни минуты. А уж если когда-нибудь Алазань потечет обратно и у Серегина не будет наутро совсем никаких дел, тогда он все равно встанет в четыре. Хотя бы для того, чтобы просто поглядеть на небо. С точки зрения непрофессиональной. Просто посидеть и посмотреть на чистое голубое небо.

А чистое небо горах бывает лишь самым ранним утром. И тот, кто хочет его увидеть, должен встать в четыре. Тут уж ничего не поделаешь...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Воздух битком набит свистящими градинами. Ледяные шарики, как пули, длинными очередями хлещут землю. Огромное зеленое поле седеет на глазах. Всего несколько минут — и оно уже совсем белое. Как зимой. И по нему выются-гуляют белые стяги. Ветер, где-то сорвавшийся с привязи, безумствует, как шаман, — носится гигантскими скачками, вертится волчком, свищет, воет, рычит, рвет и мечет.

Я устроился уютно — на кухне. Это корпус списанного локатора, что-то вроде большого автофургона. Снаружи по локатору бьет, наверное, не меньше сотни «пулеметов». Адский грохот стоит внутри — фургон металлический, и сидишь, как в железной бочке.

Но это пережить можно. Главное — здесь тепло и сухо, есть кофе и сигареты. Отсюда даже как-то приятно полюбоваться разгулом стихии и посочувствовать тем, кого этот разгул застал в чистом поле.

А в чистом поле — Вальпургиева ночь! В воздухе носятся, крутятся, появляются и исчезают куски толя, доски, фанера, консервные банки, чьи-то башмаки. Бешено вращаясь и лягая на ходу ручкой, унеслось куда-то ведро. С треском завалилась палатка — наш склад. Из палатки выскоцил ошалелый пес. И тут же, подхлестнутый градом, взвизгнул — и назад, под руины.

Экспедиционный «газик» дрогнул и как-то нерешительно дал задний ход. Наверно, Дима забыл поставить его на ручной тормоз. Надо бы выскоичить, затормозить. Высунул руку и мгновенно отдернул назад, прошибшую «автоматной очередью».

«Газик» прокатился еще немного, развернулся и встал под углом к ветру. Самостоятельно. Вот умница!

А высекивать все-таки придется. Надо посмотреть, что там с нашим домиком. Что-то очень уж знакомыми показались мне пролетевшие мимо доски и фанера.

В домике все вверх ногами. На полу по колено воды. Плавают чьи-то вещи. С потолка по всей площади — душ. Вода рвется во все щели. Угол крыши сорван. На моей раскладушке сугроб града.

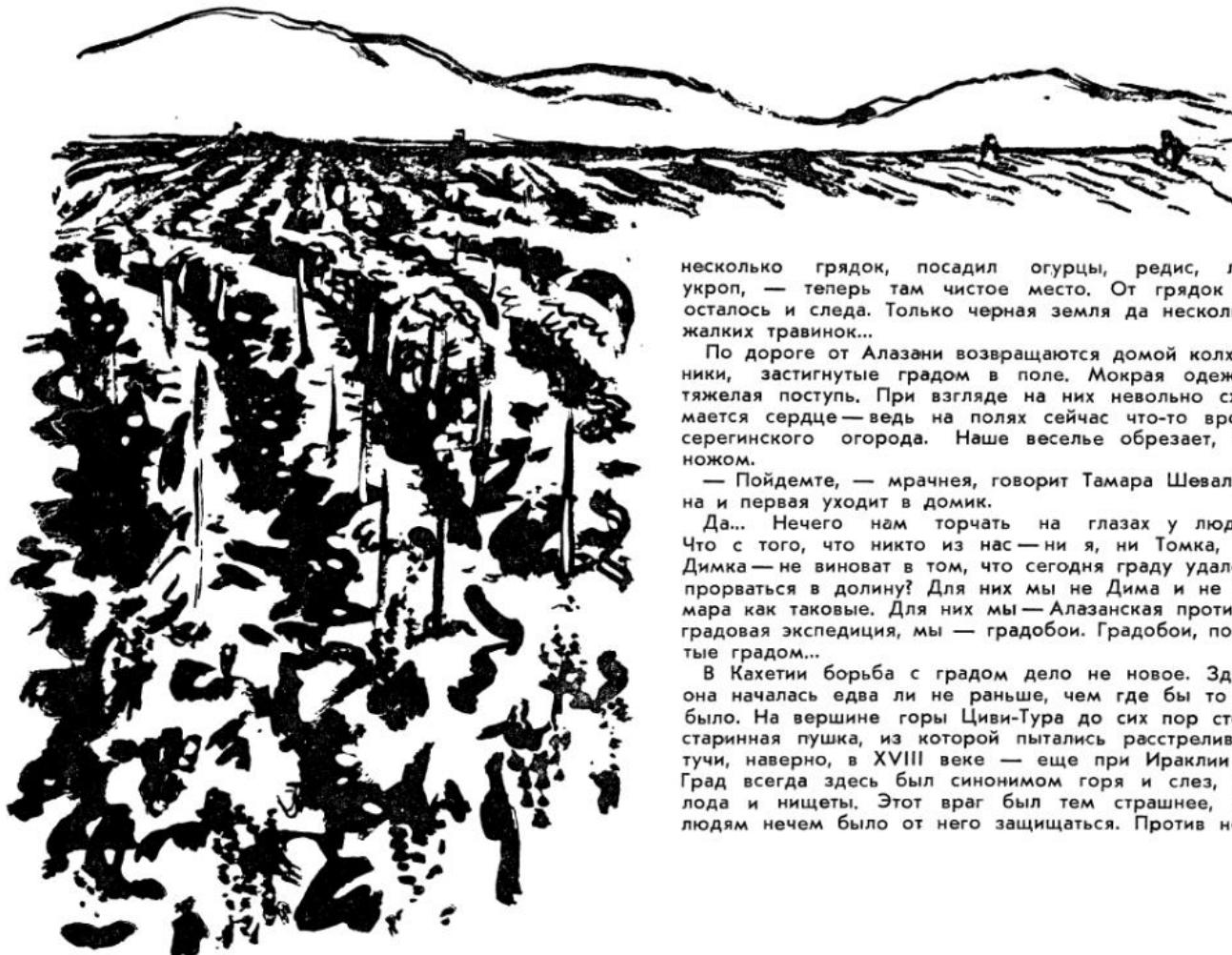
Ребята в трусах, меховых куртках и резиновых сапогах. Ноги — выше сапог — тонкие, синие. Стоят и хохочут во все горло. (Смех явно нервный.) Я присоединяюсь. А что делать? Действительно смешно — противоградовая экспедиция...

Задняя стенка домика вдруг выгибается парусом и трагически трещит. Дима бросается на нее грудью.

— Ребята, скорей! Завалился!..

Мы кидаемся на помощь. Дима знает, что говорит, — он эту стенку сам строил.

Серегинский огород исчез с лица земли. Был у нас огород за домиком. Хозяйственный Серегин разбил

несколько грядок, посадил огурцы, редис, лук, укроп, — теперь там чистое место. От грядок не осталось и следа. Только черная земля да несколько жалких травинок...

По дороге от Алазани возвращаются домой колхозники, застигнутые градом в поле. Мокрая одежда, тяжелая поступь. При взгляде на них невольно сжимается сердце — ведь на полях сейчас что-то вроде серегинского огорода. Наше веселье обрезает, как ножом.

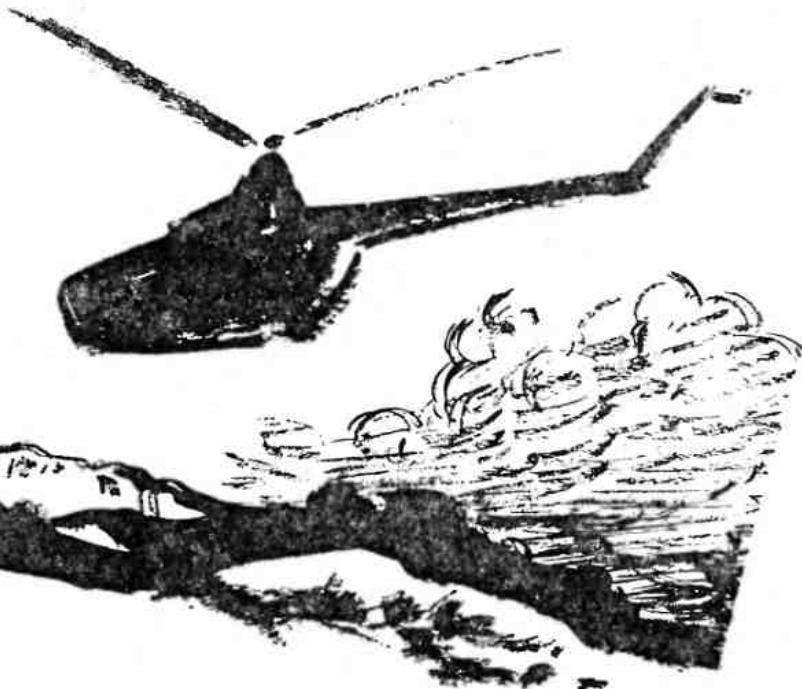
— Пойдемте, — мрачнея, говорит Тамара Шевалдина и первая уходит в домик.

Да... Нечего нам торчать на глазах у людей. Что с того, что никто из нас — ни я, ни Томка, ни Димка — не виноват в том, что сегодня граду удалось прорваться в долину? Для них мы не Дима и не Тамара как таковые. Для них мы — Алазанская противоградовая экспедиция, мы — градобои. Градобои, побитые градом...

В Кахетии борьба с градом дело не новое. Здесь она началась едва ли не раньше, чем где бы то ни было. На вершине горы Циви-Тура до сих пор стоит старинная пушка, из которой пытались расстреливать тучи, наверно, в XVIII веке — еще при Ираклии II. Град всегда здесь был синонимом горя и слез, голода и нищеты. Этот враг был тем страшнее, что людям нечем было от него защищаться. Против него

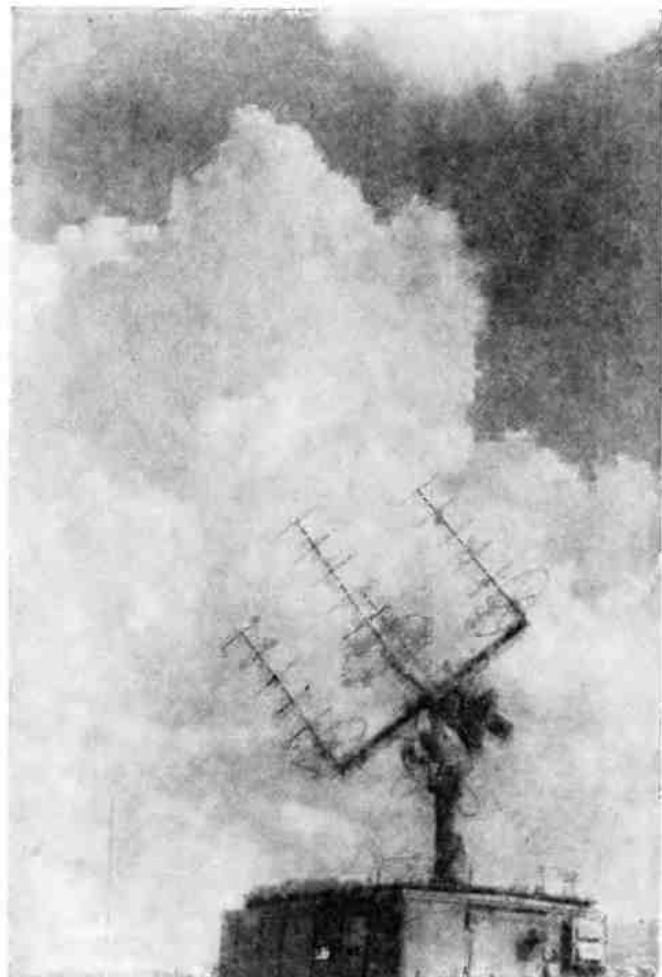
не выйдешь с копьем и мечом. Против него бессильны даже пушки. Оставались молитвы. И они принесли пользу не больше, чем глас вопиющего в пустыне...

Пока мы сидим в домике, я невольно вспоминаю, как помогали нам колхозники в нашей работе, с какой готовностью приходили на помощь, когда нам случалось попасть в затруднительное положение.

...Вот наши тяжело нагруженные машины с натужным воем лезут вверх по склону горы Пантиани возле селения Ахалдаба. За ними, оживленно беседуя, идет народ из деревни. На полпути передняя машина вдруг останавливается — впереди полоса пшеницы. Шофер растерянно чешет затылок: обехать негде — крутизна, а ехать по пшенице — рука не поднимается. Заметив нашу нерешительность, колхозники подходят к машине.

...И снова локатор «Малахит» «смотрит» в небо.

— Ничего, ничего, погодите, — говорят они. — Немного помните — не беда! Вы нам больше пользы принесете.

А вечером приносят нам на гору хлеб, сыр, зелень, вино и категорически отказываются брать деньги.

— Как можно, кацо, ты в гостях или на рынке?

Через несколько дней мы должны были забросить на Пантиани новые ракеты. Но машины не могли пройти — крутой склон был размыт дождями. Вызвали вертолет, но и он не смог приземлиться на вершину. Ракеты выгрузили на склоне. Положение было критическим: надвигалась гроза, а ракеты, которые нужно всемерно оберегать от сырости, лежали на земле, под открытым небом. Пока мы ломали голову, как быть, снизу, из деревни, несколько человек пригнали могучих, как тракторы, буйволов, запряженных в арбу. Через двадцать минут все наши ящики были переброшены на вершину и надежно укрыты.

— Стыдно в глаза глядеть, — говорит Томка. — Они для нас ничего не жалеют, а мы...

И все-таки мы свое дело делаем. Однажды я разговаривал на эту тему с Або Андреевичем Орджоникидзе. Каков экономический эффект противоградовой защиты? Стоит ли, собственно говоря, овчинка выделки? Орджоникидзе был краток. Взяв карандаш, он подвел меня к висящему на стене рельефному макету Кахетии.

— Вот смотри, — он размашисто обвел карандашом Алазанскую долину, — основной сельскохозяйственный район Кахетии. Сплошные виноградники, фруктовые сады, табачные плантации. Ежегодный ущерб от гроз и градобития достигает двадцати миллионов рублей. Мы защищаем сейчас, — карандаш лег поперек долины, — около ста пятидесяти тысяч гектаров. В прошлом году эта площадь дала прибыль на девять миллионов рублей больше, чем контрольная, то есть такая же, но не защищаемая.

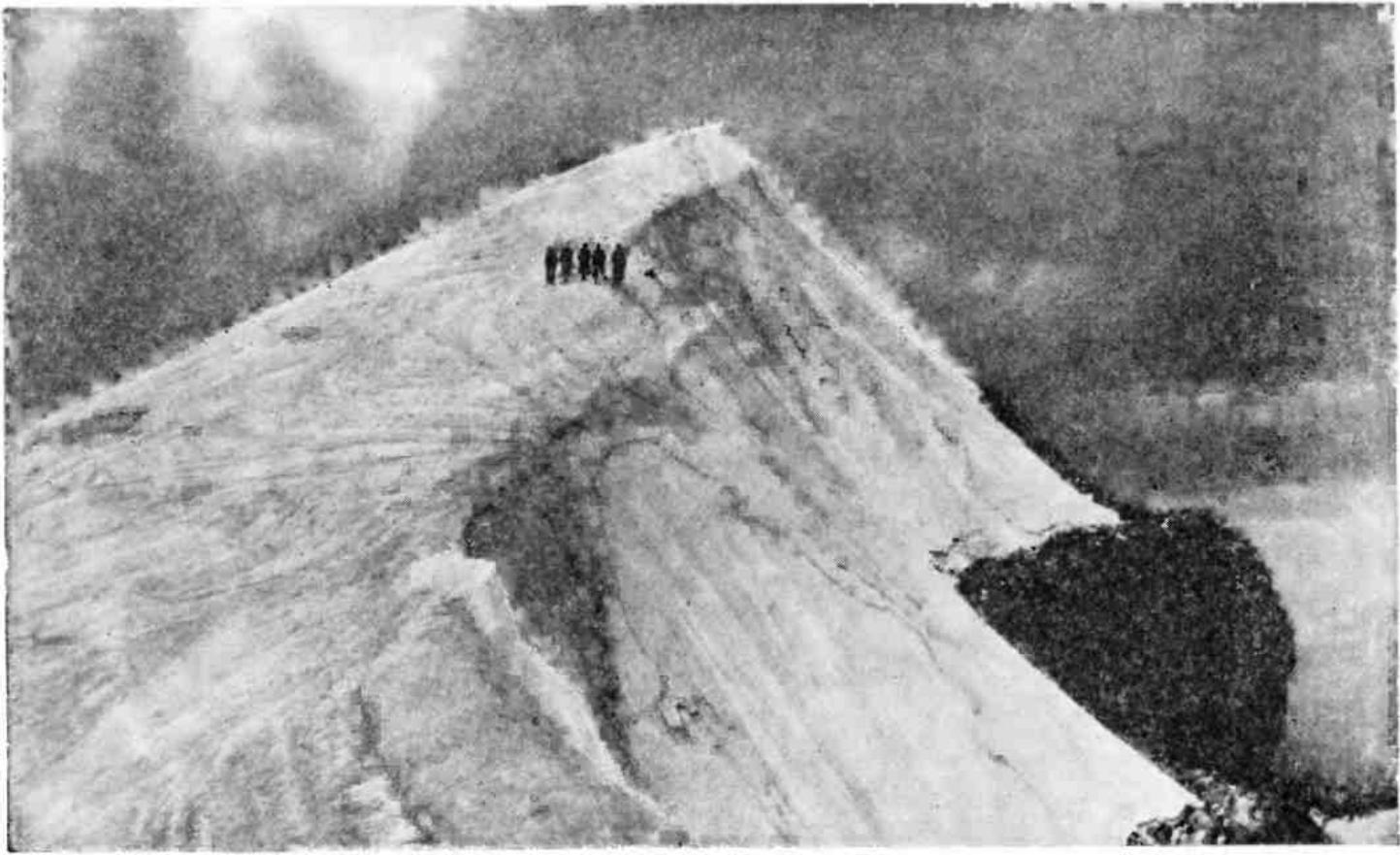
— Во сколько же обходятся сами мероприятия по борьбе с градом?

— Процента два-три от общей суммы ежегодного ущерба.

Забегая вперед, скажу, что за все лето граду удалось прорваться на защищаемый участок лишь дважды.

Два раза за все лето! И это в Кахетии, которая занимает одно из первых мест в мире по числу градобитий в год.

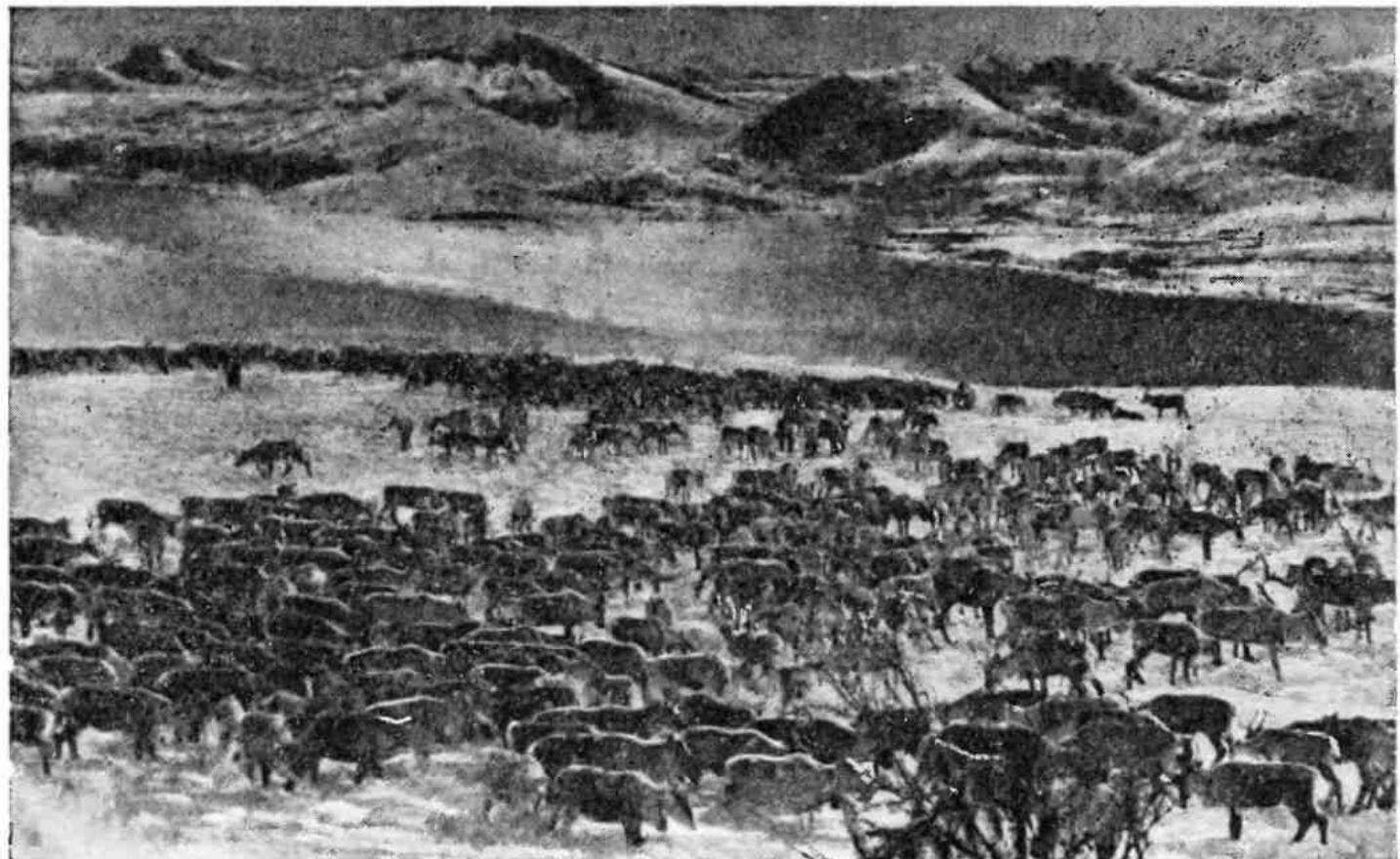
(Окончание на стр. 13)

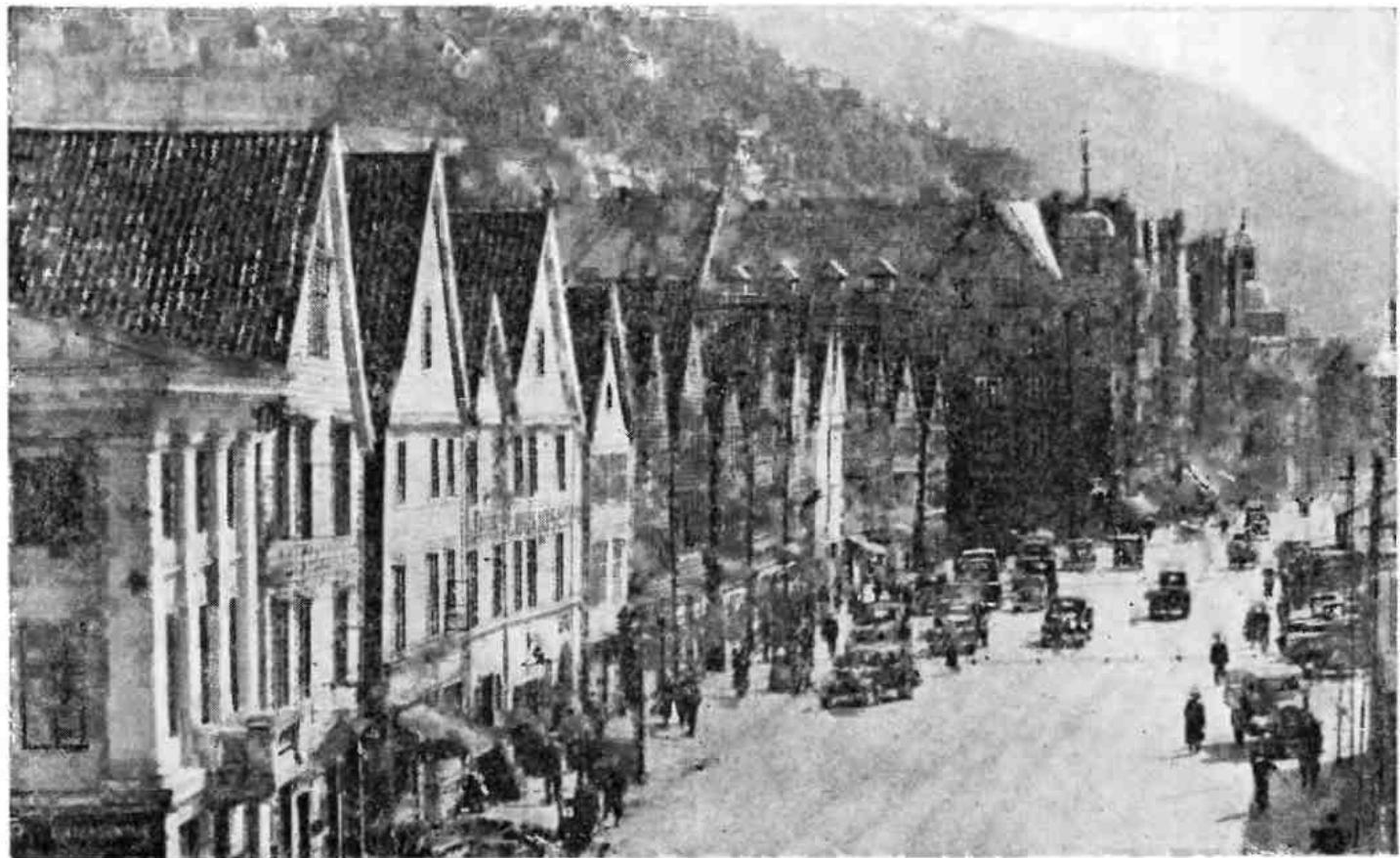

Глетчер Гланттертнин (2 451 м) — одна из высочайших вершин Норвегии.

НОРВЕГИЯ—

Среди заснеженных скал на берегу Балльс-фьорда находят себе пищу неприхотливые северные олени.

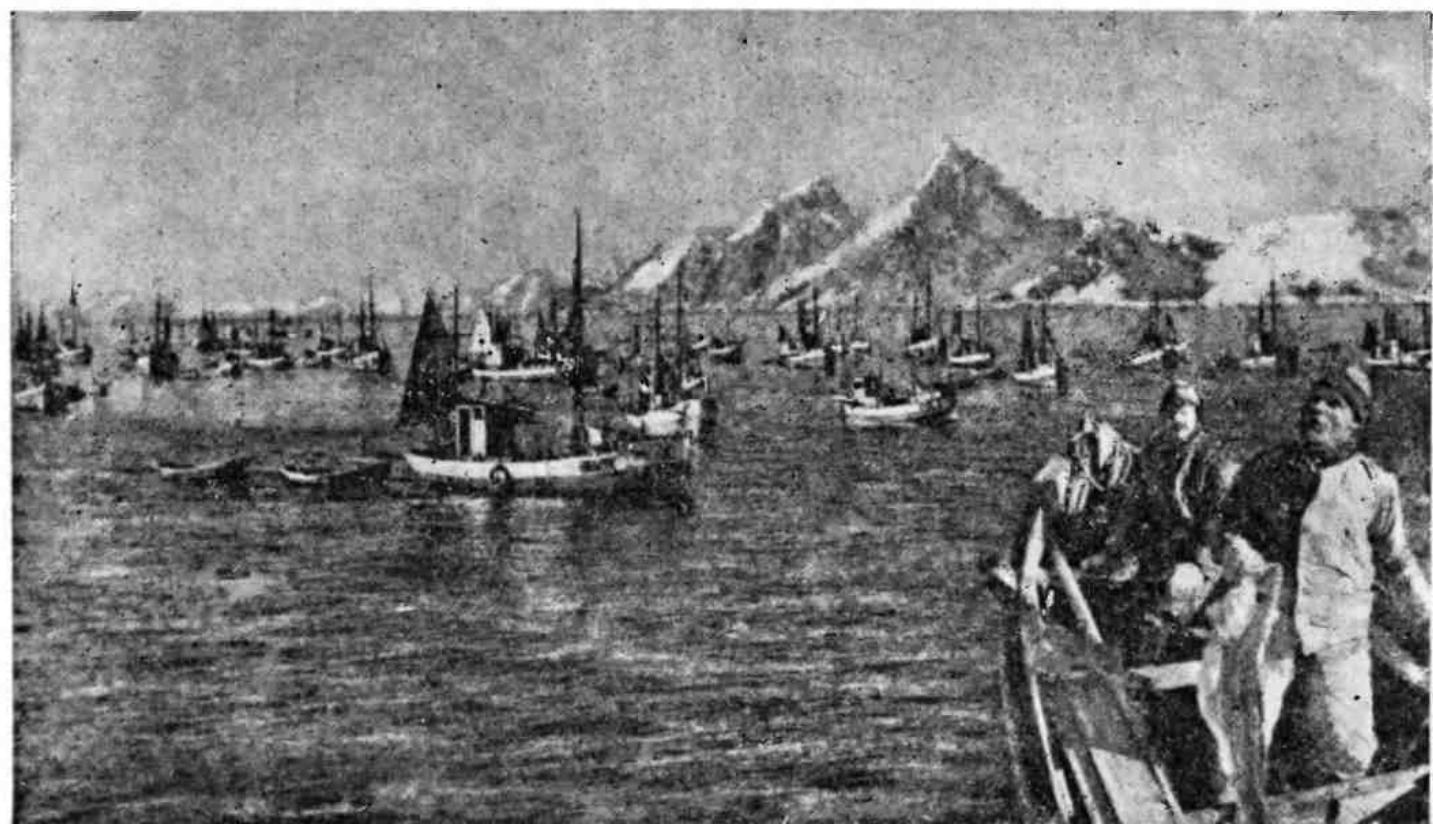

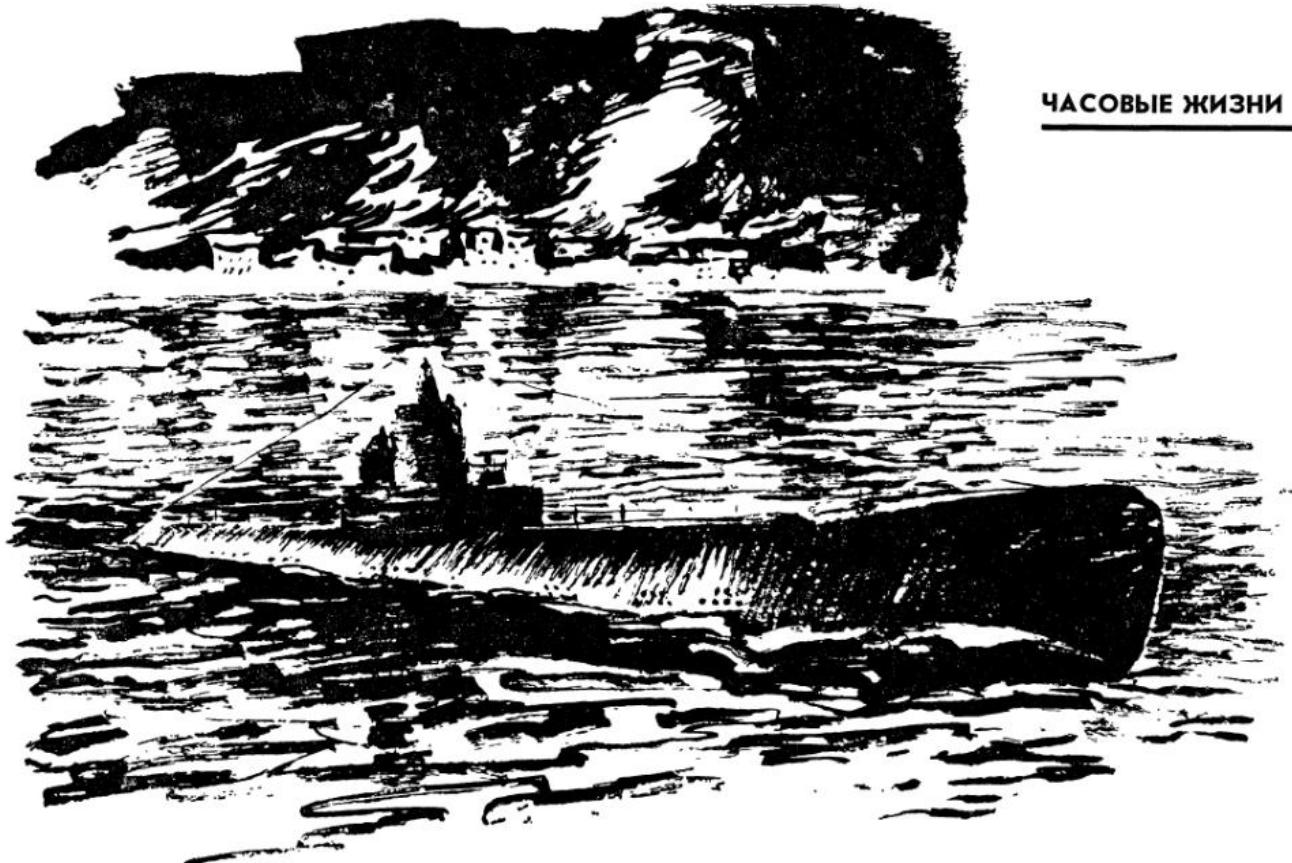
РЯДОМ

Фасады старинных домов выходят на одну из главных улиц Бергена, а задние их стены упираются в гору.

Когда к Лофотенским островам подходит треска, каждый здешний крестьянин становится рыбаком.

СЛОВО
ФОТОГРАФИЯ

Светлой памяти героического экипажа балтийской подводной лодни „С-3“ и его мужественного командира капитан-лейтенанта Костромина посвящаю.

ЮРИЙ ТАРСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ

В декабре сорок первого меня ранило под Тихвином, и я попал в Кронштадтский госпиталь. Парни в нашей палате подобрались что надо: все добрые вояки, любители крепко просоленной шутки и хорошей морской подначки. Спустя день мы уже были на «ты», а через три дня знали все друг о друге. И только старшина первой статьи Андреев — «молчун», как окрестили его ребята, — за две недели десяти слов не сказал. И во сне молчал. И на перевязках, когда сестра задубелые бинты от раны оттирала, ни слова не промолвит. Морщится, губы кусает, а молчит.

Но однажды на обходе молчун вдруг заявил:

— Плохо лечите, доктор.

Никодим Авксентьевич даже смущился:

— Рана у вас тяжелая. А на выписку поскорей, думаю, всем хочется.

— Мне «не хочется», мне надо.

Может, больше, чем другим, на-
до, — зло сказал Андреев.

Наш Никодим Авксентьевич, которого мы побаивались за крутой нрав, поворотил ежик на голове и, словно виновато, промямлил:

— Я уж постараюсь, товарищ Андреев.

Обидел нас старшина. Ему надо, а нам?

Дня через три после того обхода все разъяснилось.

После обеда я заснул. Проснулся, гляжу — в палате гости: два командира. Сидят на табуретах возле койки старшины. На тумбочке — бумажный пакет, из него выглядывает румяное яблоко и торчит серебряный уголок шоколадной плитки.

Одного из гостей — худощавого, со строгим лицом комиссара подводников Зорина — я знал. Другой был мне незнаком.

— Командир бригады подлодок контр-адмирал Гром, — шепнул мне сосед.

Старшина волновался. Говорил

быстро, сбивчиво. Лицо его было бледнее обычного, худые, в красных прожилках руки мяли и разглаживали ворсистую ткань одеяла.

— Война застала нас в Прибалтике, — рассказывал старшина. — Основные соединения кораблей вышли из гавани на морские просторы и вели ожесточенные бои с флотом противника. Наша лодка ремонтировалась. Весь день и всю ночь фашистские самолеты бомбили город.

Уж как мы работали! Дни и ночи. Спали по часу, по два прямо на палубе, у механизмов, да и то, когда валились с ног.

И все же сделать всего не смогли. Не успели. Стало известно: фашистские танки прорвались у Паланги и катят на город. Каждому ясно: оставаться на базе нельзя — с часу на час гитлеровцы закроют выход в море.

Командир базы распорядился: всем оставшимся в гавани кораблям, у которых исправны машины,

прорываться на север — в Ригу и Таллин. Корабли, оказавшиеся не в строю, приказал уничтожить. Подорвать своими руками...

Матросы взорвали в доке эсминец и подводную лодку, пустили на дно бухты тральщик и два «морских охотника». Моряки плачали, когда губили свои корабли... Плакали и кляли фашистов. Боцман с эсминца перед тем, как бикфордов шнур поджечь, палубу цевовал. Слезы по морщинам текут — не стирает. Однако сделали свое дело. Надводники в сухопутную оборону подались, а экипаж со взорванной подлодки перешел к нам.

Мы собрали дизеля, приняли боезапас для пушек, солярку. Торпед, однако, не грузили — аппараты все равно не действовали.

Хуже всего — лодка не могла погружаться. Электродвигатели подводного хода были разобраны и вместе со станцией погружения и всплытия погибли в разбомленных цехах завода. В общем осталось от лодки одно название — «подводная».

Базу покидали за полночь, когда «юнкеры» и «мессеры» немного угомонились.

пался. Получаса не прошло, как из-за горизонта показались торпедные катера.

Наши комендоры открыли огонь. Первый залп — недолет. Второй и третий — за катерами. Но уж четвертый пришелся впору. Один катер на куски развалился, еще два задымили, перестали стрелять. Ну, думаем, отбемся.

Только разве управишься с этакой сворой! Их еще семь осталось. Верятся, как блохи, с разных концов. У них и пушки скорострельные, и пулеметы, и торпеды. А у нас одно спасение — маневрировать.

Вот уж когда наш командир себя показал. То вправо, то влево лодку бросит, то застопорит ход, а то сразу как рванет с места...

Многих наших ребят фашисты покосили. Убьют комендора, ему на смену матросы и старшины из второго экипажа становятся — мотористы, электрики, трюмные.

Как ни бились мы, все же удалось одному фрицу к нам подобраться. Увидел я пузырчатые дорожки на воде, крикнул командиру: «Торпеды!» Но было поздно.

Взрывом меня оглушило и швырнуло на палубу. Когда очнулся, вскоцил на ноги, снова вскарабкался на свое место сигнальщика. И вижу, корма лодки под водой, нос задрался кверху. Всех, кто находился на кормовой надстройке, взрывной волной снесло за борт. Пушка с обломанным стволом валяется поперек палубы. Дизели остановились, и ветер медленно разворачивает нас поперек волн.

Катера прекратили стрельбу. Видно, решили, что на нас снарядов не стоит тратить.

— Тепленых хотят взять, — с ненавистью сказал командир.

Он покачнулся, обеими руками схватился за голову. Я подумал: «Сейчас упадет», — бросился к нему. Командир отстранил меня. С минуту он стоял, сгорбив плечи, покачиваясь из стороны в сторону. Потом приказал:

— Запросите центральный пост: как у них там?

Из центрального поста ответили: кормовые отсеки затоплены, люди в них погибли, лодка продержится на плаву еще от силы пять-восемь минут. Командир наклонился над люком и крикнул им вниз:

— Нужно продержаться четверть часа. Слышите? Четверть часа!

Из центрального поста не ответили. Командир опять пошатнулся. Щеки у него стали белее снега. Он рванул ворот кителя и снова крикнул:

— Четверть часа!.. Ясно?!

Снизу, наконец, отозвались. Я узнал голос механика:

— Есть четверть часа! Продержимся...

Командир приказал позвать старшего помощника.

Я не понимал, что он задумал, как можно продержаться, если у

лодки оторвана корма, не работают помпы и море свободно вливается в отсеки через пробоины. Я вообще мало чего понимал: смотрел на близкий берег, на мечущиеся катера, на командира...

Старпом вылез из люка до пояса, дальше подниматься не стал. Он был перемазан в соляре, из полуоторванного рукава его кителя торчали рыжие ключья слежавшейся ваты.

— Как там? — командир ткнул пальцем в круг люка.

Старпом затряс головой. Говорите громче, не слышу. Командир нагнулся к нему и почти криком повторил вопрос. Старпом махнул рукой.

— Плохо. Шесть человек остались. Двое ранены. Вода быстро прибывает.

— Как запалы?

— Вставлены.

— Слички?

Старпом похлопал ладонью по нагрудному карману кителя.

— С матросами говорил?

— Да.

— Ну?

— Они — как и мы.

— Ясно. По готовности доложите и ждите мою команду... — Командир помедлил. — Если я не смогу, он подаст, — и показал на меня.

Стояла тишина. Катера заглушили моторы и болтались на волнах в отдалении. Где-то на берегу пророкотал взрыв, и над холмами позади маяка поднялось черное пушестое облако. Изредка с катеров взлетали ракеты: красные, зеленые, белые.

Но вот фашисты не выдержали. От их группы отделились два катера. Они приближались, петляя по-заячьи, и по всему было видно, еще боялись нас. На мачте ближнего катера подняли сигнал.

Командир спросил:

— Чего они хотят?

Фашисты по международному своду сигналов требовали: «Сдавайтесь, иначе открываю огонь».

Командир пожевал губами, усмехнулся.

— Приятный разговор. Поднимите им: «Ваш сигнал не могу разобрать».

Я удивился. К чему тут разговоры? Но приказ... Готовлю флаги. А командир снова:

— И не спеши, старшина. Нам торопиться некуда...

Набрал я сигнал, поднял, а фрицы сейчас же в ответ: «Спустите свой флаг», и, конечно, опять: «Иначе открываю огонь».

В это время из люка показался старпом. Он сказал всего одно слово:

— Готовы.

Командир не ответил. Вытянул из кармана кожанку пачку «Беломора», щелкнул пальцем по донышку. Потом протянул пачку старпому. Тот грустно улыбнулся.

— Прежде не научился, а теперь уже вроде поздно... Впрочем.

ВЗРЫВ

Выбрались мы из порта и повернули на север. Командир приказал проложить курс на Таллин, расположился дать полный ход.

Прошел час. Второй начался. Море не шелохнется. Ночь — чернее черного; только под самым бордюром вода от зарева, словно кровь густая. В каждой водяной выбоинке перископы и мины мешаются. Дизели стучат, что новые ходики.

Начало светать. С правого борта открылся маяк Ужава — три лесистые горушки, и между ними башенка белая. Штурман обрадовался: «До мыса рукой подать. Уж теперь-то...» И доказывать не успел, командир как закричит: «Воздушная тревога!» Глядим, от берега самолет летит: мы его «рамой» окрестили. «Рама» сторонкой пошла. Комендоры у пушек аж пританцовывают. Однако командир стрелять не велит. С такой дистанции можем не попасть, а так, может, «рама» нас не заметила.

Глазастый фриц нам, на беду, по-

давайте, — махнул он рукой и потянулся к пачке.

Командир прикурил и подал горящую спичку старпому. Они присели на корточки возле люка.

Когда папироса была выкурана, командир аккуратно затушил ее о подошву ботинка, хотел швырнуть за борт, но передумал, сунул в спичечный коробок.

— Другого выхода у нас нет, — сказал командир.

Старпом кивнул.

— Знаю... Разрешите идти?

— Иди, — сказал командир и отвернулся. Стал смотреть на море.

И снова мы с командиром остались вдвоем. Он молчал. Привалившись спиной к тумбе перископа, смотрел на болтавшиеся вдали катера. Но вот он пошевелился, что-то сказал мне. Я не рассыпалась, попросил повторить. Он показал рукой на восток.

Над берегом всходило солнце.

На торпедных катерах засуетились. Головной катер дал ход. Следом за ним двинулись еще три катера. У нас за кормой они разделились на пары и стали подходить к правому и левому бортам лодки.

На их мостиках и палубах было людно. Уже можно было разглядеть лица фашистских матросов.

Я посмотрел на коммандира. Он вытянулся, левую руку сунул в карман, правую — за борт кочанки.

Обернулся ко мне, словно мой взгляд почувствовал. Наши глаза встретились. Он покачал головой — дескать, «все в порядке» — и снова повернулся к фашистам.

Лодка вздрогнула, застонало железо. То причалили катера.

Командир взял руку под козырек и торжественно, как на утреннем подъеме флага, скомандовал:

— Военно-морской флаг поднять!

Я потянула за фал. У вершины флагштока ветер подхватил и рывком развернул полотнище. Словно белокрылая чайка, взметнулось оно над морем.

Немцы, хохоча, посыпали к нам на палубу. На мостике показался первый... Это был офицер. Он тяжело дышал, сизое, без кровинки лицо его было потно, ко лбу прилипли спутанные волосы. Гитлеровец что-то кричал.

Когда он поднялся над мостиком по пояс, коммандир шагнул ему на встречу и выбросил вперед руку с пистолетом. Но выстрела почему-то не последовало. Тогда коммандир размахнулся и что было сил швырнул пистолет в офицера. Тот всплеснул руками и, увлекая поднимавшихся следом за ним, полетел с трапа за борт.

Командир подскочил к люку и крикнул:

— Смерть фашистам! За Родину!

В глубине лодки ахнуло. Из люка вырвался раскаленный воздух и огонь. Палуба под моими ногами вспучилась, поднялась дыбом...

Старшина Андреев откинулся на подушку и провел ладонями по лицу, будто хотел стереть то страшное, что стояло сейчас перед его глазами.

Кто-то из раненых спросил тихо:

— А дальше?..

— Ничего не помню, — показал головой Андреев. — Меня подобрали краснофлотцы-сигнальщики, их пост на маяке был. Они видели весь наш бой. Только один катер успел отскочить от лодки. Два разнесло в щепки, а третий так изуродовало, что гитлеровцы сами затопили его — видно, опасались, что могут подойти наши.

— Кроме вас, кто-нибудь еще спасся? — спросил комиссар.

— Нет. Все там остались. Их было пятьдесят семь. Я — пятьдесят восемь...

Рисунки В. НЕМУХИНА

Его зазубренный край уже поднялся над холмами, и все вокруг словно ожило. Сразу стало теплее.

Командир зажмурился. Мне показалось, что он застонал. Но спустя секунду я услышал его бесстрастный голос:

— Старшина, замените флаг на парадный.

Я уставился на него.

— Но для этого нужно спустить старый флаг, а фрицы подумают...

Он не дал мне закончить:

— Какое нам дело до них, — и приказал: — Заменяйте.

Я вынул из сигнальной ячейки новый флаг и пошел к флагштоку. Флаг был огромный, шелковый. Мы берегли его и поднимали только по праздникам.

Я спустил наш старый, разложматившийся по краям флаг и стал привязывать к фалу новый. Командир крикнул:

— Не торопись, старшина!

ГРАДОБОИ

(Окончание. Начало на стр. 2)

«ЭЙ, ВЫ! НЕБО! СНИМИТЕ ШЛЯПУ!»

Путешествовать во Времени совсем не трудно. Для этого не нужна даже придуманная Уэллсом фантастическая машина. Нужно просто закрыть глаза.

...Мы сидим на земле, у стены древнего языческого капища, сложенного из огромных нетесанных глыб. На бедрах у нас звериные шкуры, ибо сейчас еще даже не «до наша» эра и брюки еще не в моде — ни узкие, ни широкие. Рядом лежат наши луки и колья. Мы сидим и, глядя в землю, слушаем старого экреца.

«...Вы посмели забыть о молитвах! Боги не прощают забвения! Страшен гнев богов... Берегитесь!..»

Страшен гнев богов... Вчерашний град смешал с землей наши посевы. На черных полях ни единого колоса. И многие хижины в селении разрушены ураганом. Ни пинки, ни крова.

Помогите, всесильные боги!

— Ну что ж, потолкуем с «богами» с позиции силы.

Возвращение в ХХ век нашей эры совершается в полгновения. Стоит лишь открыть глаза. Новая противоградозащитная ракета послужит неплохим аргументом в споре с небесами.

Раньше мы были вынуждены расстреливать на каждый градовый очаг до полутора десятков ракет. Облака, проходящие на большой высоте, мы доставали с трудом и далеко не всегда.

Чтобы хоть как-то компенсировать малый радиус действия ракет, приходилось иметь большое количество пунктов воздействия и размещать их поближе к небу — на вершинах гор.

Зато теперь, имея новые ракеты, мы сможем достичь практически любой градовый очаг — и на дальних подступах к хребтам и над самым центром долины. И на любой из них нам понадобится максимум три-четыре ракеты.

По иронии судьбы первый день испытаний совпал с днем, в который люди в старину творили молитвы об избавлении от града и засухи. Ну что ж, если сейчас еще боги ждут от людей молитв и жертвенного фимиама, то получат они совсем другое.

У нас на пункте все готово. Сержин сидит у рации и запрашивает «добрь» на запуск ракет.

И вот, наконец, наступает долгожданный момент. На пункте все замирает. Всцаряется короткая тревожная тишина. Как в комнате, где люди присели перед дорогой.

— Пуск!

Вспышка, удар, и ракета с харак-

терным свистящим шорохом уносится в небо. Яркая белая полоса стремительно перечеркивает безоблачную голубизну.

— Пуск!

Пошла вторая.

Третья... Четвертая... Потом сразу четыре — залпом. Сотни глаз, вооруженных оптикой, и просто так, из-под руки, апиваются в небо. Десятки рук сжимают секундомеры. В Руиспире, за двадцать километров отсюда, настороженно ворочают антеннами локаторы, ловя на экраны светящиеся точки.

Молнии всегда летели лишь с неба на землю. Так было всю жизнь, сколько помнит себя человечество. Но всему приходит конец.

— Пуск!

«Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!»

Задавались ли вы вопросом: когда стало сегодня солнце? И насколько наступивший день будет длиннее вчерашнего? И улыбнется ли вам погода, или тучки, бежавшие от первых лучей, соберутся снова? И какие травы зацветут сегодня на лугу?

Сто тысяч «почему», «когда», «зачем» может возникнуть у любознательного человека.

Одна из книг, которая отвечает на многие вопросы, — настольный гидрометеорологический календарь «Человек и стихия» на 1964 год.

Календарь построен по очень простому принципу — двенадцать месяцев в году, двенадцать разделов. Каждый раздел начинается данными о восходе и заходе солнца и луны, о долготе дня, сведениями о погоде на месяц. В разделах «Март», «Июнь», «Сентябрь» есть интересные фенологические календари на весну, лето и осень.

Богатые фактами и цифрами статьи о водных ресурсах Советского Союза, о Международном году спокойного Солнца, о предсказании погоды, об экспедиционных исследованиях на целине, о применении электронно-счетных машин в климатологии вводят читателя в круг больших проблем метеорологии и гидрологии.

Шедро рассыпаны по страницам календаря и любопытные заметки — о «долинах смерти» и пыльных бурях, о внутриводном льде, соленых реках, мангровых зарослях, о... Но довольно перечислений. Пусть лучше читатель убедится сам, насколько увлекательны эти заметки, и, подобно автору рецензии, загорится желаниям открыть для себя в природе еще незнакомое «чудо».

Календарь не вводит читателя в заблуждение: мол, открытие ждет вас за углом; здесь много статей, которые рассказывают о кропотливом, нелегком труде исследователей.

...Это было в дни блокады Ленинграда. Единственная дорога, которая связывала город с Большой землей, проходила через Ладожское озеро. «Дорогу жизни» охраняли советские летчики, артиллеристы и... гидрологи. На экспериментальных площадках дороги были установлены приборы. Под постоянною артобстрелом при сорокаградусном морозе гидрологи пронодили промеры льда, регистрировали состояние трещин в ледяном покрове, давали прогнозы тем, кто не пополз с гор ледник Медвежий, грозя затопить долину.

А разве не требовал колоссального напряжения сил санный поход советских исследователей к Южному геомагнитному полюсу в Антарктиде? И разве не отличалась военной собранностью работа гидрологов летом 1963 года, когда пополз с гор ледник Медвежий, грозя затопить долину?

Славные страницы науки...

Собранные воедино в календаре, они подводят читателя в мысли — еще не одну главу предстоит вписать в летопись науки, познавшей волну и воздушную стихию. И сделают это любознательные, беспокойные, смелые.

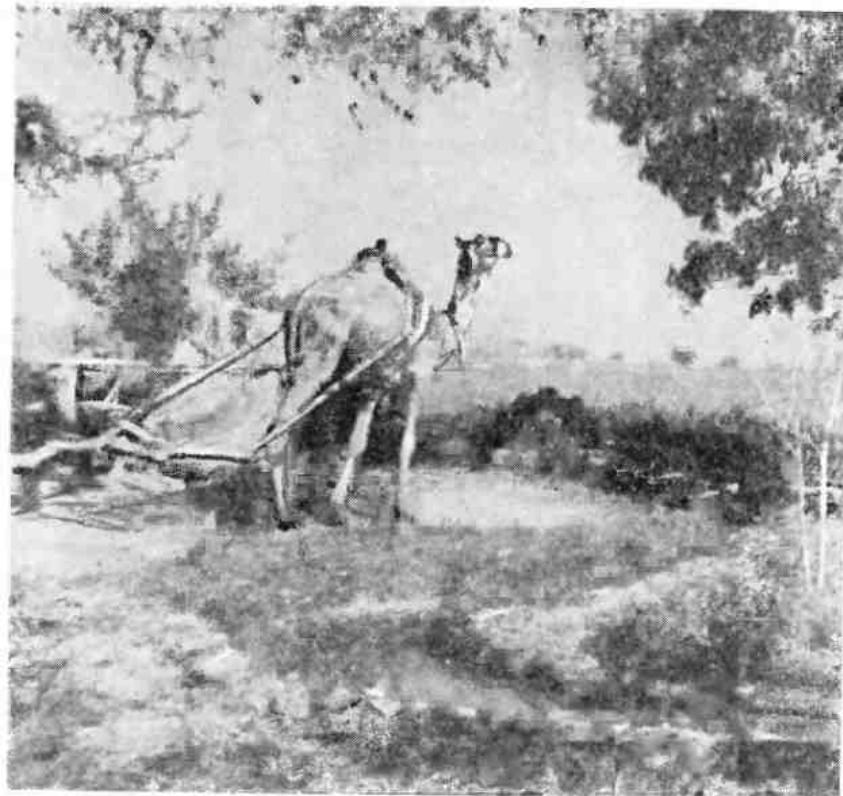
Л. ЧЕШКОВА

«Человек и стихия». Гидрометеорологическое издательство. Л., 1963, 2-й выпуск.

Среди холмов

Дорога ползет и ползет на северо-запад от Дели, между холмами полупустынного, засушливого штата Раджастхан. К ней запыленной корявой стеной подступили высокие колючие кусты, за ними проглядывают квадраты плантаций сахарного тростника, перемежающиеся участками горчицы и ячменя. Вот и деревня. А через несколько минут шумная толпа «гидов» — мальчишек и девчонок — ведет нас к недостроенному, в лесах, двухэтажному дому.

С его плоской крыши деревня как

Раджастхана

Фотоочерк Е. ДЕНИСОВА

на ладони. Глиняные мазанки с глухими стенами и маленькими отверстиями под потолком вместо окон. Дорога-улица, что с трудом находит себе место между разбросанными как попало домами. За глинобитными заборами во дворах аккуратно сложены кучи кизяка, высится тростниковые или соломенные хранилища для семян и кормов, повозки, скот. Между домами, по узким проходам, то и дело скрываясь из глаз за кучами зелени, спокойно и величаво идут женщины в зеленых и желтых сари с корзинами на голове.

Деревня живет своей обычной жизнью. Вот там, в стороне, ко всему равнодушные быки медленно тянут арбу на высоких деревянных колесах. В тени деревьев ходят по кругу верблюды, вращая привод «персидского колеса» — самодельного ковшового водоподъемника. Поблизости никого нет — верблюд работает без присмотра, как заведенный механизм. Вода из ковша выливается в желоб и по канавке идет на поля. Говорят, что один верблюд с помощью такого нехитрого устройства поднимает с пятиметровой глубины

до четырех тысяч литров воды в день.

На окраине деревни обмелевший пруд. Жарко. Коровы зашли в воду и стоят, полузакрыв глаза и лениво двигая челюстями.

Солнце припекает вовсю. Но на широкой площадке не прекращается работа: крестьяне варят из тростника сахар — «тур». Пара быков вращает привод тростниковой дробилки, на ней стоит, помахивая хворостинкой, черноволосый мальчуган. Рядом в котлах, врытых в землю, уже кипит мутно-белая жидкость — сок сахар-

ного тростника. Два подростка поддерживают под ними огнь, третий плоским, на длинной ручке, черпаком снимает с бурлящей жидкости пену. Тут же на тростниковых листьях кувыркаются малыши. Двое подбежали к нам с кусками тростникового стебля. Ловко очистив верхний слой, они жуют сердцевину, высасывая сок и выплевывая мякоть. Крестьянин наливает полные кружки только что отжатого сока. Улыбаясь, протягивает нам: «Очень полезно — очищает кровь».

За окольцей торчит каменная башня, прилепившаяся на склоне холма. По виду очень древняя. Спрашиваю у ребят:

— Что это? Как называется?

Вместо ответа один малыш согнул руку «гусем», резко дергая ее, зашипел: «Пш! Пш!» Малыш явно изображал атакующую кобру, предупреждая, чтоходить к башне не безопасно.

А на самом краю деревни у дороги — бетонированная площадка. Здесь — общий колодец. Построил его «панчаят», орган местного самоуправления, на полученную от правительства ссуду.

Здесь, особенно в такую жару, собирается чуть ли не вся женская часть населения деревни. Одни стирают, другие разговаривают, третьи просто отдыхают.

Вот одна из женщин, поставив на голову большой глиняный кувшин с водой, направилась к дому. Медленно и плавно, покачивая плечами, как в танце, следом двинулись остальные. Мелькнули пестрые — зеленые и желтые — сари, улеглась пыль на тропинке. Тишина, жарко...

На полях Радикастхана — пора жатвы.

Фото Е. ДЕНИСОВА

Золотые змеи

ЖАК-ИВ КУСТО

В началу 1954 года непредвиденные расходы на нашу базу Порт-Калипсо и подводные работы довели меня почти до отчаяния. Они поглощали все доходы от книг, статей, фильмов, лекций. Мои письма в министерство просвещения с просьбой о финансовой поддержке ни к чему не приводили: только представлят смету на утверждение правительству, а оно уже уходит в отставку. Я писал снова и снова... И всякий раз очередной правительственный кризис обрекал мои ходатайства на консервацию в архивах.

Сырой, дождливый марсельский вечер... Исчерпаны все возможности. Видно, придется распускать нашу группу... Я был на берегу, старался найти хоть какой-нибудь выход. В это время на борт «Калипсо» поднялся строго одетый человек с черным зонтом. Он обратился к Симоне:

— Простите, мадам. Как вы полагаете, возьмется капитан Кусто выполнить подводные исследования для Британской нефтяной компании?

— Войдите в каюту, прошу вас, — поспешила ответить Симона. — Не стойте под дождем.

Она предложила ангелу-спасителю виски с содовой.

— Мой шеф читал книгу вашего супруга, и он полагает, что было бы неплохо, если бы капитан Кусто обследовал нашу концессию у берегов Абу-Даби.

— А где находится Абу-Даби? — спросила Симона.

— Это княжество на оманском побережье Персидского залива, в той части, которую раньше называли Пиратским Берегом.

Симона провозгласила тост за здоровье пиратов.

Вернувшись в подавленном настроении на «Калипсо», я застал весело смеющуюся жену в обществе какого-то незнакомца. Так «Д'Арси иксплорэйшн» спасла «Калипсо». Мы запросили лишь малую долю того, что обычно берут за подобные работы. Я рассчитал, что за четыре месяца мы управимся с изысканиями и у нас еще останутся деньги на столь нужное нам снаряжение.

В Ормузском проливе я отклонился от маршрута, чтобы зайти в залив Эльфинстон, который называют «самым жарким местом на земле». Это узкий фьорд, врезанный в голые известняковые утесы Аравийского полуострова. У входа в него мы совершили короткую подводную вылазку, и ныряльщики собрали полные корзины устриц с очень твердой раковиной. Не все виды устриц съедобны и не во всякое время года, но этого из калипсия не смущало. Лабан поднес мне для пробы устрицу на кончике ножа. Она оказалась превосходной. А между тем кого бы мы здесь

ни встречали, никто не знал, что в Персидском заливе есть съедобные устрицы!

Самое жаркое место и впрямь было жарким, даже в феврале. Зайдя в глубь залива, «Калипсо» бросила якорь у песчаной отмели, над которой на тысячу футов вздыпался утес. На берегу ютилась деревушка Сиби — глиниобитные хижинки с шиферными крышами, и в них около сотни иссохших, тощих обитателей. Трудно представить себе более безотрадный уголок..

Мы сошли на берег в сумерках. Ни женщин, ни детей не видно; лишь несколько смуглых, напоминающих привидения мужчин сидели на корточках на песке. На наши приветствия они не ответили. А ведь появление исследовательского судна, наверное, было здесь редким событием.

Куда ни погляди, ни зелени, ни пресных водоемов, ни домашних животных. Хоть бы одна паршивая собачонка... И так на всем побережье залива Эльфинстон. Только в Бахрейне мы узнали, чем пробавляются сибайцы. Зимой женщины ткut ковры из козьей шерсти, мужчины ловят мелкую рыбешку и сушат ее на раскаленном берегу, чтобы продать в Бахрейне на корм скоту. Но летом даже местные жители не выдерживают зноя и всей деревней уходят в горы, к оазисам Хадрамаута, где собирают финики и запасают козью шерсть.

Утром следующего дня из густого тумана над фьордом донеслось хрюкающее пение, затем показались лодки. Жители Сиби пришли к «Калипсо» просить пресной воды. Мы поделились с ними, оставив себе ровно столько, сколько было необходимо на путь до Бахрейна.

Глава из книги «Живое море». Начало в № 5.

Жители подводного дома Кусто в Красном море. Они вылавливают интересующих их рыб с помощью пластиковых мешков. Рыб помещают в «аквариум», где за ними ведут наблюдения.

Залив Эльфинстон — одно из самых жарких мест на земле.

Лодочники выразительно провели ногтем поперек горла. На всякий случай Сау и боцман взяли в руки багры.

— Они просят бритвенных лезвий, — догадался кто-то.

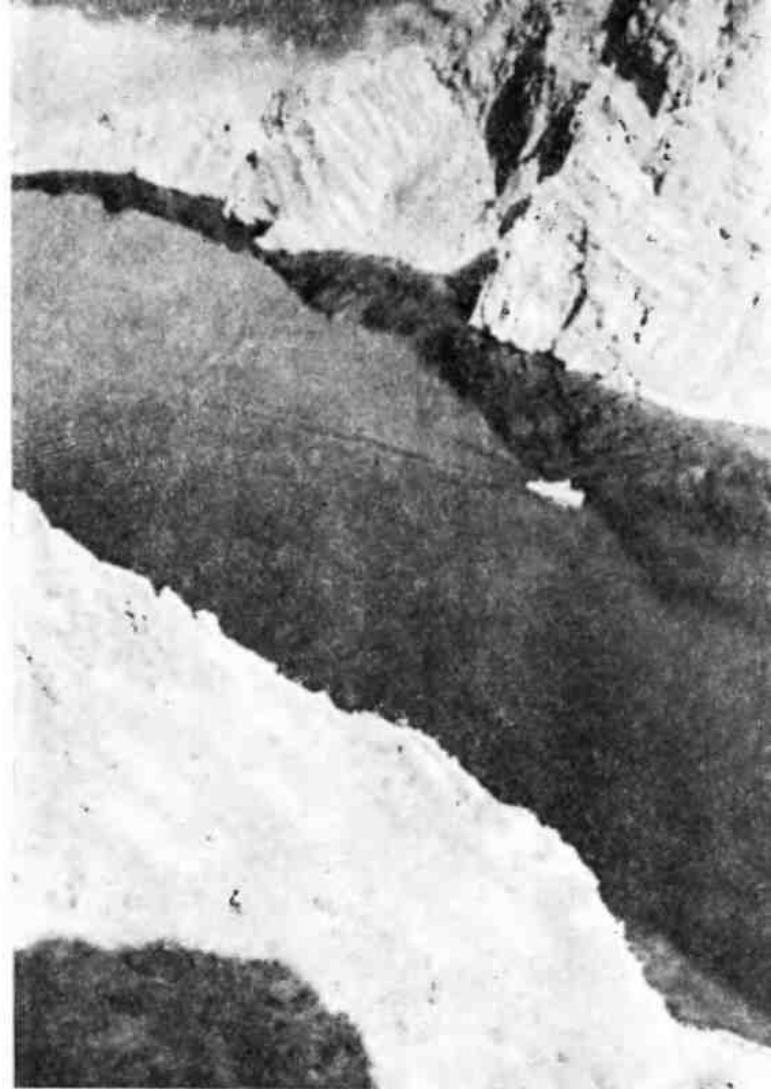
Арабы получили лезвия.

Один из лодочников принял горячо говорить что-то, показывая на кучу черного тряпья, лежавшего у его ног. Что ж, ветоша может нам пригодиться как обтирочный материал. Начали торговаться на пальцах. Он запросил семнадцать фунтов. Вдруг тряпье зашевелилось. Мы жестами потребовали показать, что в нем завернуто. Лодочник неохотно приподнял уголок тряпки, и мы увидели... две пары подведенных сурьмой испуганных девицких глаз.

— Поднять якоря! — распорядился я.

В нашем сознании Персидский залив ассоциировался с ловлей жемчуга, но этот промысел переживал упадок. Луи Малле решил снять на киноленту одну из последних замбук, промышляющих жемчуг в районе Дибая. Ныряльщики были пожилые, изможденные люди. Перед тем как идти под воду, они надевали на нос зажимы, сделанные из акульих позвонков, и прикрепляли крючки на два пальца каждой руки. В корзины клади камни для балласта. Один из ловцов жемчуга облекся в черный «гидрокостюм», сшитый из нижнего белья. Накуда, капитан замбуки, объяснил, что костюм предохраняет от нападения акул.

Малле погрузился вместе с ныряльщиками. Их неизящные глаза плохо видели под водой, но руки работали уверенно и быстро, нагружая корзины раковинами. Сотни раковин были собраны во время этого погружения, но все до одной оказались пустыми. Наши аквалангисты попытались счастья в стороне от обычных мест промысла и добыли одну-единственную жемчужину неправильной формы. Мы отдали ее боцману

ДВЕ ВСТРЕЧИ С КУСТО

...Мы беседовали с группой французских океанологов на палубе нашего «Академика Вавилова» в Марсельском порту. Разговор прервал приветственный рев сирен. В гавань медленно вошел небольшой белоснежный корабль, не похожий на обычные суда.

— Смотрите, прибыла «Калипсо»! — сказал один из французов.

Мы узнали, что «Калипсо» вернулась из пятимесячного плавания в Индийский океан, руководил экспедицией Жак-Ив Кусто и сейчас он, по всей видимости, находится на корабле.

Через два часа около нашего причала остановился маленький четырехмоторный «Дофин», и на борт поднялся высокий худощавый человек. Это был Жак-Ив Кусто, знаменитый исследователь «голубого континента».

Он торопился.

— Хочу успеть домой с вечерним поездом, после экспедиции необходимо отдохнуть, вы же это понимаете, — сказал он.

Мы понимали. Понеся четвертый месяц, как мы покинули берега нашей Родины, а впереди еще почти целых два месяца плавания.

Спустились в лабораторию. Беседа шла о нашей общей цели — изучении Средиземного моря, о новых приборах и методике работ. Разговор коснулся океанографического института в Монако и знаменитого музея принца Альберта.

— Послушайте, — сказал Кусто. — Плавать в Средиземном море — и не посетить наш институт!

Мы рассмеялись и показали ему маршрут нашего плавания: вскоре наша экспедиция должна была выполнять работы между островом Корсики и Монако. Кусто молча взял лист бумаги, крупными буквами написал: «You must come to Monaco» (Вы должны посетить Монако), — и прикрепил листок над картой нашего маршрута.

...Среди нагромождения зданий, прилепившихся у подножия высокого хребта, издали выделялся фасад океанографического института.

Кусто встретил нас в порту как старых знакомых. Начали с осмотра океанографического музея, занимающего два огромных зала в верхних этажах. Обошли лаборатории института, посмотрели великолепный аквариум. Визит затянулся. Хотелось узнать как можно подробнее о планах ученого на будущее, о его проектах. В конце беседы Кусто показал нам рисунок, висевший на стене его кабинета. Смелая и гордая фантазия картины захватила нас. В голубом призрачном свете стояли на дне моря лаборатории, жилые дома, пролегли освещенные электричеством аллеи, заросшие причудливыми водорослями.

— Это и есть, собственно, наша дальняя цель. Человек перестанет быть пленником моря, из нежданного и неловкого гостя он превратится в полновластного хозяина морских глубин.

Приводил нас на следующий день в порту. Кусто сказал:

— Я прошу вас передать мои самые наилучшие пожелания океанологам вашей страны и всем людям, интересующимся морем. Оно скрывает еще много интересного.

Е. ПЛАХИН

Рау, чтобы тот сделал кольцо своей невесте. Он собирался сыграть свадьбу, как только вернется домой.

В Персидском заливе нередки внезапные шамалы — сильные ветры, длиющиеся по двенадцати часов, — и мы были очень озабочены тем, как удерживать судно на стоянке и собирать ныряльщиков во время таких ветров. Но чаще царило безветрие, и море было совершенно гладкое, серо-синее, точно свинцовый лист.

Однажды ночью я вместе с Дюгеном и австралийцем Алланом Ресселлом, который работал геологом в «Д'Арси икс плорейшн», стоял на носу «Калипсо». Верхний тонкий слой воды был словно стеклянный экран, внезапно вспыхивающий ярким светом, если нажать выключатель «Калипсо» шла, окруженная блестательным планктоновым ореолом. Вот показалась во мраке священная морская черепаха... А струи от винтов создавали огненный водоворот, который протянулся на много сотен футов за кормой. Но не только наше вторжение вызывало биoluminesценцию. В глубине мы видели яркие вспышки света, точно тысячи фотографов одновременно щелкали своими фо-

жирский лайнер «Шелл квест». Он пришел несколькими месяцами раньше нас и во время прилива стал на якорь на мелком месте. Под тяжестью людей, горючего и различных запасов «Шелл квест» зарылся в песок и очутился в западне. Жильцы общежития прилежно швыряли за борт пустую посуду. «Бутылочный риф» непрерывно рос. Печальная судьба грозила «Шелл квест»: превратиться в лагуну с берегом из ржавого железа, окаймленного стеклянным атоллом...

Дюма и я отправились на лайнер с визитом; нас приняли очень сердечно. Люди «Шелла» предложили нам выверить наш гравиметр по их бую, поставленному в точке, где сила тяжести была замерена с предельной точностью. Рядом, на пустынном островке Халуль, размещалась станция «Декка».

Потом мы выбрали время и навестили Халуль. Было уже темно, когда «Калипсо» подошла к острову, но мы приметили свет и сошли на берег. Проковыляли по рытвинам к светящемуся окну и заглянули внутрь. В комнате, углубившись в книгу, сидел молодой человек с длинными русыми волосами. Дюма постучался. Молодой человек отворил дверь — и ахнул.

— Вы Фредерик Дюма! — крикнул он, глядя на Дида. И показал нам свою книгу: она была открыта как раз на фотографии Дюма. Книга называлась «В мире безмолвия».

— Тони Мулд, — представился хозяин домика. — Входите, прошу вас.

Мы переступили порог комфортабельной лачуги отшельника.

— Летом, — сообщил он, — здесь бывает сто тридцать по Фаренгейту (59 градусов по Цельсию). Влажность девяносто процентов.

— Однообразная жизнь небось? — вздохнул Дюма.

— Несколько недель назад было очень оживленно, — возразил Мулд. — Подул шамал, и к острову привели сильно поврежденная замбука с паломниками из Ирана. Двести человек пять дней пробыли без еды. Я вызвал по радио помочь, но никто не хотел выходить в такой штурм. Из своих припасов я кормил женщин и детей. Мужчины возмущались. Как это так: главы семейства оказались обойденными!

Мы пригласили отшельника пообедать на «Калипсо», Лабан постриг его. Ныряльщики, обступив со всех сторон кресло парикмахера, высматривали Мулда о подводной обстановке.

— Я никогда не занимался нырянием, — ответил он. — Но ловцы жемчуга хоронят на моем острове своих покойников. Я покажу вам кладбище. Двадцать две могилы. Двоих, говорят, акула сгубила. Остальных — морские змеи.

Я отправился в Бахрейн — уладить вопрос со снабжением и выяснить, что это за морские змеи. Французский консул и несколько врачей заверили меня, что речь идет не о каком-нибудь мифе. Змей множество, некоторые длиной с кобру, и нет никакого противоядия от их укусов.

— Правда, — рассказал один специалист, — даже у семифутовой змеи пасть настолько мала, что она не может укусить гладкое тело; наиболее уязвимы складки кожи: например, между большим и указательным пальцами руки.

Удивляясь, почему природа создала убийцу со столь несовершенным оружием, я возвратился на «Калипсо».

тоспышками. Удалось выловить и виновника, какое-то медузоподобное существо, формой напоминающее лампочку.

— На «Калипсо» так интересно, что забываешь о времени! — воскликнул Рессел. — Этак проснешься однажды утром — и вдруг обнаружишь, что ты уже старик!

Мне кажется, он очень верно уловил, что вознаграждает нас за трудные битвы на берегу. Недели «выключенного времени» — вот главная добыча, которую мы извлекаем из моря.

«Британская нефтяная» поручила нам обследовать акваторию, которая по площади равнялась четырем департаментам Франции. Нужно было составить подробную карту изменений силы тяжести на дне и собрать образцы грунта. Мы пользовались морским гравиметром. Большое, напоминающее колокол приспособление подвесили к крану. Стрела крана выносит прибор за борт и опускает его на дно. Там он принимает сам нужное положение и передает показания на приемники, установленные на судне. Аномалия в силе тяжести — признак того, что под дном в этом месте где-то может быть нефтяной купол. Полезные сведения дают также образцы грунта. Если, кроме аномалии, в данном месте встретится определенный вид ископаемых организмов периода эоцен, геологи делают пометку: здесь стоит произвести разведочное бурение. Нам надо было сделать минимум двести проб.

На месте будущих работ «Калипсо» была встречена жужжанием самолета, который охранял невидимый пункт, обозначающий границу между концессиями «Шелл» и «Британской нефтяной». К услугам экспедиции «Шелл» были катера, баржи, даже плавучее «общежитие» с искусственным климатом: бывший пасса-

Всю дорогу мои пальцы непроизвольно пощипывали сухожилие, которому грозила такая опасность...

На первой же геологической станции мы заготовили трубку, чтобы взять пробы грунта. К огромной стальной «бомбе» весом около трех тонн внизу была привинчена трубка из твердой стали. «Бомбу» сбросили на глубину сорока пяти футов. Когда мы ее подняли, трубка отсутствовала. Аквалангисты нашли ее: вся искривленная, она лежала на плоском песчаном дне. Режущая часть была смята словно бумажная салфетка. Ныряльщики ковырнули песок; под дюймовым слоем обнажилась скала броневой твердости. Что же это за порода?

Мы поставили новую трубку и опять сбросили «бомбу». На этот раз трубку не сорвало, но удар изогнул ее зигзагом, и режущая грань была сплюшена. Из четырех трубок две потеряны на первой же станции!

Следующее звено аквалангистов захватило с собой лом. Они сунули его в норку, проточенную моллюском, и отломили несколько осколочков. Но это не устроило геологов. Дюма решил, что пневматическое долото

В окаймленном пустынями море мы работали, невидимые на шквали и песчаные бури. Вода была такая же колодчая, как в Средиземном море зимой. А на палубе хоть загорай!

«Акулоубежище» служило лифтом для ныряльщиков, а на дне оно играло свою обычную роль. Впрочем, его прутья с просветами в восемь дюймов не могли бы преградить путь морским змеям.

Правда, за первую неделю работ мы не встретили ни одной змеи. Зато когда пошли на следующую станцию, то по пути у самой поверхности увидели извилиющиеся белые и желтые ленты. Змеи казались такими же нереальными, как их деревянные подобия, которые высекают из «волшебных» шкатулок индийских мастеров. Иные поспешили уйти от «Калипсо», но другие проплыли довольно близко. Ничего не стоило выловить их сетью, но почему-то никто не решился это сделать. К нашему облегчению, геологическая станция находилась за пределами скопления змей.

Захватив кинокамеру, я вместе с Дюма и Къенци спустился в клетку. Видимость под водой была скверная — пятнадцать-двадцать футов.

Лифт лег на дно, Дюма смел «пыль» с твердого ложа и принял выискивать щель для долота. Тем временем Къенци и я отправились знакомиться с немногочисленными местными обитателями. Вокруг небольших горгоний увидались бесцветные коралловые рыбы, которых не стоило снимать. Внезапно из мглы возникла наша первая морская змея... Она извивалась над самым дном. Удивительно маленькая голова ее с крохотным ротиком совсем не казалась грозной. Змея скользнула мимо, не обратив на нас никакого внимания. А вот и вторая, уже покрупнее. футов семь в длину. Она вязко покружила около нас. Глаза в «булавочной» головке были настолько малы, что по ним ее мыслей не прочесть. Я занял позицию с камерой перед ней и показал знак Къенци, чтобы он плыл в поле зрения объектива. Он не понял моего жеста и взмахнул кувалдой, собираясь размозжить змею голову. Потешное зрелище: человек пытается поразить животное, почти такое же текучее, как сама вода! И все-таки Къенци удалось начать змее страшный удар чуть позади головы. Судорожно дергаясь, она заскользила прочь, несмотря на смертельную рану. Я попросил ныряльщиков больше не атаковать змей.

Прошел не один день, прежде чем мы снова увидели морскую змею. Они попадались довольно редко. Наши люди совершили в Персидском заливе несколько тысяч погружений, и ни один не подвергся нападению. Подозреваю, что это еще одно из незаслуженно оклеветанных «морских чудовищ».

Мы покидали Персидский залив, с гордостью глядя на черную доску на которой было написано мелом: «Станция 400». Сделано вдвое больше гравиметрических замеров, чем нам заказали.

Едва мы завершили эту экспедицию, как перед нами неожиданно открылись радужные перспективы. Пришла радиограмма: государственное управление научных исследований и министерство просвещения согласились помочь океанографическим экспедициям «Калипсо». Взамен мы девять месяцев в году будем выполнять их научные задания.

Четыре года мы ждали министра, который продержался бы достаточно долго, чтобы добиться от правительства поддержки нашей группы.

Перевод Н. ЕЛИСЕЕВА

Среди книг

В австралийском штате Квинсленд при взрыве скалы во время дорожных работ были обнаружены кости какого-то гигантского, неизвестного науке ящера, вымершего сотни миллионов лет назад.

Двадцать семь лет продолжалось препарирование костей: сантиметр за сантиметром снимали с них каменную «одежду». И, наконец, перед исследователями предстал весь скелет ископаемого чудовища. Ему дали имя — кронозавр квинслендукус. По-видимому, это был предок современных змей.

Если сегодня вы задумаете мысленное путешествие по «змейному парку» и решите изучить распространение этих пресмыкающихся на нашей планете, вам придется побывать на побережье Ледовитого океана и в американской гундре, в пустынях Африки и высокогорных равнинах Гималая...

Змеи живут не только на суше. В тропических водах Тихого и Индийского океанов, в Персидском заливе обитают необычные животные напоминающие по виду крупного угря. Это морские змеи.

2200 видов змей (из них 270 ядовитых) живут почти всюду на земном шаре. Правда, вам не придется совершать путешествие на Азорские острова, в Гренландию, на Крит и Мальту, на некоторые острова Океании. Там змей нет, разве что случайнно волны приносят к берегам бревно или сук со змейственными...

Об этой интересной группе пресмыкающихся об их происхождении и особенностях строения с пользой и вреде змей о трупной и увлекательной профессии змеевода в рассказывает книга Ф. Ф. Талызина — известного советского врача, совершившего путешествия по многим странам мира.

Ф. Ф. Талызин. Змеи. Изд-во АН СССР. 1963.

С. ЮРЬЕВ

поможет ему взять более крупный образец. Нашел ямку, воткнул в нее долото, включил сжатый воздух и... подскочил вверх футов на десять. Всякий раз, когда он пытался бурить скалу, его отбрасывало отдачей.

Дюма вернулся на поверхность, добавил себе груза на пояс. Кроме того, мы спустили «акулоубежище», чтобы он мог держаться за него. Диди удалось отколоть пару кусочков, но и они оказались малы. Неужели только взрывчатка способна одолеть эту броню? Взрывать — процедура долгая и дорогостоящая.

Тогда мы вооружили аквалангистов обычным долотом и кувалдой. Нужно немалое усилие, чтобы в среде, которая в восемьсот раз плотнее воздуха, да еще без опоры, взмахнуть кувалдой. Наши люди, однако, справились с этим. Они добыли образцы.

В пещере Гуадаро

Повесть

РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ,
польский писатель

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

раньше, чем у исследователей иссякнет запас продовольствия».

«Вместе со спасателями на место происшествия прибыли репортеры. Они задали профессору Пьетри ряд вопросов. В частности, существует ли опасность удушья в пещере из-за нехватки воздуха. «Нет! — решительно ответил профессор Пьетри. — Столь огромные катакомбы, как Эль Пао, сообщаются с поверхностью тысячами щелей, недоступных для человека. Мы их не замечаем, так как они скрыты под почвой, заслонены корнями деревьев и дерном, но воздух в пещерах циркулирует свободно».

«Единственный оставшийся на поверхности член экспедиции — Эстанса — подсчитал количество продовольствия, которым, по его мнению, располагает отрезанная группа. Его хватило бы на двое-трое суток».

Далее в статье говорилось о предпринятых для спасения мерах. Профессор Пьетри возглавил спасательные работы.

...Крыло было залито солнечным блеском. Кабину наполнял глухой шум моторов. Я читал «Эль Мирон»:

«Непрерывные усилия спасательных команд, длившиеся уже двадцать четыре часа, к сожалению, не дали результатов. В трех местах, где одновременно проводятся раскопки, удалось продвинуться не больше чем на 12 метров, и то под постоянной угрозой обвала тоннелей. Обломки скал все время продолжают оседать. Поэтому лагерь спасателей пришлось разбить на значительном удалении от склона горы. Добровольцы строят преграды из стволов деревьев. А вот фотографии спелеологов, отрезанных обвалом: Луис Каррера, Ромуло Фернандес, Фелипе Паэс, Силья Фермин».

«Женщина!» — прошептал я. Она была в белой защитной каске. Какой-нибудь старый снимок. Наверное, его взяли у родственников.

Следующий номер «Эль Мирон» сообщал черные вести.

«Трагедия, кажется, висит в воздухе, — писал корреспондент. — После вчерашнего вечернего интервью с шестью видными специалистами горного дела и геологии тень траура опустилась на всю страну. Четверо из шести решительно высказали свои сомнения в существовании шансов на спасение. В довершение худшего поздно ночью пришло сообщение, что вертолет, исследующий местность с воздуха для того, чтобы найти новые входы в пещеру, вернулся ни с чем. Это не исключает того, что имеются маленькие отверстия, укрытые под деревьями и не видимые сверху. Однако прежде чем военные части, прочесывающие джунгли, смогут что-нибудь открыть на «подозрительной» территории площадью около 200 квадратных километров, прежде чем удастся в этом счастливом случае проникнуть в глубь земли и обыскать пещеру, пройдет трое, а то и четверо суток».

На другой полосе я нашел заметку:

«Карракас. Со всех концов земли поступают добровольные предложения помочь, денежные средства и запросы о судьбе пропавших спелеологов. В последнюю минуту, когда номер газеты был уже набран, мы узнали, что представитель правительства во второй полу-

Мы летели в тучах. Белые клубы тумана обтекали самолет. Сквозь молочную мглу проглядывало небо, залитое солнцем.

Краем глаза я видел руки пилота, сжимавшие руль машины. Пилот временами поворачивался ко мне: видимо, хотел что-то сказать, потом снова застыпал.

С левой стороны — темное море, с правой — горы, покрытые лесом. Линия берега сверкает белой ниткой пеной.

— Прошу прощения, — сказал пилот. — Сеньор думает, что удастся их спасти?

— Наверняка я не уверен, но...

Внезапно потемнело. Мы влетели в тучу. Сбоку удалил ветер, корпус машины затрясся. Пилот занялся рулями. Я опустил руку и поднял лежавшие в беспорядке между креслами газеты.

«Еженедельник республики», — прочитал я название.

«Карракас. Известие о трагическом событии в каньоне Эль Пао облетело весь мир. Эухенио Эстанса, живой свидетель происшедшего, рассказывает о ходе событий. Эстанса был членом группы, которая проводила исследования неизвестной пещеры в долине Эль Пао. Спелеологи разбили палатку под землей, чтобы избежать необходимости ежедневно выходить на поверхность. Катастрофа наступила ночью. Часть горного склона, в котором был вход в подземелье, обрушилась, отрезав спелеологов от мира. Эстанса сторожил снаряжение на поверхности. Ночью он услышал страшный грохот...

Сотрясение было зарегистрировано сейсмографами в Крусеро».

Я отложил газету. Нашел номер за следующий день. Вот что сообщалось под огромным заголовком «Шанс на спасение есть!»:

«Спустя восемь часов после катастрофы в Эль Пао прибыли первые спасатели. Известный спелеолог профессор де Пьетри произвел обследование местности. Он заявил, что скальный обвал, который завалил участок леса и покрыл долину камнями, не очень глубокий.

— Если, — сказал де Пьетри, — пропавшие были в критический момент на глубине по крайней мере в несколько сот метров, вероятно, они уцелели. Остается неясным, удастся ли раскопать проход под землю

виде дня вели переговоры с нашим посольством в Варшаве. Дальнейшие подробности на эту тему мы сообщим завтра».

Я взял в руки последний номер «Эль Мирон». Уже на первой странице виднелись наши лица.

Фотография эта, годичной давности, наверное, лежала у них в архиве. Я прочел красные заголовки: «День новой надежды! Кашицкий летит на помощь вместе со своими товарищами!» А ниже: «Трое поляков — Кашицкий, Бельский, Стшелецкий — прибывают в Венесуэлу!»

На снимке мы были в рубашках с расстегнутыми воротниками. Сзади виднелась пальма. Значит, это Дакар. Это было в прошлом году на аэродроме в Дакаре. Возвращение из Антарктиды. В лабиринте ледниковых трещин нам удалось отыскать пропавшую экспедицию новозеландцев. Весь мир говорил о наших успехах. Повезет ли на этот раз?

* * *

Вчера в Варшаве. Я еще спал, когда затрещал телефон. Было шесть часов утра. Я сел, обхватив голову ладонями. Наконец пришел в себя, поднялся и взял трубку.

— Говорят из посольства Венесуэлы. Это господин Кашицкий?

...На полу я разложил рюкзак. Это был специальный дорожный мешок из тонкого брезента, разделенный внутри на три части. Рядом с рюкзаком лежало снаряжение. Бензиновый примус, комплект алюминиевой посуды, «штурмовые» спички, упакованные в иголки, охотничий нож с широким лезвием и рукояткой, обтянутой лосиной кожей. На одной стороне лезвия были зубцы, так что им можно было пилить. В случае необходимости он мог заменить и лопату. Четыре года назад я участвовал в экспедиции натуралистов по Северной Аляске. Помню Солт Ривер¹, жар пылающих лесов

¹ Соленая река (англ.).

и запах гари. По течению мелкого ручья мы проникли в глубь горящего леса, чтобы вывезти оттуда семью трапперов. В знак благодарности траппер подарили мне этот нож.

По воле случая в следующем году, снова втроем, мы сняли с отвесной альпийской стены Жарасс раненного альпиниста. Он висел над пропастью двадцать часов. Его считали погибшим, так как снежная пурга замела все дороги. С того времени нас уже шесть раз приглашали участвовать в различных спасательных работах. Счастье нам сопутствовало.

...Комната наполнилась людьми. Я разговаривал с послом, который пришел с нами проститься. У стены стояли три акваланга с голубыми цилиндрами, наполненными сжатым воздухом. Мы решили их взять с собой, зная, что в пещере протекает река. Прислали паспорта. С каждой минутой я все отчетливее видел серьезность ситуации. Первый раз мы отправлялись в путь, не зная, удастся ли вообще что-нибудь сделать. Всегда можно добраться до сердца пустыни, до дальней долины в горах, даже до дна морского. Но в засыпанный грот существует только одна дорога — раскопки. Скорее здесь могут помочь шахтеры или саперы. А мы?

* * *

В полдень мы летели над Балтикой. После короткого совещания я набросал текст телеграммы:

«Каракас восточный почтамт 5365 тчк летим в Копенгаген тчк просим привезти из Нового Орлеана пятьсот метров троса из искусственного волокна».

Радист отправил телеграмму с борта самолета — связался с аэропортом в Копенгагене, и дальше ее передали по кабелю в Каракас. Пароль «Спасение» открывал «зеленую улицу». Вскоре мы увидели крыши Копенгагена.

Самолет подкатил к зданию аэровокзала. По трапу мы спустились на бетон. Подошли два офицера.

— Прошу прощения, вы господин Кашицкий? — спросил один из офицеров.

— Я думаю, вы извините нас за поспешность — самолет в Нью-Йорк ждет уже пять минут... — Он показал рукой на стартовую полосу. — Мы задержали вылет.

От моторов на нас пахнуло ветром. Пассажирского трапа уже не было. Оглушенный ревом моторов, я взбирался по лесенке, как вдруг меня остановил крик. Из открытого автомобиля, который в эту минуту резко затормозил у самолета, выскоцил молодой мужчина. Он подбежал к лестнице и что-то мне кричал. Я спустился на несколько ступеней вниз и спрыгнул на бетон. Он прокричал мне в ухо:

— Меня зовут Соурсен! Я из Атомного института. Мы услышали о том, что вы летите. Прошу взять это с собой! — Он сунул мне в руки металлический ящик. — Первая в мире ядерная батарея, внутри инструкция!

Я взял коробку, пожал ей руку, так ничего и не успев сказать. Моторы взревели громче. В окнах показались лица пассажиров. Стюард махал нам рукой. Я влез в кабину, и механик втянул лесенку. Не успел я сесть в кресло, как машина тронулась.

Внутри коробки был плоский фонарь с надписью: «Alux». Переднюю стенку занимало зеркало рефлектора, защищенное стеклом из плексигласа.

«Alux» может светить десять лет без перерыва, — прочитали мы в инструкции. — В течение этого времени дает свет мощностью около 3 тысяч ватт. «Alux» не боится ударов и работает в любых климатических условиях, а также при погружении в воду».

«Alux» может служить и как печка. Для этого нужно открыть заднюю стенку».

Очтличный подарок. Кто знает, может, нам придется пробыть под землей несколько дней. В этом случае нужен большой запас батарей. Тяжелые аккумуляторные и карбидные лампы совершенно не годятся там, где придется ползти сотни метров или взбираться на

скалистые пороги в брызгах водопада. «Alux» окажет нам незаменимые услуги.

Всю дорогу мы спали. Самолет убегал от ночи.

«Добрый день, — раздался голос из репродуктора. — Под нами — берег Америки».

Я посмотрел в иллюминатор. Сквозь туман проглядывало море.

— Для вас сообщение, — послышался голос стюардессы. — Нью-Йорк передает, что специальный самолет уже ожидает вас.

В десять утра по местному времени «Констеллейшен» коснулся колесами земли. Внизу нас уже ждала открытая автомашинка.

— Мне поручено, — заявил нам офицер авиации, — обеспечить все необходимое для вашего пребывания в городе.

— Мы благодарны, — ответил я, — но дорог каждый час. Мы бы не хотели прерывать путешествия.

— Ну что ж. Тогда едем прямо на военный аэродром. Машина готова к старту. В самолете посыпка из Орлеана. Ящик с тросом, который вы затребовали по телеграфу.

И снова мы летим.

С борта самолета я разговаривал с Каракасом. Среди шумов и треска терялись отдельные слова. Там думали, что после прыжка через Атлантику мы задержимся в столице. Я просил немедленно организовать дальнейший полет.

— Профессор де Пьетри, — сообщили нам, — изложит вам в Эль Пао некоторые свои соображения...

В Каракасе мы задержались всего на двадцать минут.

* * *

«Сейчас начнется, — подумал я. — Я верю в успех. По собственному опыту знаю, что даже и не такие сложные ситуации кажутся безнадежными, если на них смотреть издалека. Журналисты искусственно создают напряжение, подбирая зловещие определения вроде «угрозы», «белого ада», «огрехов пламени» и т. д. Общий

психоз передается спасателям, и те подчас начинают думать, что стихию победить нельзя».

Пилот поднес к губам микрофон. Он вызывал каньон Эль Пао, чтобы сообщить о нашем прилете. Прорыл разложите опознавательные знаки.

Я обернулся. Бельский спал, удобно устроившись на опущенной спинке. На лоб ему съехала брезентовая шапочка с подогнутым козырьком. Рядом поперек кресла, перекинув ноги через поручни, сидел Стшелецкий.

Самолет подпрыгивал на кочках, срезая крылом верхушки кустов. Моторы наконец утихли, и нас поглотила тишина. Я открыл дверь кабины. В лицо ударили сильный запах цветов: от луга шла волна теплого воздуха. Я сделал шаг вперед, и сразу из-под ног веером бросились потревоженные насекомые.

Долину окружали горы, покрытые лесами. К ним уже начинало клониться солнце. За поясом кустарника виднелись верхушки палаток.

Мы занялись багажом. Подбежал пилот.

— Прошу подождать минутку, сейчас прибудет помощь.

— Спасибо. Не беспокойтесь, — улыбнулся я. — Но снять рюкзаки для нас дело привычное.

В эту минуту нас обступили встречающие. Они рассматривали нас с нескрываемым любопытством. Я подумал, что седой человек в соломенной панаме и есть профессор Пьетри. Он протянул руку, а затем вдруг остановился в замешательстве.

— Кто эти люди? Кашицкий не прилетел?

— Esta bien, senor professore¹, — отозвался я. — Кашицкий — это я. Мы прибыли, как обещали, и теперь к вашим услугам.

Профессор сделал шаг вперед, поправил очки, а затем снял шляпу.

— Позвольте сердечно вас приветствовать. Я не спал трое суток. Прошу меня извинить, я не узнал вас... вы так молоды. Я бесконечно рад. Должен вам признаться, что со вчерашнего дня даже меня охватили сомнения. Прошу прощения, позвольте представить вам — Вероника Сантос из «Эль Мирон», журналистка.

У нее были огромные глаза под пушистыми темными бровями, тень от ресниц падала на щеки. Черные волосы касались плеч.

— Добрый вечер, сеньорита, — сказал Стшелецкий. — Мое имя...

— Дайте мне, пожалуйста. — Она коснулась рукой ящика, который тот нес. — Я вам помогу.

...Мы разбили палатку неподалеку от главного лагеря. Профессор ушел, пообещав скоро вернуться. Мои товарищи распаковывали рюкзаки, а я направился в лагерь рабочих-спасателей. Поговорил с солдатами, вертевшимися около полевой кухни, заглянул в палатку. На походных кроватях спали люди. Рядом лежали кирки.

За лагерем стоял геликоптер. В кабине кто-то спал, растянувшись в кресле. Из палаток выходили перемазанные в глине, невыспавшиеся рабочие. Жадно пили воду, черпая ее из большой бочки. От воды несло хлоркой. Реки здесь не было.

Я уже знал, что работа проходчиков идет в три смены. А солдаты ищут в лесу новые входы в пещеры.

— Сколько здесь солдат? — спросил я рабочего, который веткой акации мешал суп в кotle.

— Откуда я знаю!

— Ну сколько все-таки? Батальон? Рота?

— Да нет, где там, сеньор. Человек двадцать. «Вот тебе и цепи солдат, прочесывающих леса», — вспомнил я сообщение прессы.

Появился профессор Пьетри. Не говоря ни слова, он уселся на ящике. Отложил в сторону шляпу, вытер лоб платком, снял очки. Под глазами у него были черные круги.

— Сеньор Кашицкий, — начал он. — Я уже договорился со своим начальством, что вы возьмете на себя руководство спасательными работами.

«Мы не можем согласиться», — размышил я. — Профессор думает, что это только из вежливости. Он очень

¹ Все в порядке, сеньор профессор (исп.).

устал. Мы прибыли сюда не для того, чтобы наблюдать за работой горняков. С самого начала мы готовились принять участие в спасательной экспедиции. Все это я ему высказал.

— Хорошо! — ответил профессор. — Я согласен!

— Этой ночью мы все осмотрим, — сказал я. — А вы отдохните.

* * *

— Попробуйте найти Эстансу, — обратился я к товарищам. — Ну этого, который уцелел Я скоро вернусь... Стшелецкий разыскал Эстансу, спавшего в одной из палаток.

У Эстансы волосы были растрепаны и перемазаны глиной: днем он работал в одной из галерей. Он долго не мог прийти в себя и, притирая глаза, повторил то, что уже было нам известно. Планы пещеры нет. Группа начала составлять план, но все рисунки остались внутри грота. Лагерь на поверхности уничтожило лавина. Если даже в лагере и были наброски, сделанные Каэррой, руководителем группы, то и они пропали без следа.

Сам Эстанса не знал пещеры. Как самый младший, он сторожил лагерь на поверхности. Он не имел понятия о расположении ходов под землей.

В пещеру исследователи взяли четыре ящика с проводольствием. В день трагедии два ящика должны были еще остаться нетронутыми.

Я не сомневался, что спелеологи после катастрофы уменьшили рацион. Но сегодня, на четвертый день, запасное, наверное, уже иссякли.

За трое суток их еще можно спасти, если, конечно, они не ранены и не поддались отчаянию.

— Где был ваш верхний лагерь? — спросил я Эстансу.

— Там, у подножья горы.

— Идем!

— Куда вы идете? — обратилась к нам Вероника. — Можно мне с вами?

Мы прошли примерно с полкилометра. У подножья горы лежали сломанные деревья, обломки скал, испещренные трещинами.

— Здесь, — сказал Эстанса.

Мы осмотрели остатки лагеря, надеясь найти хотя бы обрывки бумаг.

Вероника перебирала шелковые лохмотья палатки. Я увидел, что ее руки и платье покрыты желтой пылью.

— Что это за порошок? — спросил я

— Не знаю.

Я наклонился. Толстым слоем на земле лежала желтая пудра, смешанная с щебенкой, травой и обломками веток. Я попробовал щепотку на вкус.

— Флюоресцен! Эстанса, вы окрашивали воду?

— Нет, сеньор. Мы лишь собирались это сделать, но катастрофа...

Подошли Бельский и Стшелецкий. Для нас было ясно, какое значение имеет это открытие. Эстанса не понимал, в чем дело.

— Слушай! — Я схватил его за плечи. — Руки в пещерах окрашиваются для того, чтобы установить, где они выходят на поверхность. Потом осматривают соседние источники и водоемы. Есть такие где-нибудь в окрестности?

— В скале в нескольких километрах отсюда есть отверстие, откуда вытекает поток, образующий водопад Сальто Анхел¹. Это знаменитый водопад. Кажется, в прошлом году — меня тогда здесь не было — делалась попытка окрасить воду. Спустя несколько недель окрашенная вода показалась в водопаде. Мы хотели повторить опыт с большим количеством флюорес-

¹ Сальто Анхел — «литературный двойник» высочайшего в мире водопада Энджея Фоллс (высота 980 метров), открытого в 1935 году летчиком Джимми Энджеем в Венесуэле.

Об истории открытия водопада Энджея Фоллс рассказал в очерке Н. Павлова «В затерянном мире», опубликованном в журнале «Вокруг света» № 12 за 1956 год.

цина. Каэрра утверждал, что это единственный способ установить, где течет вода. Идти по течению в пещере невозможно, так как река бежит по расселинам. Там, где она вытекает, отверстие широкое, как ворота. Только очень высоко над пропастью.

Мы переглянулись. «Сальто Анхел, — подумал я. — Ангельский водопад. Ничего себе ангельский!»

Послышались шаги.

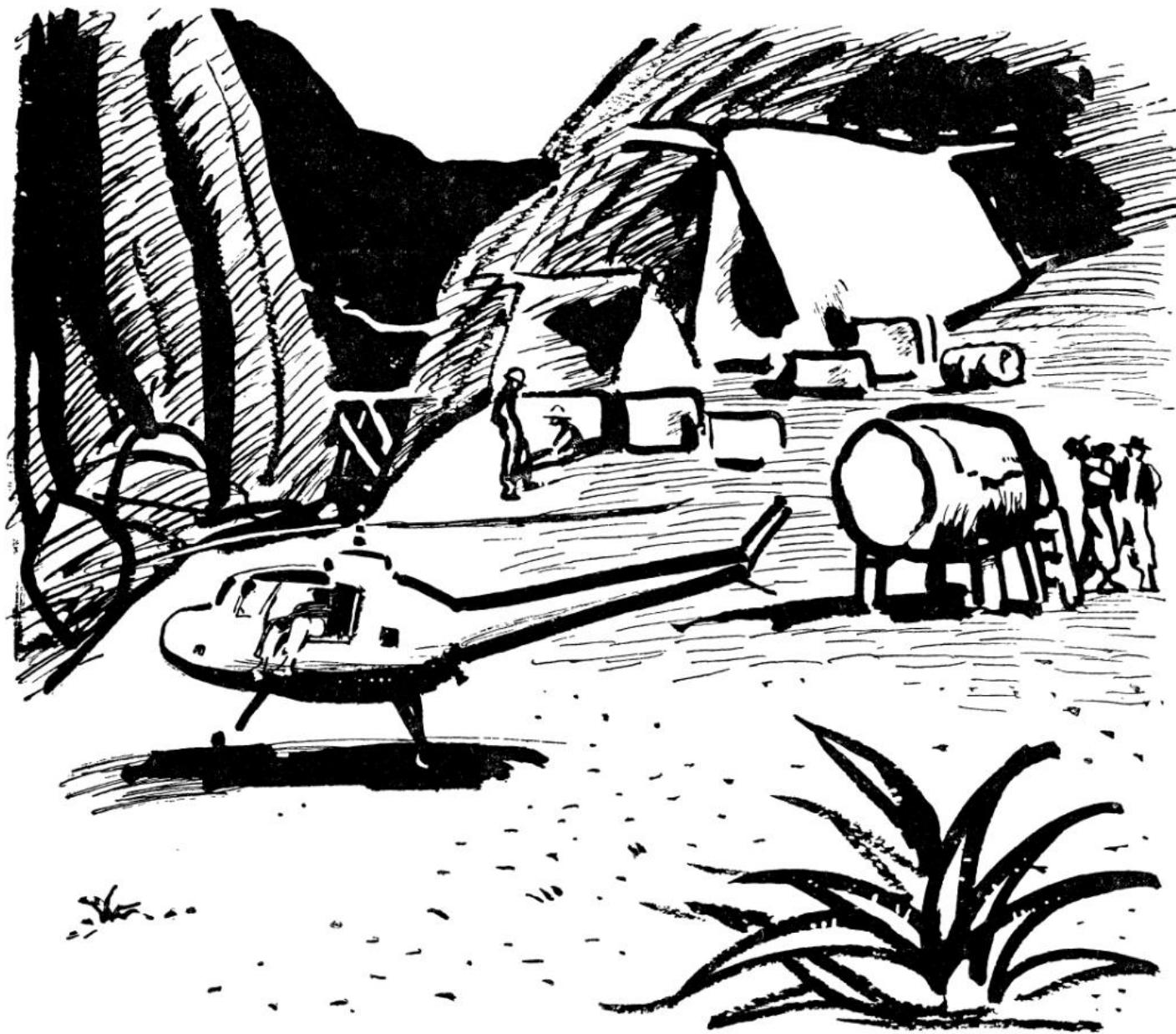
— Алло, сеньор! — кричал солдат, задыхаясь от бега. — Вам депеша.

— Привет, — сказал кто-то за моей спиной. — Это вы хотели осмотреть галерею?

Я обернулся.

— Петтучи, начальник смены, — представился вошедший.

«Петтучи, — подумал я. — Значит, итальянец». Он был небольшого роста, с короткими усиками и одутловатым лицом. Петтучи пристально рассматривал меня из-под густых бровей

— Спасибо, — сказал я.

Из Каракаса сообщили, что с восходом солнца в каньоне Эль Пао высадится специальный отряд. Ну что ж, хорошо, только нас уже здесь не будет.

* * *

Я сидел в палатке у радиста и перебирал в памяти события дня.

Радист с красными от бессонницы глазами заменил лампу в приемнике. Он не спал уже шестьдесят часов.

— Я зайду за вами около двенадцати, — добавил он. — Это недалеко.

Немного погодя в палатку вошел Стшелецкий. Знаком он вызвал меня наружу. Десять минут назад на краю лагеря он подслушал разговор двух итальянцев. В перерыве между сменами они хотели уничтожить галерею. Один из них перед окончанием работы должен был вызвать наверх шахтеров и... Стшелецкий не уелышал продолжения разговора.

Я задумался. Невжели Петтучи?

— Иди в лагерь, — сказал я Стшелецкому. — И не выдавай себя ничем. Со всей группой приходи к галерее. Скажи начальнику смены, что я его не дождался. Я пошел к палатке журналистов. Вероника стучала на машинке.

— В темноте вы сможете найти место работ? — спросил я.

— Пожалуй. — Она удивилась.

— Идемте быстро! Бедите!

Глаза постепенно привыкли к темноте. Мы шли вдоль кустов. Были слышны крики ночных птиц и треск шика. Прежде чем мы дошли до места, я знал уже все

ленного дерева. Вдруг замаячил свет ручного фонаря. Кто-то приближался. Миновав наше укрытие, человек посмотрел на часы. Минуту постоял неподвижно, закурил сигарету, бросил ее под ноги и исчез в тоннеле. Через несколько минут послышались голоса. Вышли семеро рабочих. В свете ламп я видел их вспотевшие лица. Они сняли каски и закурили. Шестеро двинулись к лагерю.

Как только они скрылись в кустах, седьмой нырнул в галерею.

Мы замерли в ожидании. Через несколько минут снова раздались шаги. Человек, пятясь, вышел из тоннеля. Он тянул за собой моток шнуря. Фитиль?

Больше я не мог ждать. «Alux» в руке Вероники засверкал, как солнце.

Я прижал чью-то спину коленом, выкрутил руки. Нейлоновым шнуром связал запястья рук и ноги. Перевернулся его на спину. Ослепленный светом, он зажмурил глаза. Это был один из метисов. Я взял фонарь из рук Вероники, и мы вошли внутрь. Прямой тоннель тянулся метров на двадцать. Примерно на полпути мы увидели, что шнур привязан к железным креплениям, подпирающим свод. Если их взорвать, обвал неминуем. Вероника закурила сигарету, пальцы у нее дрожали. Мы вышли на поверхность. Метис лежал без движения.

— Сколько тебе здесь платят? — спросил я.

— Восемьдесят, — ответил он.

— В неделю?

Метис покал плечами.

— В день, — сказала Вероника.

Теперь я все понял. Тоннель каждую минуту мог привести в открытый коридор пещеры, и тогда конец высоким заработкам.

— Бандиты! — возмущенно шепнула Вероника.

— К счастью, не все, — сказал я. — Те, которые работали здесь в последней смене, ни о чем не знают.

Послышались голоса. Метис беспокойно задвигался. «Он ведь может предсторечь сообщника», — мелькнула у меня мысль.

Я бросился к нему и всунул плаотку ему в рот.

Голоса приближались. Я обернулся в их сторону. Метиса скрывала тень. Впереди шел Петтучи. Позади него Стшелецкий.

— А, вы уже здесь! — воскликнул Петтучи.

— Вот именно. Прошу подойти поближе.

Он остался стоять на месте, стараясь через мое плечо заглянуть в тоннель.

— Может, вам хочется, — спросил я, — потянуть за этот шнур?

Я указал на веревку, лежавшую на земле. Петтучи окаменел.

— А теперь прошу взглянуть сюда. — Я отошел в сторону.

Петтучи, увидев метиса связанным, уставился на него. Лицо Петтучи покрылось красными пятнами. За его спиной стоял Стшелецкий, а дальше несколько растерянных шахтеров. В соседних штреках люди заканчивали работу и начинали выходить на поверхность. Мы слышали их голоса. Кто-то затянул песню.

Среди книг

«Большие и маленькие, блестящие и белоснежные стояли там в несметном количестве каменные столбы, свисали каменные сосульки, заставляющие забывать страх и опасность, очаровывающие и зовущие человека продолжать его подземное путешествие.

Многие места каменных стен были словно покрыты коврами, а кристальные натеки, образовавшиеся из просачивающейся известковой воды, казались на этом ковре драгоценными камнями».

Сюда, в сказочный мир камня и воды, в кромешную мглу подземелий, открывавших в слабом мерцании карбидных ламп свою красоты мужественным и одерзящим именами.

Жаку ч описывает исследователям, ведет книга венгерского спелеолога Ласло Якуча¹. Из этого путешествия возвращаешься обогащенным. И не только новыми знаниями.

Ты обнаживаешь в себе пробудившуюся страсть открывателя, заражаешься жаждой преодоления тысяч препятствий, загадок, кажущихся порой недолимыми.

Якуч рассказывает о том, как он и его добровольные помощники — Мутюш, Ленке Граф, Габи Мадари, ставшие впоследствии самостоятельными геологами, — пришли к открытию громадной сталактитовой пещеры — пещеры Мира в районе Агтелецкого грота и глубочайшей в Венгрии Пензапатакской пещеры в горах Бюкка. Автор видит в читателе сподвижника, верующего его в ряды неизумимых исследователей природы.

Тебе оказали доверие, ты принял как равный. И теперь ты должен нести времена поисковых и экспедиционных забот. Тебе кажется, что уже и от тебя зависит разгадка вековечной тайны лабиринта пещер Бюкка, решение проблемы удобного и дешевого снабжения водой быстрорастущего города Мишкольца, изобретение и испытание водолазного аппарата, пригодного для работы в пещерных водах, и, наконец, судьба товарища, замурованного обвалом в каменном мешке.

Почувствовал себя участником происходящего, ты готовишь себя к увлекательным, захватывающим дух приключениям, штурмам странами, входящими в мир специальных терминов, сведений, гипотез о происхождении пещер, гипотез, которые нужно проверить, пользуясь новыми методами исследования; изучая приемы и правила подземного альпинизма.

Прочитав книгу, ты зорче глядяешься в окружающее. Ты замечаешь, что стал больше доверять себе, своим силам, потому что Якуч и его товарищи показали тебе, каким замечательным результатам приводит настойчивость и целеустремленность.

Книга учит не только решать тайны и загадки природы, но и самостоятельно ставить перед собой интересные задачи и начинать дело доводить до конца.

ВЛ. СТЕЦЕНКО

¹ Ласло Якуч. В подземном царстве. География. 1963.

о рабочих. Здесь были добровольцы из разных шахт. Им платили тройную ставку, независимо от хода работ. Тут были французы и немцы, итальянцы, а также и местные индейцы.

Под ногами захрустел песок. То и дело стали попадаться огромные валуны.

— Уже близко, — шепнула Вероника.

Послышался глухой стук кирок. Мы стояли у одного из входов в тоннель, укрывшись за стволом пова-

— Слушай, Петтучи, — начал я.

Он вытащил нож.

— Отдай, — я протянул руку.

Он бросился на меня. Стшелецкий схватил его за воротник. Блеснул нож. Я отпрыгнул в сторону. Нож со свистом разрезал воздух, и в тот же момент я схватил Петтучи за руку, резко потянул к себе, подставляя спину, и одновременно присел. Он упал на меня. Я рванул его вверх, не отпуская руки. Раздался крик. Тело Петтучи описало дугу в воздухе и ударилось о камни. Нож упал на землю. Я придавил его ногой.

Петтучи тотчас же был связан. Он напряг мускулы, чтобы разорвать веревку, но прочный шпагат до крови впился в тело.

— Кто был его заместителем? — спросил я шахтеров.

— Я, сеньор. — Вперед выступил молодой парень в каске.

— Хорошо. С этой минуты ты бригадир смены.

Я объяснил рабочим, что произошло.

— Не забывайте, — сказал я, — что с той стороны обвала четверка людей с надеждой прислушивается к ударам ваших кирок. Что они могут подумать, когда не услышат этих звуков? А если бы они знали о том, что замышлял Петтучи?..

* * *

В час ночи я заметил, что на востоке небо начинает светлеть. Наверно, это луна проплыла за линией гор. В палатке у радиста я встретил Бельского. У него все уже было готово. Он упаковал продовольствие и снаряжение. Радист закончил прием телеграмм и повернулся к нам:

— Через полчаса они вылетают из Каракаса. Будут здесь через час после рассвета. Шесть транспортных планеров, триста солдат.

Минут тридцать я беседовал с горным инженером, голландцем по происхождению. Я объяснил ему подробно, как должны солдаты искать выходы из пещеры.

В палатку вошла Вероника. Она несла термос с кофе, хлеб, перец, мясо, фрукты.

И только теперь мы вспомнили, что давно ничего не ели.

За час до рассвета я попросил разбудить профессора Пьетри.

Профессор пил кофе и слушал отчет о случившемся. Прежде всего я представил ему наши планы, связанные с выходом на поверхность реки в районе водопада Сальто Анхел.

— Да, — сказал он, — это важное открытие, если,

конечно, вы сможете добраться до выхода в скале. Я боюсь также, что в пещере будут тоннели, сплошь залитые водой.

— Это нас не задержит, у нас есть акваланги.

Далее я сообщил о солдатах, которые вот-вот должны появиться.

Наконец я рассказал о самом неприятном — о случае в тоннеле. Лицо профессора потемнело. Он поправил очки, потом снял их и начал протирать платком, сорвался с места и начал расхаживать взад и вперед по палатке.

— Где они? — закричал он, наконец, и выбежал наружу.

Я шагал вслед за ним между палатками.

— Скажите, — спрашивал профессор, — что я должен делать? Отослать их в Каракас? Тогда весь мир узнает... А скрыть все это тоже невозможно.

Он нервно перебирал пальцами

— Оба лежат здесь.

Я споткнулся о растяжку палатки, раздвинул полы и просунул голову внутрь. Метис лежал на боку. Услышав шорох, он быстро обернулся к нам. В желтом свете лампы я заметил, как колыхнулась задняя стенка палатки.

— Петтучи убежал! — воскликнул я. — Он где-то близко. Прошу не поднимать тревоги. Шум заглушит его шаги.

Я выскочил из палатки. Меня остановили кусты. Я задержал дыхание. Луна опустилась за горы, и долина была окутана мраком. Не слышно ни малейшего шелеста. Я напрягся, готовясь к прыжку, — Петтучи где-то притаялся. Лежит в траве или спрятался за кустом. От леса нас отделяет поляна, поросшая густым кустарником. Наверняка он постараится перебежать через нее как можно быстрее — ведь он слышал мои шаги

Д. БИЛЕНКИН

Всё планета настолько яркая, что ее свет в ночи заставляет земные предметы иногда отбрасывать тени. «Прекраснейшая из звезд небесных», — сказал о Венере Гомер.

Нет в солнечной системе планет более сходных друг с другом по массе и размерам, чем наша Земля и Венера. Сокращенные до размеров бильярдных шариков, они были бы неотличимы на глаз. Человек весом в 76 килограммов на Венере весил бы 64,5 килограмма.

Уже много веков Венера в центре внимания астрономов. Но трудно найти в небе другой объект, который доставлял бы им столько разочарований. И виной тому прежде всего открыта еще Ломоносовым «знатная» атмосфера планеты.

Это плотное, зыбкое и блестящее покрывало до сих пор не изведанной глубины заставляло утомленный глаз наблюдателя видеть то, чего нет, принимать желаемое за действительное, добросовестно ошибаться и в силу этого терять уже добывшие крупицы истины.

Итальянский естествоиспытатель Бианчини в 1726 году будто бы разглядел венерианские океаны и континенты. Но он был первым и последним, кто их «видел». Уже в 1780 году Вильям Гершель признал, что «замеченные... изменения явно не могут происходить на поверхности Венеры». Это был осторожный призыв к отступлению.

Но заманчив огонек. И поколения астрономов с помощью все более мощных оптических средств сияются разглядеть что-либо достоверное в ослепительно ярком сиянии венерианского диска, подметить закономерности в неуловимых тенях, пятнах, полосах, то возникающих, то

ОБМАНИЧИВАЯ

...Ветки затрещали. Я рванулся на шум. Петтучи сломя голову бежал к лесу, ныряя в заросли, прорываясь через чащу. Я бежал за ним, вытянув перед собой руки, чтобы уберечь лицо от ударов, пробивался сквозь заросли, ломал ветки и срывал листья. Колючки впивались в одежду, ранили ладони. Петтучи был близко. Ночной мрак густился — мы приближались к лесу. Внезапно я зацепился ногой о ствол поваленного дерева и рухнул на землю, как колода. Толстый сук впился мне в ребра. Я задохнулся от боли. Опустил лицо ближе к земле под влажные стебли растений. Постепенно дыхание возвращалось. Я сел. Толот Петтучи был уже едва слышен. Он бежал в глубь леса. Порыв ветра заглушил все другие звуки.

Хромая, я вернулся к палатке.

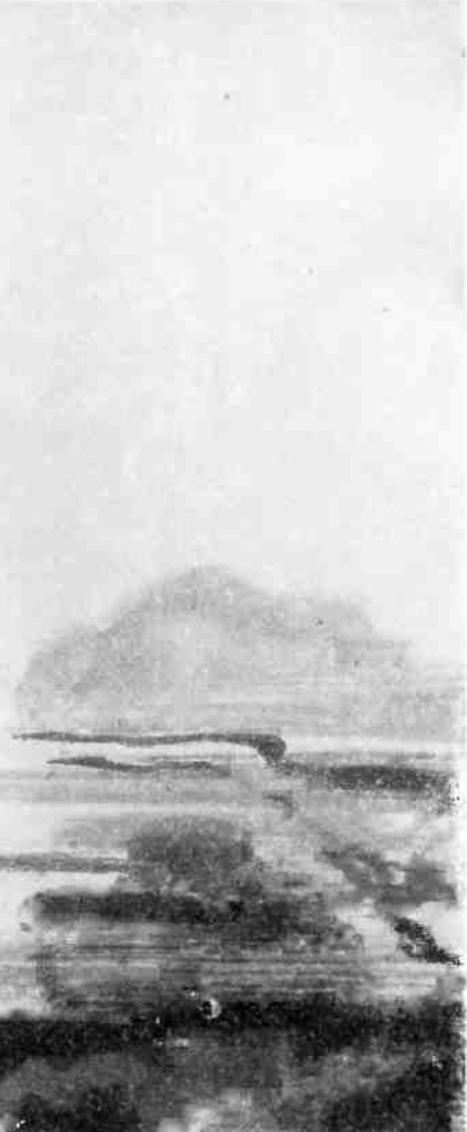
— Это вы? — спросил профессор. Он ждал меня, подняв лампу и стараясь взглядом проникнуть сквозь ночную тьму. — Как он разорвал веревку?

Я осмотрел палатку. Метис лежал без движения. Связывавшая его веревка была в целости. На месте, где лежал Петтучи, что-то торчало из земли. Я опустил лампу и увидел нож, воткнутый в землю по самую рукоятку. Вытащил его. К стальному клинку прилипли комочки глины. Металл весь в мелких щербинах и пятнах. Рукоятка выточена из кости рыбы. Я прочел надпись, вырезанную на ней: «Инесса». Это был тот самый нож, который я вырвал у Петтучи во время схватки. Почему Петтучи не взял ножа с собой? Инесса — это город в Сицилии. Может. Петтучи родом оттуда?

А там нож, воткнутый в землю, означает клятву мести и объявление борьбы не на жизнь, а на смерть. С этой минуты над нами нависла угроза.

(Продолжение следует)

Перевод с польского О. РЯЖСКОГО

исчезающих в атмосфере. Десятки исследователей — и прославленные астрономы и малоизвестные любители — тратят на это ночи, месяцы, годы и отступают перед твердостью этого «космического орешка». Венера словно дразнит воображение, время от времени «подсывая» вроде бы достоверные данные, но всякий раз выясняется, что достоверности в них не больше, чем в золотых огоньках в глухую полночь. Почти через двести лет после Гершеля английский астроном П. Мур подводит итог. Он звучит примерно так: нет человека, который бы увидел истинное лицо Венеры.

Казалось бы, какой удручающий вывод!

Но ведь в науке добросовестное, хоть и безрезультатное наблюдение, всякий хоть и неудавшийся опыт — это тоже камни в пирамиду знаний, ибо «нет» для науки бывает не менее ценно, чем «да». Путешественникам, бредущим по неисследованным пещерам, неизбежно приходится заходить в тупики. Но чем больше тупиков обследовано, тем верней представление о лабиринте, тем скорее путники выйдут на главную магистраль. Конечно, запутанность ходов разочаровывает, но кто вправе сетовать на трудность задач, которые выдвигает перед учеными природа?

Вот пример одного из тех тупиков, в который обязательно надо было заглянуть исследователям Венеры:

«Год 1761-й будет знаменателен в истории астрономии тем, что 3 мая был открыт спутник, врачающийся вокруг Венеры. Мы обязаны этим М. Монтэню, члену Лиможского общества...»

Спустя три года после этого сооб-

щения спутник Венеры независимо друг от друга наблюдают Родкиер и Горребов в Копенгагене, Монбарон в Оксэре. Немецкий астроном Ламберт рассчитывает орбиту спутника. Предлагается назвать спутник именем математика Жана Даламбера, но тот отклоняет столь высокую честь.

Прозорливая осторожность! Тщетно другие астрономы протирают стекла телескопов: спутник исчез, точно растворился в космосе. Расследование, продолжавшееся около века, показало, что наблюдатели пали жертвой «духов». Мистика, однако, тут ни при чем. «Духи» вполне реальное явление: яркий блеск Венеры вызывает ложные отражения в оптике, они-то могут сбить с толку и, как видим, сбивали иногда даже опытных исследователей.

Но «духи» — это ничтожное препятствие, если сопоставить его с теми трудностями, которые создает исследователям непроницаемая атмосфера «вечерней звезды».

Известно, например, что земная атмосфера гораздо прозрачней для красных лучей, чем для синих. Это явление знакомо каждому фотографу, умеющему обращаться со светофильтрами. Астрономы тридцать лет назад сфотографировали Венеру в инфракрасных лучах в надежде увидеть на снимках строение ее атмосферы. Но на фотографиях предстал девственно белый диск планеты. Наоборот, снимки в ультрафиолетовых лучах выявили какие-то заметные детали. В чем же дело?

Венерианская атмосфера насыщена пылью, которая рассеивает инфракрасные лучи, — так объяснил этот казус астроном Росс. Из его гипотезы следовало, что Венера — это колоссальная пустыня, овеянная

Рисунок Н. ГРИШИНА

ПЛАНЕТА

ураганами, которые вздывают тучи желтоватой и красноватой пыли и тем самым образуют темный «подслой» атмосферы, видимый в ультрафиолетовых лучах.

Далеко не все согласились с Рассом. Астроном Вильдт в 1937 году предположил, что облака Венеры состоят из формальдегида. Это вещество бесцветное, но в присутствии водяного пара оно образует плотные белые облака из капелек муравиной кислоты. Другой ученый, Сьюсс, нашел, что эти облака — скопления кристаллов хлористого натрия (поваренной соли) и хлористого магния, поднявшихся в атмосферу после испарения океанов. Наконец, астроном Хайл допустил «возможность того, что облака состоят из капелек нефти. Следовательно, океаны Венеры вполне могут быть океанами нефти».

«Формальдегидная гипотеза сразу же была подвергнута убийственной критике. Где тот водяной пар, который должен образовывать с формальдегидом капельки муравиной кислоты? Тогда уже знали, что в венерианском воздухе чрезвычайно много углекислого газа, но водяных паров никому обнаружить не удавалось. Никто также не мог найти и самого формальдегида.

Однако несколько лет назад американские астрономы, поднявшись в стрatosферу и наблюдая оттуда в телескоп венерианскую атмосферу, открыли в верхних слоях водяной пар. Оказалось, что его там вчетверо больше, чем в стратосфере Земли...

Выявить, есть ли на Венере формальдегид, пока не удается. Но косвенные свидетельства его присутствия имеются. Так, советский ученый Н. А. Козырев в 1961 году предложил красивое решение одной из многочисленных загадок обманчивой планеты. Общеизвестно, что Венера не самосветящееся тело. Между тем когда она обращена к нам так, что виден лишь ее серп, темная часть диска излучает слабый свет. Спектрограммы уточнили, что источник свечения лежит не только в верхних слоях атмосферы, где его появление можно объяснить бурными полярными сияниями, но и в облаках и даже ниже облаков. Н. А. Козырев убедительно доказал, что свечение облаков может вызываться процессом, при котором образуется... формальдегид. Подобные явления хорошо известны из лабораторной практики.

Но вернемся к гипотезе Вильдта. Итак, наблюдения последних лет вновь вернули ей права гражданства. Шансы же гипотезы, утверждающей, что Венера является собой пустыню, наоборот, понизились. Почему? Тут снова придется вспомнить об углекислом газе. Присутствие его в атмосфере Венеры в огромных количествах ныне почти никем не отрицается. А если в атмосфере к тому же есть водяные пары, то углекислый газ может существовать в ней лишь при одном условии: планета сплошь должна быть залита водой. Иначе углекислый газ сравнительно быстро

прореагировал бы с горными породами континентов и исчез бы из атмосферы. (На Земле он восстанавливается благодаря деятельности вулканов и живых организмов лишь в очень небольшом количестве.) Это, а также некоторые свойства облаков Венеры позволили советскому астроному Н. П. Барабашову в 1949 году и американским астрономам Мензелу и Уппу в 1954 году предположить, что вся поверхность Венеры залита океаном, а ее таинственные облака — это... облака. Да, самые обычные облака, как и на Земле, состоящие из паров и капелек воды, только гораздо более мощные!

Сами астрономы справедливо полагают, что все существующие ныне гипотезы о Венере не более как орудия исследований. И было бы ошибкой какую-нибудь из них считать единственно верной.

Снова весомый повод для разочарований? На самом деле именно сейчас на примере исследований Венеры мы оказываемся свидетелями того, как количество переходит в качество. Похоже, например, что вскрыта одна из главнейших пружин явлений, происходящих на Венере. Такой пружиной оказался все тот же углекислый газ. На это указывают многие наблюдения. Совсем недавно ученые вроде бы уже точно обнаружили в венерианской атмосфере азот и кислород. Защитники населения Венеры живыми организмами бурно возликовали по этому поводу (ведь кислород на Земле практически весь биологического происхождения). Однако венерианский кислород вполне мог образоваться и при распаде молекул углекислого газа под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца.

Температура поверхности планеты, как оказалось, тоже во многом определяется углекислым газом. Еще недавно для характеристики климата Венеры брались цифры в 50—80 градусов тепла. Они были основаны на весьма надежных косвенных наблюдениях.

Но вот в Пулковской обсерватории под Ленинградом специальной аппаратурой были детально изучены электромагнитные волны сантиметрового диапазона, которые излучаются нагретой поверхностью Венеры и проникают в отличие от видимого света через атмосферу. Их «доклад» явился сенсацией: температура поверхности Венеры +300—400 градусов. Радиоастрономы сейчас все более склоняются к мысли, что на Венере еще жарче. 600 градусов — вот цифра, которая была названа несколько месяцев назад в одном из докладов на сессии отделения общей и прикладной физики Академии наук СССР, посвященной радиоастрономии.

Итак, Венера — горячая планета. И «виновника» этого не столько Солнце, сколько углекислый газ. Он, по-видимому, окружает планету мощным теплоизолирующим покровом, совсем как стекло парников прикрывает овощные грядки.

Радиоастрономические наблюдения последних двух лет показали также, что Венера совершает полный оборот вокруг своей оси примерно за 300 земных суток. По логике вещей в таком случае дневная сторона Венеры должна быть сильно нагрета, а ночная — охлаждена. Но приборы, например, американской космической станции «Маринер-II» не обнаружили заметной разницы в температурах дневной и ночной стороны; видимо, углекислый газ настолько плотно изолирует Венеру от космического пространства, что в продолжение длительной венерианской ночи темная сторона планеты не успевает сильно остывать, а мощные ветровые потоки окончательно выравнивают температуру.

Но тут возникают новые загадки. Вот первая из них. При столь высоких температурах океан должен был бы выкипеть. Почему же этого не происходит? Быть может, из-за высокой плотности венерианской атмосферы? Еще вопрос. Радиоисследования Венеры указывают как будто на неровную ее поверхность и отсутствие крупных водоемов. Значит, там суши, в лучшем случае суши и океаны? Тогда, да еще при огромной температуре, углекислый газ давно бы прореагировал с горными породами! Но, может быть, на Венере так сильна вулканическая деятельность, что убыль углекислого газа непрерывно пополняется? Вот какой клубок загадок предстоит еще распутывать...

Подведем небольшой итог. Итак, наиболее достоверно известно, что Венера окружает плотная облачная атмосфера, богатая углекислым газом, содержащая какое-то количество кислорода, водяного пара. Температура поверхности планеты равняется сотням градусов тепла.

Весьма вероятно, что Венера медленно вращается. Ее поверхность неоднородна. Магнитного поля у Венеры нет, либо оно очень слабое. Светимость ночного неба раз в пятьдесят выше, чем на Земле. Бури, ураганы, грозы, видимо, сильнее земных...

С каждым днем уточняются данные об этой планете. Коллектив советских исследователей, возглавляемых академиком В. А. Котельниковым, провел в 1961—1963 годах большие работы по радиолокации Венеры, Меркурия и Марса. За исследования, которые внесли большой вклад в развитие планетной радиоастрономии, коллектив ученых удостоен Ленинской премии.

Ученые разработали новые оригинальные методы радиолокации в космическом пространстве и создали уникальную аппаратуру, использующую новейшие достижения радиоэлектроники. С помощью уникального радиолокатора параллельно с зарубежными учеными была осуществлена радиолокация Венеры, впервые проведена радиолокация Марса и Меркурия, а также осуществлена радиотелеграфная связь через планету Венера.

НОВОСТИ ИЗ ПРОШЛОГО

КОГДА ПОЯВИЛСЯ ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ? По мнению многих ученых, это произошло 25—20 тысяч лет назад. Азиатские племена, пройдя через Берингов пролив, положили начало той новой расе человечества, которая позднее получила название американских индейцев. Постепенно расселившись по всему огромному континенту, эти племена, по предположениям исследователей, около седьмого тысячелетия до нашей эры достигли района Аргентины и Огненной Земли.

И вот недавно ученых взволновало открытие, значительно меняющее сложившиеся представления.

Мексиканский археолог Хуан Армента обнаружил в окрестностях города Пуэбла крупные кости ископаемых животных и рядом с ними примитивные орудия, сделанные рукой человека. Судя по всему, они относятся к плеистоценовому геологическому периоду, то есть к эпохе, бывшей на земле свыше 30 тысяч лет назад.

Таким образом, возраст «вещественных доказательств» о пребывании древних людей в Мексике теперь превосходит возраст аналогичных находок на территории США. А ведь поскольку США севернее, то люди должны были, если они шли из Азии, расселиться там ранее. Видимо, установившееся мнение о первых людях в Америке нуждается в пересмотре.

ГОРОДУ ЧАТАЛ ГЮЙЮКУ 8500 ЛЕТ — это недавно установили археологи, которые вели раскопки на холмах Анатолии в Турции. Ученые искали остатки культуры мезолита. Об этом периоде, переходном от древнего каменного века, когда человек жил охотой и собирательством, к развитой земледельческой культуре неолита известно немногое.

И вот, раскопав остатки Чатал Гюйюка, археологи заполнили этот пробел в древней истории человечества.

Жители Чатал Гюйюка выращивали сельскохозяйственные культуры, умели плести корзины, в совершенстве владели ткачеством. Узоры на их коврах перекликаются с орнаментами редких по красоте турецких ковров наших дней.

Владели жители древнего города и гончарным искусством. Это, кстати, для археологов было неожиданностью. Ведь до сих пор считали, что человек начал обжигать глину только в раннем неолите, в пятом тысячелетии до нашей эры.

Любопытно, что у домов, выстроенных из глиняных кирпичей, не было ни дверей, ни окон: жители Чатал Гюйюка попадали внутрь жилища по приставным лесенкам через крышу.

Ученые предполагают, что город скорее всего был сожжен во время набегов.

Глубокое зондирование, проведенное археологами, говорит о том, что под раскопанными пластами скрыто еще не меньше четырех слоев более древних поселений.

СТРАНА НАШЛАСЬ. Арабские путешественники VII—X веков оставили нам красочные описания государства Хутталян, страны с великолепными храмами, крепостями, оросительными системами. Потом века стерли ее следы не только с лица земли, но и с карты. Никто не мог назвать ее местоположения.

Советские археологи открыли в междуречье Вахша и Пянджа столицу «потерявшейся» страны — город Хульбук. А недавно в ущелье, где строится Нукусская ГЭС, был раскопан еще один погребенный город. По характеру находок специалисты причисляют его тоже к государству Хутталян. Полагают, что это северный пограничный пункт страны — город Тамлият, упоминавшийся в арабских хрониках.

«ХИРШЛАНДСКИЙ КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» — такое название получила скульптура, найденная при раскопках могильного холма в районе Хиршланда (ГДР). Полный «рост» скульптуры — 175 сантиметров. К сожалению, ноги «каменного человека» отбиты. Это самое древнее из всех изображений человека, обнаруженных археологами в Европе к северу от Альп.

ДРЕВНИЙ КОРАБЛЬ НА СУШЕ, да еще в центре большого современного города! Вероятно, ни одному исследователю не придет в голову мысль искать его там. Каково же было всеобщее удивление, когда во время земляных работ у Блэкфрайерского моста в Лондоне, на берегу реки Темзы, был обнаружен деревянный корпус римского корабля.

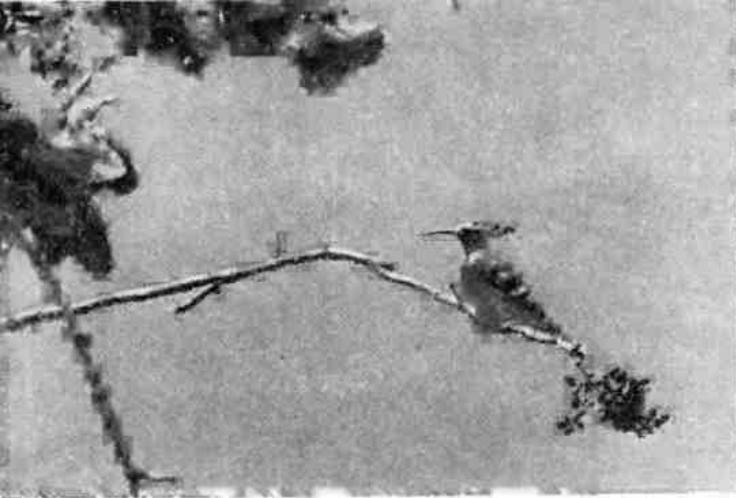
Археологи объясняют этот факт следующим образом. В древности неподалеку от места находки находилось устье реки Флит, впадающей в Темзу. Наверное, корабль, пытаясь повернуть из Темзы в эту реку, налетел на крутой берег и затонул.

Общая длина корабля около 30 метров. Деревянные части его прекрасно сохранились. Найденная на судне римская монета императора Домициана (51—96 годы н. э.) позволяет думать, что кораблекрушение произошло в I веке н. э.

АНГЛИЙСКАЯ БУЛАВКА была, оказывается, известна людям 2 тысячи лет тому назад. Такая булавка из бронзы найдена во время раскопок фундамента одной римской виллы, построенной в I веке до н. э. Как видно, в течение долгого времени эта нужная в обиходе принадлежность не претерпела больших изменений.

Эта хохлатая плашка — улод. Далеко разносится его глухой низкий крик «Ду-ду-ди!».

Фото Н. НЕМНОНОВА,
спец. корр. «Вокруг света»

но смотреть, как зверек, застигнутый врасплох, спасается со всех ног, но у норы вдруг останавливается, поднимается на задние лапки и застывает «столбиком». Если подойти еще ближе, сурок с криком исчезает в своем подземном жилище.

Другой замечательный обитатель степей — слепыш. Он устраивает под землей сложную сеть ходов. Зверек абсолютно слеп. Его зачаточные глаза находятся под кожей. У слепыша огромные передние зубы — резцы. Ими этот землерой копает почву.

В. КУДРЯШОВ, студент-зоолог МГУ

БАЙБАЧЬЯ СТЕПЬ

Степь здесь первозданная. Она рассечена глубокими балками. На дне балок — густой кустарник. В нем сидят свои гнезда вездесущие сороки, юркие славки, соловьи. По склонам балок мерцают заросли ковыля, а открытая степь голубеет от цветущего шалфея.

Сюда, на Украину, под Старобельск, приехали мы на студенческую практику, чтобы познакомиться с жизнью степи и ее обитателями.

Небольшой стремительный сокол-пустельга кружит в пустынном звоном небе. Иногда на склонах балок появляются главные обитатели заповедника — сурки-байбаки. Это крупные зверьки с короткими лапами. Мех у них отличный — густой, серовато-желтый. Смеш-

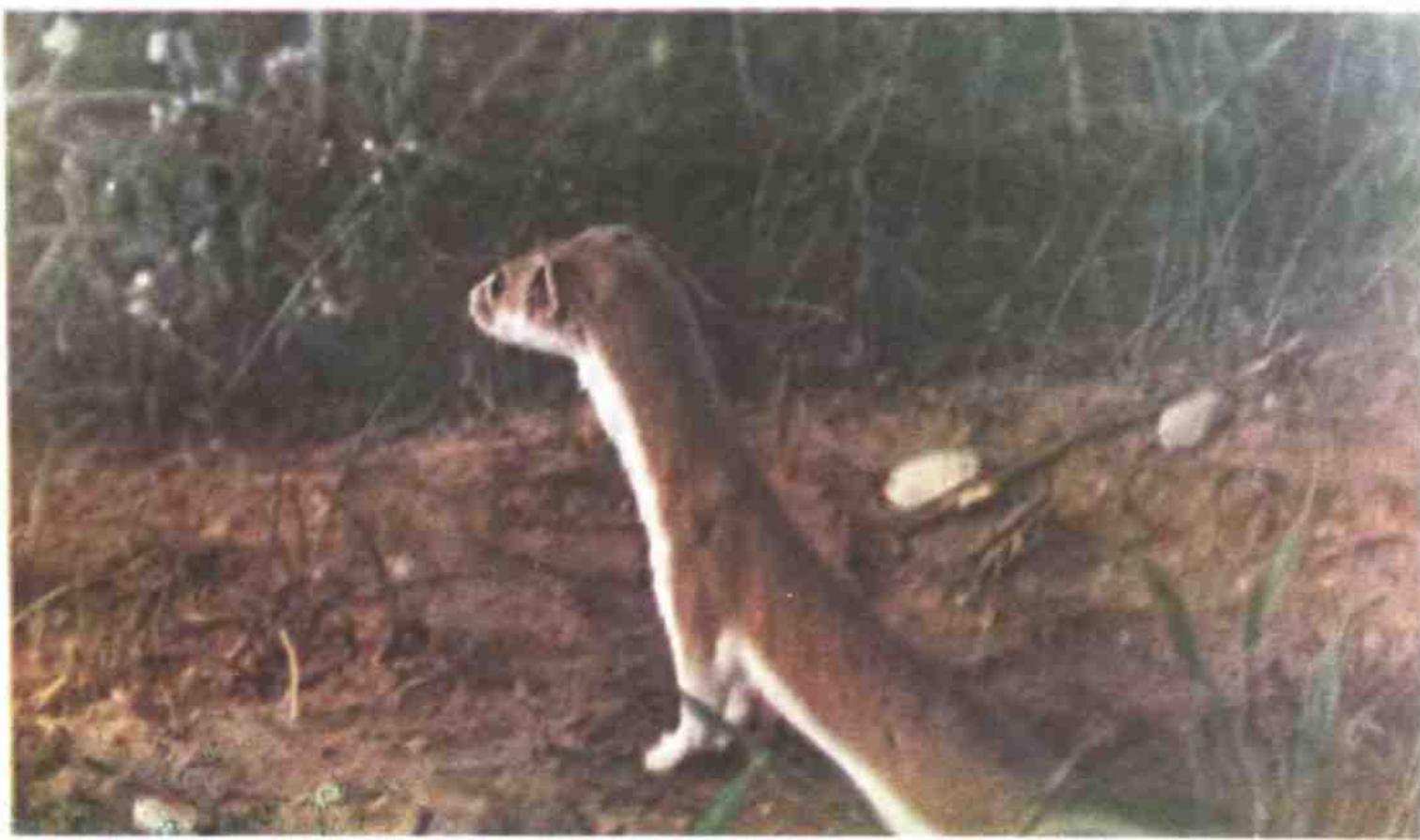
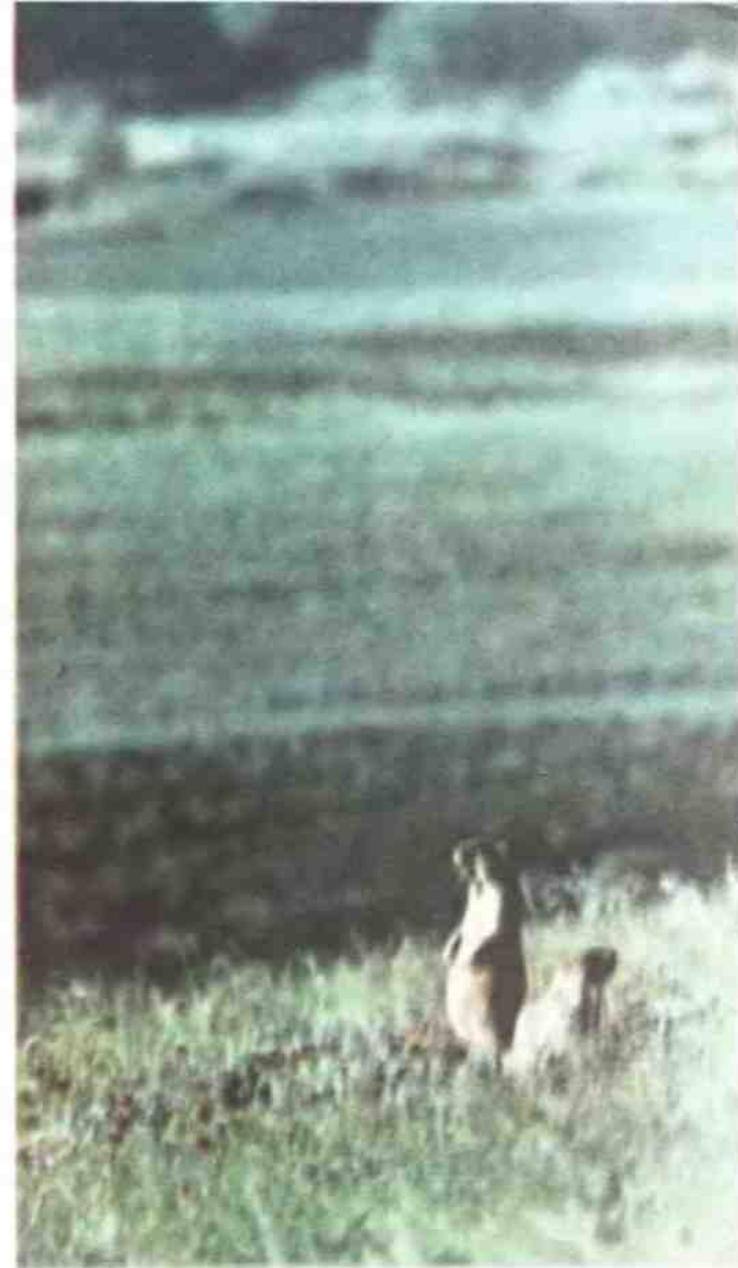
Яркая быстрая щурка знаменита тем, что выкапывает себе в склонах балок глубокие гнезда.

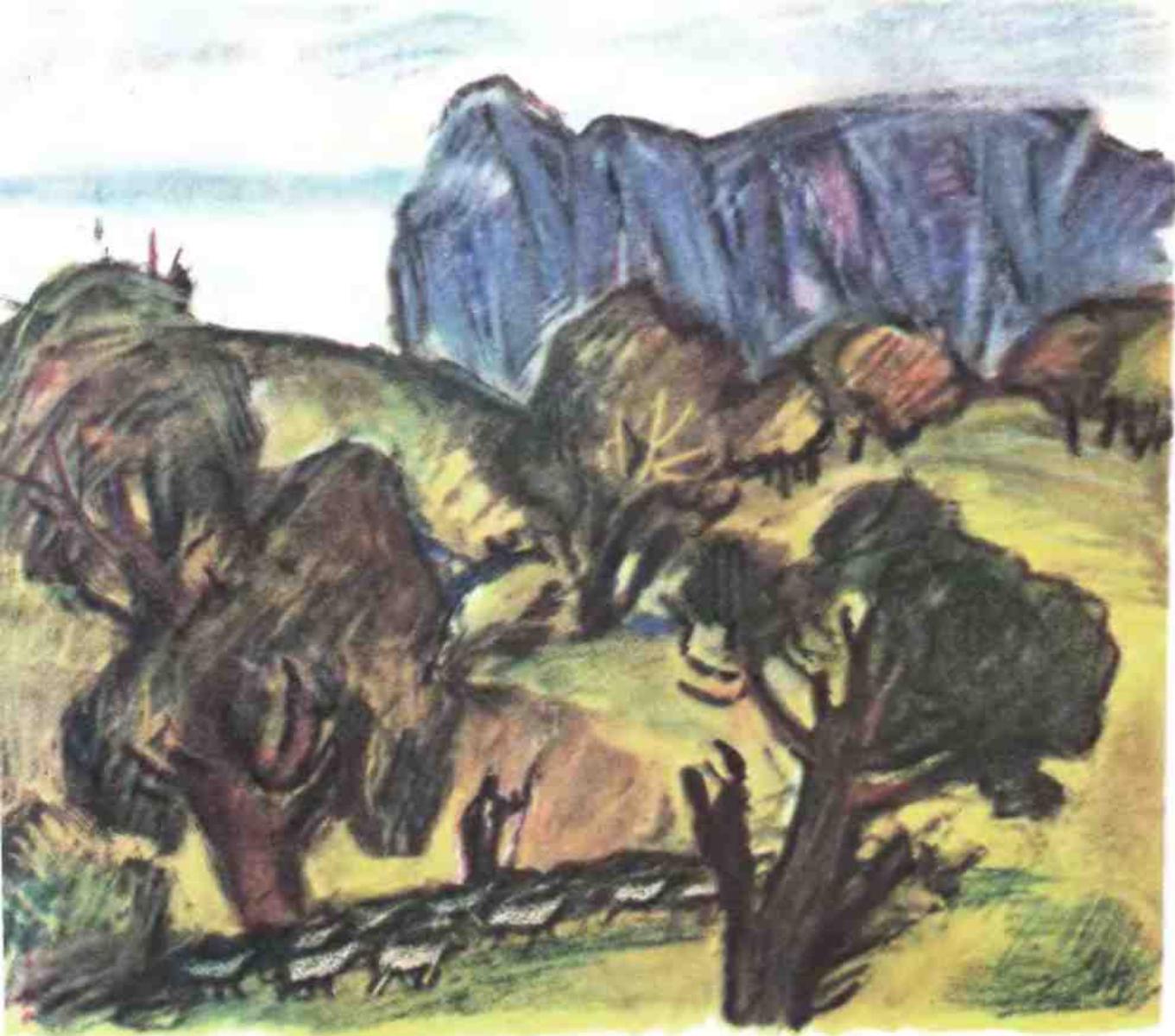
Сорочьи дети.

Сурок-байбак застыл перед своей норой.

Ласка — «мышиная смерть».

Продолжение. Начало см. «Вокруг света» № 1, 3, 5 за 1964 год.

*Из блокнота
художника*

А. ТАРАН

СЛИВЕН — ГРАД ЛЕГЕНДАРНЫЙ

Памятник Хаджи Димитру на центральной площади Сливена.

Вине утро. Еще прохладно. Длинные голубые тени перерезают улицы, изменившиеся и похорошевшие. Я был тут почти двадцать лет назад. Между вокзалом и городом были пыльные пустыри и кособокие цыганские лачуги. А сейчас автобус несетя между двумя рядами деревьев, за которыми тянутся дома, ярко сверкают витрины. Прямо над улицами высоко в небе острые пики вычертят силуэт Стара-Планины. С этими горами тесно связана вся история Сливена — удивительного города, который дал Болгарии так много легендарных гайдуков, чет-

ников — борцов с турецким игом и революционеров.

От улицы к улице, от памятнику к памятнику, которых здесь особенно много, нас словно ведет за собой история борьбы болгарского народа за свободу.

Основанный фракийцами в первых веках нашей эры на пути из Восточной Фракии на север, он стал крепостью при римском владычестве. Позже он превратился в важный ремесленный центр, прославившийся своими сукнами и коврами, розовым маслом, оружием и изделиями из металла.

Сливен — город героев, родина многих борцов за свободу Болгарии.

«Кто в грозной битве пал за свободу — не умер», — эти слова выдающийся болгарский революционер и поэт Христо Ботев сказал о прославленном сливенце, храбром воеводе Хаджи Димитре.

Стара-Планина — край легендарных гайдуков.

Персиковые сады в долине реки Тунджа под Сливеном.

На месте старого турецкого караван-сарая разместился знаменитый сливенский базар.

Как святыню, сохраняют здесь маленький домик, в котором родился Хаджи Димитр.

На площади перед домом Окружного народного совета возвышается колонна стара-планинского гранита. На вершине ее — бронзовая фигура Хаджи Димитра. Он скимает в руках оружие — таким погиб храбрый гайдук в сражении с турками на горе Бузлуджи.

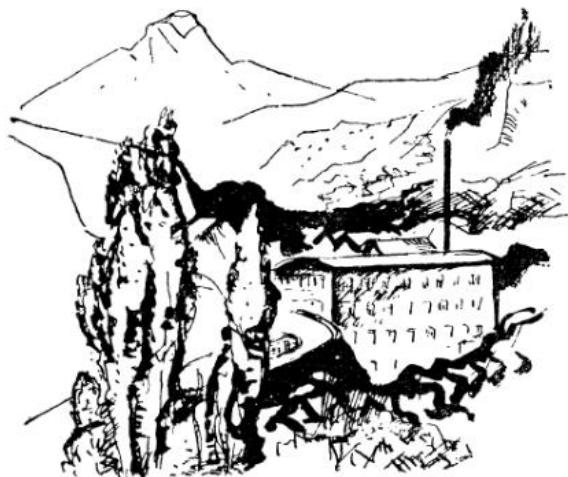
Недалеко от Сливена была построена сто тридцать лет назад первая на Балканском полуострове текстильная фабрика. Здесь делали свои первые шаги рабочее движение. И одну из первых в истории Болгарии забастовок начали сливенские рабочие.

В 1912 году над городом взвилось знамя коммуны — это молодой рабочий класс Болгарии взял власть в свои руки. Никогда не изменяли сливенцы свободолюбивым, революционным традициям своих дедов.

В годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками Сливенские горы вновь стали родным домом для партизанских отрядов «Смерть фашизму!» и «Хаджи Димитр». Памятник одному из легендарных героев этой борьбы — Сыби Димитрову, любимцу болгарского пролетариата, — есть на сливенской улице. Сыби Димитров гоевал за дело свободы в Испании,

Текстильный комбинат в горах, недалеко от Сливена.

Фабричные девчонки.

руководил коммунистическим подпольем в царской Болгарии. А в ноябре 1941 года он погиб здесь, в Сливене, в подожженном жандармами доме.

...У сохранившегося до наших дней здания турецкого караван-сарая шумно и многолюдно. Сегодня здесь кипит знаменитый сливенский базар. Грузовики, повозки и ослики, нагруженные так, что их не видно, привезли из окрестностей все, чем славится этот край. Рядами стоят глиняные кувшины, висят гирлянды разноцветных котелских ковров, висят целые пирамиды корзин с виноградом, красным перцем и нежными персиками в два фунта весом — сливы знаменитые садоводы и огородники. И словно спорят с этим обилием, с этой яркостью и сочностью рыжие и черные цвета одежды, красные пояса мужчин, расшитые безрукавки и белые платки женщин.

С горы Хамам Баир, на вершине которой установлен памятник советским воинам-освободителям, видны и Сливен, и далекая река Тунджа, и склоны гор с террасами виноградников.

За тополями набережной — снова яркие разноцветные кварталы многоэтажных домов.

Среди буйной зелени окраин виднеются современные корпуса новых заводов и фабрик — Сливен и сейчас главный центр текстильной промышленности Болгарии.

К воротам консервного завода подкатывают машины, груженные доверху дарами земли.

А на юг в голубом мареве расположилась плоская долина, расчерченная квадратами садов, плантаций, ниточками оросительных каналов, лентами новых шоссейных дорог, ветрозащитными аллеями от сливенского «луда вятра», зимнего урагана, — земля Болгарии, где живет, молодея, приветливый и героический, трудолюбивый и легендарный град Сливен.

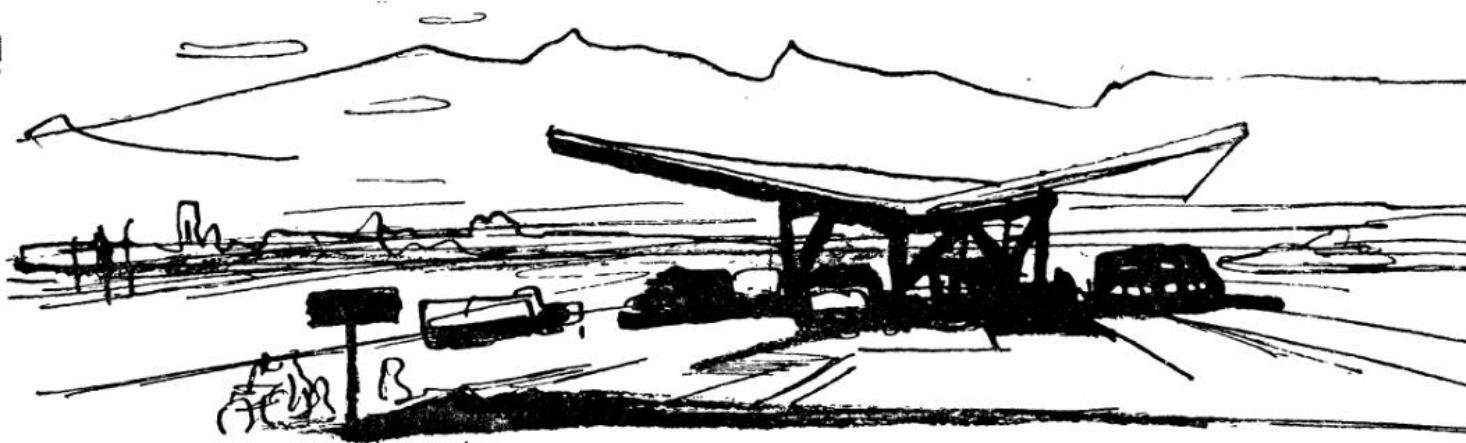

Новые жилые дома в районе Ново Село.

Самые лучшие персики — в Сливене.

Автозаправочная станция в пригороде.

БОЛЬШОЙ СУХОЙ СЕЗОН

Н. ХОХЛОВ

Фото автора

Как раз в этих местах проходит линия, на которую нанизаны, как гигантские продолговатые бусы, Великие африканские озера. Даже на географических картах они выглядят заманчиво и притягательно-красиво. Алмазный глаз Укере-ве-Виктории охвачен озерами Альберт, Эдуард, Киву, Танганьика, Руква, Ньяса.

От озера Эдуард до Танганьики тянется горная цепь Конго-Нильского водораздела. Территорию этих гор занимают Республика Руанда и Королевство Бурунди, которые до недавнего времени находились под опекой Бельгии.

Первые серьезные сведения о Руанде и Бурунди принесли в Европу в конце XIX века немецкие колонисты, которым в результате дележа африканских территорий достались эти районы. Столица Бурунди Усумбура была немецким военным пунк-

том с одним офицером и полутора десятками солдат. А в наши дни эти же две небольшие страны Бельгия не в состоянии была удержать полками солдат, вооруженных самым современным оружием!

По территории этих двух стран и пролегал мой маршрут. Я начал путешествие в Усумбуру от озера Киву. Это озеро славится тем, что в его водах нет вездесущих крокодилов и в нем можно купаться. Недалеку от Киву происходили извержения вулкана Карисимби. Говорят, тогда воды озер кипели, вся живность в нем вымирала. Суеверные крестьяне, рыбаки

И пастухи бежали с насыженных мест в глубь континента. Юго-восточный берег Киву и до сих пор дымится испарениями: здесь воды покрыты пеленой какого-то нездорового, пропитанного серой тумана.

Дорога до Усумбуры идет по берегу реки Рузизи. Река эта рождается в Киву и впадает в Танганьику близ Усумбуры.

Когда мы отъехали от озера Киву километров на тридцать к югу, дорога вошла в ущелье. Вскоре шофер остановил машину, вышел из нее и поднялся на верхушку холма. Здесь он остановился, приложил рупором ладони ко рту и протяжно закричал. Откуда-то сверху, точно с небес, раздались один за другим мощные глухие удары.

— Все в порядке, — сказал шофер. — Можно ехать. Путь открыт.

Мы проскакивали километр за километром, а над головой вновь и вновь раздавались непонятные звуки. Дорога была узкой, со множеством поворотов, подъемов и спус-

ков — на полотне, проложенном в ущельях, никак не могли разминуться две машины. А впереди, на взгорье, показалась встречная. Шофер, заметив мое повышенное молчаливое любопытство, сказал:

— Все нормально. Едем, как по графику...

Как раз на этом повороте я и увидел на краю крутого обрыва человека. Он колотил чем-то по бочке из-под бензина. Мы проскочили последнее ущелье, выбрались на широкий тракт и остановились. Тут-то я и расспросил об этой дороге.

На протяжении более чем тридцатикилометрового пути установлено одностороннее движение. А если в ущелье одновременно въедут машины с севера и с юга? Даже если они не столкнутся, им придется разъезжаться, давая задний ход. Как же отрегулировать нормальное, бесперебойное движение? Местные жители решили эту проблему умно и просто: с помощью тамтамов. Перед въездом и выездом из

ущелья оборудованы наблюдательные пункты, если так можно назвать стоящих тут и там людей с большими барабанами или пустыми бочками, металлический звон которых в горах слышен еще более отчетливо, чем звук тамтама. Сторож при въезде знает, сколько машин движется навстречу, когда они тронулись в путь: ему об этом сообщили сигнальщики ударами тамтама. Крестьяне, нанятые для такой службы дорожным управлением, «читают» звук, хорошо отличая сигнал «путь свободен» от сигнала «в ущелье машина». Их разделяет пространство в несколько километров, но они отлично слышат друг друга. Сигнальщики, взбравшись на вершины гор, дежурят определенные часы.

Когда приходит новичок, остальные сигнальщики «приучаются» к его ударам. Даже на одном и том же

барабане, пояснили мне, разные сигнальщики выбивают по-разному, хотя и «говорят» одно и то же. О начале работы извещает особый сигнал. При этом проверяют, все ли на месте, цели ли барабаны. В конце дня играют отбой.

Я готов был поехать по тому же пути обратно, но шофер убедил меня:

— Отложим до другого раза. Вам это не нужно, а наша машина может задержать движение: утром многие торопятся в Усумбуру. Слышите, тамтамы сообщают, что от Киву начался заезд целой колонны автомашин?

Легко сказать «слышите»! Я действительно слышал гул барабанов, но они для меня могли означать что угодно: например, что наступила пора перекура.

Мне хочется узнать еще какие-либо подробности этой оригинальной сигнализации:

— Ну, а если машины не появляются час, другой, третий? Что тогда делают сигнальщики? Они же могут забыться, заснуть от безделья.

— Нет, — оживляется шофер. — Они не скучают. Если нет машин, они начинают заниматься своими делами.

— Какими же?

— Сообщают друг другу деревенские новости.

— Вы не шутите?

— Что вы! Барабан — это же звуковая азбука. Кто живет в деревне, тот знает об этом. Вы не видели в наших деревнях «телефонов»? Это большие продолговатые барабаны, выдолбленные из спиленного дерева и обтянутые кожей. В нашей деревне такой «телефон» находится на площади около дома вождя, и специальный сигнальщик выбивает на

барабане все его распоряжения. Сигналом можно всех жителей созвать на сходку.

— Может быть, народ идет на звук, не понимая его смысла, просто потому, что раз стучат в барабаны, то надо непременно идти к вождю?

— На пустой звук «телефона» в деревне никто не пойдет, — возражает мой собеседник. — Бывает, что на нем тренируются ребяташики, но на это никто не обращает внимания. Вот вы сказали, что на сходку народ можно собрать и голосом. А если люди в поле или в лесу, за несколько километров от деревни? А если нужно что-то сообщить в соседнюю деревню, до которой, допустим, километров пятнадцать? Тут поможет только тамтам.

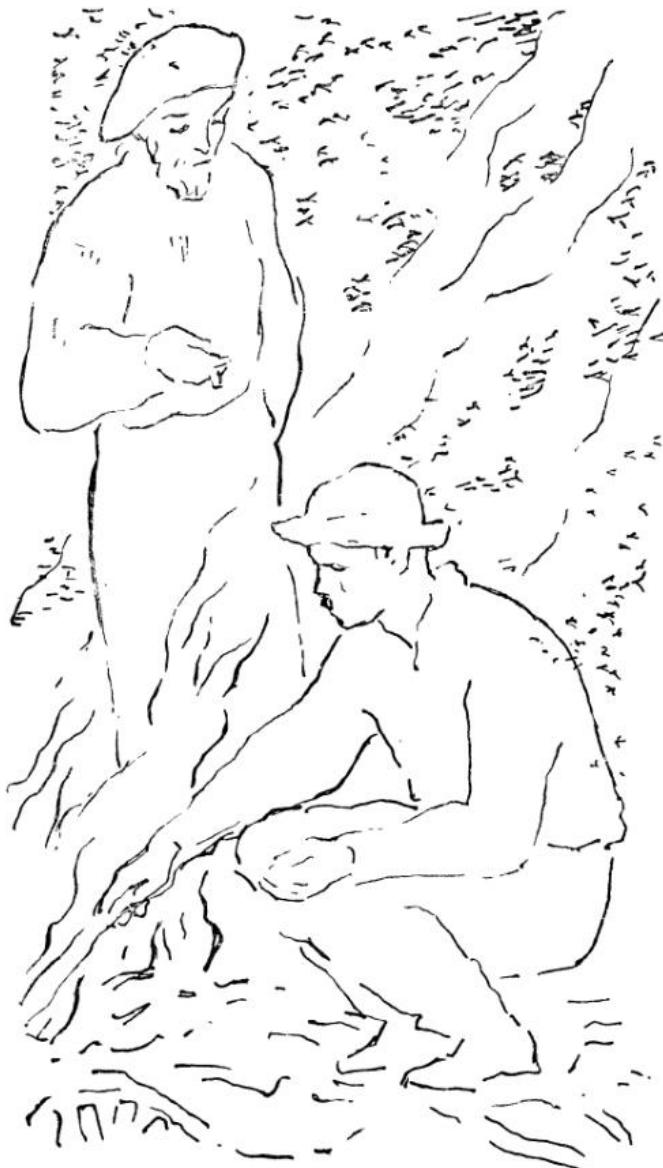
Да, теперь и «чондо» — тамтам для сигнализации, и «гома» — небольшого размера барабан, обтянутый кожей, и сделанный из твердого красного дерева «кулунду», и кро-

хотные, будто изготовленные для детских утех, барабаны-погремушки казались мне знаками непонятной африканской азбуки.

В простом, порой общарпанном, неказистом на вид барабане таится легенда, в нем — история народа. Старый барабан не подведет, не сфальшивит, он всегда даст верный звук.

В годы разгула работорговли тамтамы были сполох, оповещая о приближении вооруженных отрядов колонизаторов. Сигнал бедствия, поданный порой за десятки километров от деревни, быстро предупреждал население, которое незамедлительно покидало родные места и уходило в леса. И сейчас в независимых африканских странах тамтам не только веселит публику в праздничные дни, но и является верным помощником в трудовых буднях.

...Стоял август — месяц «большого сухого сезона», продолжающегося с

Эрнест
Хемингуэй

Комарный яд

Эти очерки Эрнеста Хемингуэя были написаны в 1926 году, когда он начал работать в канадской газете «Торонто стар». Очерки были помещены в еженедельном изда-

нии этой газеты «Торонто стар уикли».

На русском языке публикуются впервые.

Он принадлежит к числу немногих диких тварей, не боящихся людей. Почувствовав человека издалека, он с пронзительным писком нападает на него и сосет кровь. Он доводит людей до безумия и сделал непривычными для жизни обширные пространства нашего континента. Нет, это не вампир. Это комар.

июня по сентябрь. Жители Королевства Бурунди разбивают весь год на четыре отрезка времени: январь и февраль занимают «малый сухой сезон», март, апрель и май составляют «большой сезон дождей», с октября по декабрь длится «малый сезон дождей». В дни «большого сухого» сам бог велел совершать большие поездки. Это не то что в ливень, когда горные кипризные дороги Бурунди напоминают подкрашенное тесто маниока в корыте африканской хозяйки, когда сносит мосты и переворачивает, когда одно лишь упоминание о поездке куда-либо может поставить вас в разряд людей с не совсем нормальной психикой.

Эвкалипты вдоль дороги приглядывались бедными: на их высоких стройных стволах болтаются лохмотья коры. Тонкие листочки выставили ребрышки под солнечные лучи. Словно нет никакой короны — в воздухе видишь не листву, а брызги зе-

лени. Голубой эвкалипт незыскан, но выглядит ладно. Его голубые ветви стелятся по горам Бурунди. Но эта горная лесистая страна не имеет своего строительного леса: он вырублен. Лес отступает с вершин, становится все реже, превращается в кустарник. Лучшие земли облюбованы западными плантаторами под участки хлопка, пиретрума, хины, банинов, чая, кофе. Они торшуют землю, трясут, как обессилевшего батрака, требуют все большего! Заметно лысеющие и выветривающиеся земли и послужили, надо думать, основой для возникновения теории об «умирающей земле Африки». Не хотят понять сторонники подобных «теорий», что в умирающую можно превратить любую самую плодородную землю!

Рядом с европейскими квадратиками на африканской земле соседствует иной мир, существует другая жизнь со своими законами и поня-

тиями. Бурунди и Руанда — страны в основном пастушеские. Еще совсем недавно здесь вся жизнь регламентировалась законами убугабира — договора о пастушеской зависимости. Убугабир представлял собой сделку между владельцем и пастухом. Пастух имел только «право на молоко», как говорили в народе. Иными словами, крестьянин пас стадо и пользовался молоком, а распоряжался жизнью хозяин. Да и феодал здесь почти не имеет пахотной земли, его положение в обществе определяется количеством скота и числом пастухов, стерегущих стада. Наёмный пастух не знает, как держать мотыгу, как обработать грядку. Руки его привыкли к пастушескому посоху.

Четыре века просуществовал убугабир — система феодальной эксплуатации — и был ликвидирован только в 1955 году! Но феодальные отношения живы и по сей день.

Мой рассказ предназначен для городского жителя, который этим летом не может уехать за город. Когда он прочтет его, он будет хихикать злорадно, думая о несчастных людях, поехавших провести отпуск в лесу, и направится в кино, полный любви к Торонто. В Торонто комаров почти нет.

Мы были в лесу. Мы поставили палатку в такой глупши, что там не было даже эха. Оно умерло бы там от одиночества.

Первую ночь мы провели отлично. Дул северный ветер, было холодно, и мы спали, как колоды. Кругом не было ни одного комара.

На следующий вечер теплый южный ветерок стал нагонять в сумерках тучи комаров с соседнего болота. Вы не поймете этого, если никогда не видели. Совсем как тучи пыли. Только это комары.

Мы забрались в палатку и затянули сеткой вход. Скоро комар укусил меня в нос. Я убил его, но вместо него появился другой. Тэд зажег свечу и принял уничтожать в палатке комаров. Перебив их, мы легли спать, но тут послышался знакомый писк, и еще одно жало вонзилось мне в лицо.

Комары проникали сквозь сетку легко, как будто это решетка птичьей клетки. Мы намазались мелиссовым маслом и смогли немного поспать. Но какой это был сон, если тысячи зудящих, кусающих, назойливых насекомых садятся на ваше лицо, как только вы его высунете из-под одеяла, и уголяют свой голод, вонзая жала.

На следующий вечер я вернулся промокший и усталый после целого дня уженья на мушку и, вытряхивая добычу из мешка, заметил виноватое выражение на лице Тэда.

— Что... Что ты сделал? — пролепетал я, ошеломленный.

— Я хотел вытащить застрявшую пробку, и она проскочила внутрь. Потом я поставил бутылку на землю и нечаянно опрокинул.

Тут я понял, как чувствовал себя Наполеон на острове Святой Елены, и Цезарь, когда Брут втыкал в него нож, и птица, не сумевшая найти ни одного зернышка для голодного птенца.

Мы приехали сюда на две недели. Мы были в двадцати шести милях от ближайшего поселка. У нашей

сетки были настолько большие ячейки, что каждый комар мог действовать не менее активно, чем ирландский террорист. И, как назло, Тэд разлил комариную жидкость...

Как раз в это время с юга над болотом потянул теплый ветерок на возвышенность, к нашей стоянке. Зоркий наблюдатель мог бы заметить что-то похожее на пыльное облако. Скоро я почувствовал комаров

Мы разложили два дымных костра и уселись между ними. Комары густо окружили нас и временами прорывались сквозь дым.

Мы разложили четыре костра и сели посередине. Комары проникали в просветы между клубами дыма. Мы были точно окорока в коптильне. Я сказал об этом Тэду.

— Да, — согласился он.

Я стал утешать его:

— А что, если бы комары были величиной с ворону? Что случилось бы с нами тогда?

Он ничего не ответил.

— А что, если бы они ели рыбу? В речке ничего бы не осталось.

Он молчал.

— Мы еще за многое должны благодарить судьбу.

— Заткнись! — сказал он грубо.

Мы решили продержаться две недели, но временами нас охватывало отчаяние.

Тэд сказал, что, если долго пытаться моей стряпней, мы станем ядовитыми для комаров.

Я ответил, что он и так, наверно, ядовит для них.

Он сказал:

— Это ты купил такую хорошую сетку.

Я спросил:

— А кто пролил жидкость?

Он запустил в меня оладьи.

Через несколько дней подул северный ветер. Комаров не стало.

Тэд похвалил меня, назвал хорошим поваром.

Я сказал, что он, наверно, избавился от злой мухи, которая кусала его.

Мораль? Нам следовало захватить марлю, а не эту ставшую нынче модной комариную сетку. И взять с собой две бутылки комариной жидкости. А еще лучше — три!

Однажды я поинтересовался, сколько всего скота в Бурунди. Оказалось, по горным склонам этой страны бродит около полумиллиона коров, почти восемьсот тысяч коз и триста тысяч овец — это на два миллиона жителей, составляющих население Бурунди!

В Руанде к моменту провозглашения республики феодальные отношения сложились так, что большинством земли и скота владел народ батутси. После отречения короля от престола его землю и скот начали передавать баухуты — народности, составляющей более трех четвертей населения. На этой почве и возникла вражда между батутси и баухуты, усердно подогреваемая бельгийскими колонизаторами. Столкновения между ними не раз выливались в настоящие войны, тысячи батутси бежали в соседние страны. Между тем конфликт между батутси и баухуты вовсе не является неразрешимым. Существуют ведь в Руанде политические партии, в которые входят представители обеих национальностей. Они объединены одной

целью — покончить с остатками колониального режима.

...Любопытство — словно невидимый внутренний мотор путешественника: он действует беспрерывно в любом климате, в любой сезон! И он не подвел меня, когда я направился к бурундийскому пастуху.

Пастух напомнил мне старого еврея со знаменитой картины Александра Иванова «Явление мессии народу»: согбенный, опирающийся на палку дрожащими руками. Не сводя глаз со стада, он низко-низко поклонился. Пастух, сын пастуха, внук и правнук пастухов, пасущий стадо вместе со своим сыном-пастухом, — так можно представить его читателю. Он не знает своего имени и никак не мог понять, зачем мне надо было узнать, сколько ему лет, — как будто он обязан запомнить всякие пустяки! Коровы и пастбища, пастбища и коровы — вот все, о чем он мог и о чем желал разговаривать.

Все казалось дивным: и сам этот пастух, весь наш разговор, вся природа, словно позирирующая укрывше-

муся где-то художнику. Горы с перелесками в ложбинах, узкие поймы рек, воздух, пересыпанный солнечной пылью, стада коров, коз, овец — все погружено в дремоту. Горы как будто тормозят течение жизни, служат препятствием ее убыстренному бегу, как препятствуют они отаре овец, стремящейся преодолеть гребень и спуститься вниз к зеленоющей траве.

На горе справа горела трава. Огонь шел вверх, сваливая оранжевым лучом сухостойник воскового цвета. Клыкастый жар подпиливал траву снизу, и она падала без сопротивления, без шума — падала навзничь, чтобы догореть, дотлеть на земле. Кустарник погибал в этом огненном танце с треском, корчась. Плакали зеленые листья, напрасно взывая к озвевшему пламени. Какие-то доли секунды превращали цветущие растения в пригоршки пепла. Как змей истребления, зловеще полз, извиваясь между обугленными кочками, грязновато-белый дымок. Земля курилась, испуская последние вздохи: огонь оставлял за собой

Лучшая в мире ловля радужной форели

Ловля радужной форели так же сильно отличается от ловли ручьевой форели, как профессиональный бокс от драки. Радужную форель, или *Salmo iridesces*, как ее называли таинственные люди, дающие имена рыбам, которых мы берем на крючок, только недавно стали разводить в канадских водах. А сейчас на порогах канадского Со-Сент-Мари лучшая в мире ловля радужной форели.

Там вытаскивают из воды форель весом до четырнадцати фунтов. Ее ловят с каноэ, которые местные лодочники-индейцы из племен чиппавей и оджибва проводят через пороги, задерживаясь у бочагов. Это неистовый, изматывающий нервы спорт, и все преимущества на стороне гигантской форели. Она стремительно сматывает тридцать или сорок ярдов лесы, а потом забивается под большой камень, и тогда уж ее не стронет с места ни подергивание прочной удочки, ни поток оджибвейской ругани. Иногда бьешься с большой форелью два часа, прежде чем вытащишь ее из воды.

В Со-Сент-Мари очень много рыбы. Но ловля там — это дикий кошмар. По напряженности она уступает только ловле тунца у острова Санта-Каталина. Вдбавок форель здесь обычно берет на блесну, но не хочет клевать на мушку. Для 99-процентного ловца на мушку

(стопроцентных не бывает) это тоже большое препятствие.

Конечно, в Со-Сент-Мари найдется форель, которая клюнет на мушку; но с той легкой счастью, какую любят применять удильщики при такой ловле, очень трудно справиться с ней в этом огромном потоке воды. Да и ходить там вброд, если это вообще-то возможно, довольно опасно: один неверный шаг — и удильщик полетит вверх тормашками в быстрину. Кто хочет ловить в самых добывчивых местах, тому не обойтись без каноэ.

Вообще же это тяжелый, изнурительный, мучительный спорт, в нем нет созерцательности, которую ценят удильщики, принадлежащие к школе Исаака Уолтона¹. Для настоящего удильщика, когда он умрет, подлинным рабом была бы обычная форельная речушка, богатая радужной форелью, жадно бросающейся на мушку.

Такая речка есть в сорока милях от Со-Сент-Мари, и она называется... Ладно, называется просто речкой. Ширина ее примерно такая, как нужно, глубина немного больше, чем нужно. Чтобы получить верную картину, вам надо представить себе быструю смену следующих кадров...

Высокий берег, обросший соснами, круто поднимается над затененной рекой. Короткий песчаный спуск к воде, резкий поворот течения, прибитые к берегу обломки дерева в излучине и, наконец, омут.

Омут, где вода цвета мозельвейна устремляется в темный водоворот и растекается на пятьдесят футов в ширину, синевато-коричневая на глубине.

Таково место действия.

А действующие лица — две фигуры, устало бредущие по тропинке, согбаясь под тяжелым грузом, который измотал бы вьючную лошадь. Они сбрасывают свою ношу через головы на папоротник, растущий у глубокого омута. Нет, не так. Фигуры слегка накрениются, ремни ослабевают, и тюки сваливаются на землю. Человек не станет сбрасывать груз через голову, пройдя пешком восемь миль.

¹ Исаак Уолтон (1593—1683) — автор известной книги об ужении рыбы.

безжизненную пустыню. Земля не походила сама на себя — вместо нее огонь разостлал истрескавшуюся кожу старого слона.

— Кто поджег траву? — обратился я к пастуху.

— Пастухи, — спокойно ответил он.

— Зачем вы это делаете? Где же теперь пасти скот?

— Поэтому и поджигаем траву, что нужны пастбища. Старая трава никому не нужна, ее скот не ест. Если ее не уничтожить, она не даст росту молодой. В «большой сухой сезон» мы выжигаем все, что отжилось. Готовимся к дождю. Тогда земля расцветет, вся эта черная гора покроется нежной травкой, на которую набросятся и коровы, и козы, и овцы.

Сын пастуха до этого момента не проронил ни слова и не двинулся. Я все время чувствовал на себе взгляд темных глаз с крупными белками, подчеркивающими их глубину и выразительность. Я обратился к нему и повторил те же вопросы, с которых начал разговор с его отцом.

— Меня зовут Жан. Я католик. Мне тринадцать лет. Четыре года я учился в католической миссии. Немножко умею читать по-французски. Наша фамилия Катирери. Отец этого не знает, потому что он стар и всю жизнь провел в поле. Да у него никто и не спрашивал никогда ни имени, ни фамилии. В деревне его зовут «Пастух, живущий у самого ручья». Наш домик на берегу Лувиронзы. В ней хорошая, вкусная вода. Мама моя дома с маленьким братишкой и двумя сестренками. А я помогаю отцу. У нас десять коз, пять коров и шесть овец. Будет еще больше.

Семья Катирери — батуты. Тутси, как называют человека народности батуты, отличаются от своих соседей высоким ростом.

Их жилище, «мухима», по форме напоминает шалаш. Он кажется сделанным специально для того, чтобы его осматривали и хвалили. Снопы камыша, поставленные в круг и составляющие фундамент этого травяного строения, перевиты красочными паясами. Растиющая трава, извиваясь,

устремляется вверх между сухими стеблями и таким образом «припираивает» снопы, делая все основание прочным, не подверженным воздействию ветров и бурь. Под конусообразной соломенной крышей даже в большой сухой сезон прохладно. И мужчины в свободное время предпочитают сидеть там и попивать фруктовые настоеки, которые так искусно изготавливаются женщинами.

Скот — единственное богатство и гордость пастуха. Без коров не обходится ни одно торжество в деревне. Перед «выступлением» коров моют, смазывают шерсть жиром, чтобы она блестела на солнце, полируют длинные рога. Тесемочка на голове держит несколько колокольчиков, а на шее широкое ожерелье. Каждую корову ведет пастух, держа ее за поводок или просто за рога. Я видел однажды такой праздничник в городе. Первыми вступили на площадь белые животные, за ними черные, коричневые, пятнистые. К рогам были привязаны националь-

(Окончание на стр. 53)

Один смотрит наверх, замечает площадку над крутым берегом, где удобно разбить палатку. Другой лежит на спине и глядит в небо. Первый протягивает руку, ловит кузнецика, окоченевшего в вечерней росе, и бросает в омут.

Какое-то мгновение кузнецика, широко расставившего лапки, несет течение, его захватывает маленький водоворот, и вот огненная полоса свернула над водой, форель длиной по локоть пронеслась в воздухе, и кузнецика не стало.

— Ты видел? — воскликнул тот, кто бросил кузнецика в омут.

Праздный вопрос, так как его спутник, который минуту назад мог бы служить моделью для этюда «Полное изнеможение», уже поспешно вытаскивает из чехла удочки, держа во рту поводок.

Мы выбрали мушки макджинти и роял-коучмен, и при втором забросе вода забурлила, как при взрыве глубинной бомбы, леска тут натянулась, и радужная форель выскошила на два фута из воды. Она устремилась вниз по реке, и леска быстро сошла с катушки. Форель стала выпрыгивать из воды. И каждый раз, когда она проносилась в воздухе, мы опускали конец удочки и молились. Последний призыв, леска ослабела, и Жак стал ее подматывать. Мы думали, рыба ушла, но вдруг она выскошила из воды прямо перед нами. Она быстро плыла к нам против течения, а нам показалось, что она оборвала лесу.

Уже почти стемнело, когда я в конце концов подцепил ее сачком, выбросил на берег и, прижимая бьющуюся рыбу к земле, почувствовал ее огромную силу. Она была длиной двадцать шесть дюймов и весила девять фунтов семь унций.

Такова ловля радужной форели.

Радужная форель берет на искусственную мушку охотнее, чем на червя или другую наживку. Желтая мушка макджинти — самая лучшая. Ее надо прикрепить к крючку восьмого или десятого номера. На маленькие мушки поклевки бывают чаще, но на них не поймаешь очень большую рыбу.

Живет радужная форель в тех же речках, что и ручьевая, но ее надо искать в других местах. Ручьи

евая форель держится в тенистых заводях под берегом, где над водой нависает ольха, а радужная — в светлых омутах и на мелких местах с быстрым течением.

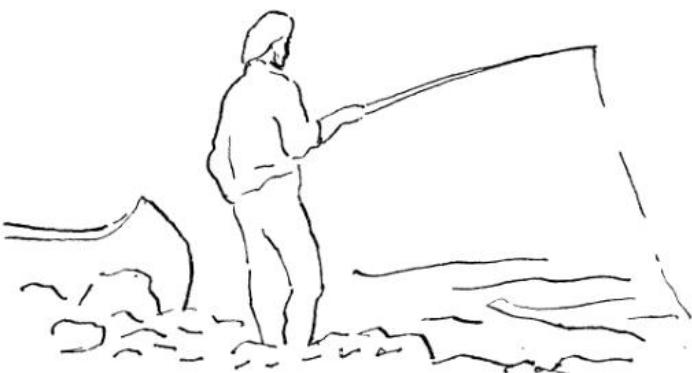
Вопреки тому, что пишут в журналах и рисуют на обложках, ручьевая форель, или пеструшка, попавшая на крючок, не делает скачков над водой. Если дать ей много лесы, она стремительно уходит в глубину. Конечно, если держать рыбу на тугой лесе, сильное течение заставит ее биться на поверхности.

Но радужная форель всегда делает скачки — и на тугой лесе и на слабой. И она не бьется на поверхности, а делает настоящие скачки параллельно воде, длиной от одного до пяти футов. Кажется невероятным, что форель может прыгнуть на пять футов, но это так.

Если вы не верите, испытайтесь форель на быстром течении, понуждайте и изводите ее. Может быть, если она пятифунтовая, она подведет меня и прыгнет только на четыре фута одиннадцать дюймов.

Перевод с английского Г. БАВЕНЫШЕВА

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

РАССКАЗ

С. ЯМЩИКОВ

о том, как загово-
рил зреющий папирус,
как «сшили» рубаху
Федора Годунова,
как был найден самый
ранний портрет Петра I
и о многих других
возвращенных к жизни
сокровищах

...Это было несколько лет назад. Археологи, которые вели раскопки в Загорске, обнаружили в погребении Федора Годунова сгнившие, слежавшиеся кусочки ткани. Рубаха Федора Годунова... Возможно ли восстановить ее? Реставраторы сомневались в успехе и все-таки решили попробовать.

Началась кропотливая лабораторная работа. Сначала ткани смягчили и расправили в спирто-водно-глицериновой ванне. Потом ацетон, добавленный в ванну, помог очистить кусочки ткани от загрязнений. Наиболее стойкую — в буквальном смысле вековую грязь — пришлось обесцвечивать более сложными химическими препаратами. Наконец детали очищены, но они еще рассыпаются под рукой реставратора — ведь ткань пролежала в гробнице столько веков!..

Только когда фрагменты одежды были закреплены смесью глицерина, желатина, спирта и бензойной кислоты, искусные мастерицы взялись за «шитье». И вот ценная историческая находка ожила: скоро рубаха Федора Годунова украсит один из залов загорского музея.

А осенью прошлого года этот экспонат вместе с другими, о каждом из которых можно было бы рассказать удивительную историю, находился в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Здесь разместилась выставка работ наших реставраторов. Выставка была приурочена к Конференции

ЮНЕСКО, посвященной реставрации и консервации произведений искусства, которая проходила в Ленинграде.

В нашей стране выдающиеся памятники культуры находятся под охраной государства. Сейчас восстанавливаются Новгородский кремль и Ново-Иерусалимский монастырь, разрушенные фашистами во время войны, уникальная роспись Успенского собора во Владимире, Довмонтов город в Пскове и многие другие шедевры архитектуры и изобразительного искусства.

В Москве работает Государственная художественная реставрационная мастерская. На ее счету много возвращенных к жизни произведений искусства. Последние годы для реставраторов были особенно богаты замечательными находками и открытиями. Мы расскажем о некоторых из них.

ФОТОГЛАЗ ЧИТАЕТ ПАПИРУС

...На юге Румынии, недалеко от греческой крепости Каллатис, в одном погребении IV века до нашей эры археологи обнаружили папирус с загадочными письменами. Когда извлекли папирус из земли, он от соприкосновения с воздухом распался на множество кусочков, а буквы потускнели так сильно, что их не стало видно. Казалось, тайна древнего документа так и останется неразгаданной.

После и до реставрации:

1. Бронзовая античная лидия IV века до н. э.
2. Рубаха Федора Годунова. XVI век.

3. Античная ваза.

Однако советским реставраторам, которые были на раскопках, удалось законсервировать остатки папируса и предотвратить их дальнейшее разрушение. Папирус был спасен, но надпись оставалась непрочитанной. Папирус привезли в Москву. Ученые перепробовали ряд способов, пытаясь прочитать угасший текст. И вот когда стали фотографировать фрагменты папируса в невидимых человеческому глазу отраженных инфракрасных лучах, то получили отпечатки с ясно читаемыми буквами греческого алфавита. Надпись была полностью восстановлена, и румынские ученые приступили к расшифровке древнего текста. Стало ясно — правда, еще в общих чертах, — что это документ, рассказывающий об отношениях древнегреческих городов.

Фотофизический метод, к которому прибегли исследователи в случае с папирусом, успешно используется реставраторами в самых различных вариациях.

Скажем, к реставратору попала картина, имя создателя которой точно не известно. На помощь исследователю приходит ультрафиолетовый и инфракрасный глаз — во время облучения часто выявляются исчезнувшие под потемневшим лаком подписи мастеров. Так при исследовании «Портрета Агаши», взятого из частного собрания, удалось прочесть:

«Писал Левицкий».

Нередко реставратор сталкивается с такой проблемой — как вернуть первоначальный облик картине, над которой уже поработала кисть (и, может быть, не одна) тех, кто ее обновлял? Отличить многочисленные доделки от подлинных авторских участков помогает реставратору специальное фотографирование. На картину направляют пучок фильтрованных ультрафиолетовых лучей. Лак, свинцовые, цинковые белила дают совершенно разное свечение. Это фиксируется фотоаппаратом, и у художника в руках остается фотодокумент, в котором ясно написано, какие наслаждения содержит картина. Интересна была работа над двумя изумительными портретами русского художника XVIII века И. Вишнякова, чья живопись украшает Зимний, Петергофский, Летний и другие дворцы. Реставратор благодаря фотофизическому методу смог отчетливо прочесть на портретах темные пятна поздних грубых дополнений и неравномерные слои пленки покровного лака. Сейчас живопись талантливого портретиста освобождена от позднейших наложений и выставлена в Рыбинском музее.

АРХИДИАКОНЫ ПОД... РЕНТГЕНОМ

...Молодой мужчина в парадном костюме и черной треугольке изображен на картине французского художника Антуана Пэна. Посетите-

ли Полтавского музея, где экспонируется портрет, вряд ли могли предполагать, что под тонким слоем живописи скрыт первоначальный вариант картины. На фотоотпечатке рентгенограммы, зафиксировавшем нижний слой, видно лицо, обрамленное густым париком. Каждый штрих, каждый нюанс творческого процесса зафиксировал рентгеновский аппарат.

Реставрационные мастерские не-редко превращаются в рентгеновские кабинеты. Рентгенограмма —

трудно было различить первоначальное изображение. В древние времена реставрировать живопись не умели, а просто приглашали случайного живописца, или, как тогда говорили, «богомаз», который поверх черной олифы писал совершенно новое изображение. Поновленная живопись со временем тоже темнела и еще раз покрывалась записью. Труд реставратора древнерусских памятников, оснащенного рентгеновской аппаратурой, подобен работе археолога. Удаляя поздней-

которых датируется концом XVIII века. Сделали рентгенограмму предполагаемого изображения Петра — и действительно очень четко стали просматриваться черты внешности молодого царя. Когда филиганный процесс удаления тончайшего слоя поздней записи будет завершен, мы увидим самый ранний живописный портрет Петра I.

ПЛАСТМАССА И ПОМПЕЙСКИЙ ПЕТУХ

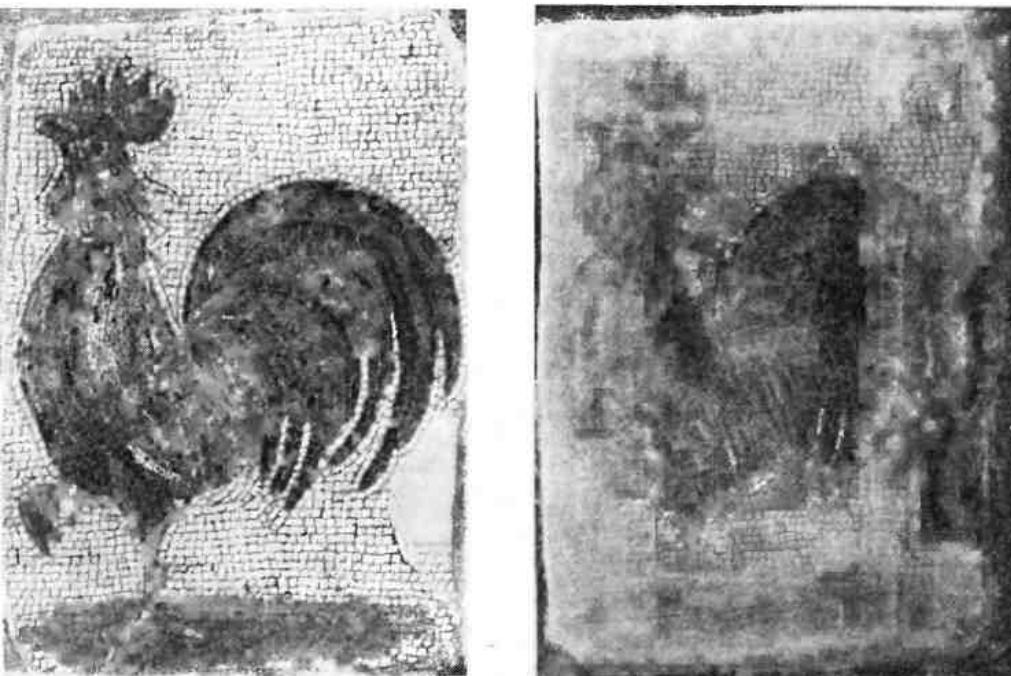
...На Московской реставрационной выставке большое внимание посетителей привлекала красочная помпейская мозаика с изображением петуха (I век нашей эры). Известный русский коллекционер Д. Бурылин приобрел эту мозаику в начале нашего столетия. Вставленная в пол одной из комнат Бурылинского музея (в городе Иванове), мозаика сильно пострадала от времени. В нижней части мозаики выссыпалась белые мраморные камешки, которые составляли фон рисунка. Реставраторы заменили потерянный мрамор акрилостирольной пластмассой, которую тонировали нитроэмалью. Сделано это столь искусно, что, вероятно, сам художник не заметил бы в своем творении никаких изменений.

Все шире и шире пользуются сегодня реставраторы пластмассами, этим универсальным и благодатным материалом, созданным химирами.

Сотрудники реставрационной мастерской Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина попробовали применить пластмассы при восстановлении скульптуры. Мастера выпилили из пластилина недостающие детали двух античных бюстов (II век н. э.). Затем, приготовив гипсовые формы, они наполнили их полиметилметакрилатным порошком и мраморной пудрой. Полученные детали подверглись термообработке в специальном сушильном шкафу. После этого фрагменты из пластмассы были плотно подогнаны к мрамору. В случае необходимости детали, изготовленные реставраторами, можно снять.

Химия помогает реставраторам и при работе над произведениями живописи.

...Черная доска расколота на две части. Трудно поверить, что это... живопись. Невооруженным глазом невозможно ничего рассмотреть. Реставратор ставит на темную поверхность компресс, смоченный в растворителе. Через несколько минут мастер пинцетом снимает компресс с растворенного участка лака и удаляет набухшую пленку. И, словно ожившие под его руками, загораются краски, в течение веков скрытые грубыми запи-сями.

4. Помпейская мозаика I века н. э.

основа работы современного реставратора.

Живописцы часто делали на одном холсте несколько совершенно разных композиций. Рентгеновский снимок с картины художника Н. Сверчкова «Тройка» показал, что под тройкой скачущих лошадей скрыт женский портрет.

Особенно помогает рентген при восстановлении памятников древнерусской живописи. Реставраторы не-редко пользуются специально сконструированной портативной рентгеноустановкой — то есть «медосмотр» производится непосредственно в музеях, соборах, — и прямо на месте отбираются вещи для реставрации.

Старые русские мастера применяли удивительно прочные, стойкие краски. Но от темноты в соборах, копоти свечей, наконец, от времени слой лака (олифы), которым обычно покрывали картины, чернел, и уже

шие наслаждения (как правило, очень несовершенные), он открывает первоначальную живопись, нередко исключительную по своему художественному достоинству.

Собор в Филях — известный памятник московской архитектуры XVII века. Из Покровского храма в реставрационные мастерские доставили алтарные двери с традиционным изображением архиепископов. Некоторые специалисты считали, что первоначально лица архиепископов передавали черты молодого Петра и одного из Нарышкиных. Ведь Филевская церковь строилась на средства князей Нарышкиных, родственников матери Петра I. Государь лично оказывал денежную помощь при сооружении собора.

Когда реставраторы приступили к исследованию филевских экспонатов, они установили, что живопись, как и предполагали художники, состоит из двух слоев, последний из

Подбором растворителей для каждой краски, для каждого лака занимается специальная химическая лаборатория. Проведя анализ состава краски или лака, которые нужно удалить, химики составляют необходимые растворители. Разрушив насыщенный поздним художником слой, растворитель оставляет нетронутой авторскую живопись. Иногда, применяя растворитель, реставратор не уничтожает, а виртуозно уточняет покровную пленку, сохраняя полуопрозрачную патину времени.

Картины, даты возникновения которых уходят в седую древность, нередко имеют ценные верхние слои записей. Если раньше, чтобы добраться до подлинной живописи, поздние напластования приходилось уничтожать, то теперь с помощью растворителей удается их сохранять. Размягченная компрессом пленка поздней записи заклеивается тонкой папиросной бумагой. Осторожно, сантиметр за сантиметром, острым скальпелем отделяет реставратор растворенный слой от нижнего. Отделенная пленка наклеивается на новое основание, а папиросная бумага смывается теплой водой. Эта «игра в переводные картинки» требует огромного мастерства.

Средствами современной химии — широким набором синтетических смол — пользуются художники и при реставрации сухого и мокрого дерева, известняка и гипса.

Сейчас в подмосковном музее Коломенское можно увидеть деревянную башню XVII века, привезенную из Братска. Эта башня — ровесница старого Братска. Она родилась вместе с городом и очень интересна как памятник градостроительства тех времен. Транспортировать издалека столицу значительное архитектурное сооружение удалось только благодаря тому, что реставраторы еще на месте «зацементировали» башню мочевино-формальдегидной смолой.

Из десятка отдельных фрагментов, использовав поливиниловую смолу, смонтировали реставраторы русский член XI века, найденный в Новгороде.

Особенно часто приходится восстанавливать предметы, найденные археологами. Изделия из кожи, ткани, покрытая многовековой патиной бронзы, kostяные предметы — каждая из находок, столетиями пролежавшая под землей, требует от реставратора «индивидуального» подхода, умелого сочетания самых разных методов «оживления».

Античные вазы, пелики, гидрии красотой форм, изысканностью рисунка снискали себе мировую славу. Но вряд ли кто из тех, кто восхищался античными вазами, выставленными в музеях, знал, что многие из них ожили лишь под руками реставраторов.

...Груда бесформенных осколков лежала перед мастером, когда он приступал к работе. 140 осколков

были пропитаны специальным составом, прошли обработку высокой температурой — как говорят специалисты, термообработку, — были смонтированы и склеены. Для утраченных частиц нашли хороший химический заменитель, который тонировали поливиниловым краской. И вот возникла краснофигурная пелика, которую много веков назад создали в Апулии. Сейчас она украшает стены Хабаровского музея.

...Античную пелику из Рыбинского музея никто не разбивал. И все-таки

слоя. Нижний, лежащий непосредственно на рисунке, состоит из белка и сахара, верхний — из даммарного лака. Реставраторы удалили пленку в два приема — послойно. В процессе реставрации рисунков родилось много новых приемов и способов расчистки, усовершенствовалась техника спасения графики.

Перед тем как восстанавливать картину, ветхий холст, разрушающийся от времени, дублируют, то есть наклеивают на новую ткань. Это стационарный и элементарный прием. Но, ока-

5. Рисунок XIX века из музея Архангельское.

состояние ее было катастрофическим. Соли плотной коркой покрывали тонкую живопись вазы. Как снять эту корку? Химики сделали анализ наложений, подобрали подходящий растворитель — и смесь песка, углекислого кальция, окислов железа исчезла. А компрессы, увлажненные дистиллированной водой, впитали из пор черепка водорастворимые соли.

Если реставрация живописи, археологических находок требует ювелирной точности, что же тогда говорить о возрождении произведений графики! Хрупкий и непрочный материал — бумага — мгновенно реагирует на любую оплошность, допущенную реставраторами.

Спасение серии русских рисунков начала XIX века — большое событие в истории нашей реставрации. Эти рисунки — отличные образцы русской академической школы.

Проведя анализы темного налета, который покрывал рисунки, химики установили, что он делится на два

слоя, и его можно усовершенствовать, используя современные материалы. Вместо обычного холста некоторые реставраторы используют стеклоткань. Получается ровная, без шероховатостей поверхность: к тому же через прозрачную стеклоткань хорошо видны надписи на тыльной стороне старого холста — факсимиле художника, имя владельца картины.

* * *

Можно было бы еще много рассказать об успехах наших реставраторов, о тайнах, которые они открыли, о шедеврах, которые они спасли для человечества.

В работе реставратора удивительно гармонично переплетаются искусство художника и поиск ученого. Нет ничего удивительного в том, что именно сегодня реставрация сделала большой шаг вперед. Ее успехи — это во многом успехи современной науки.

Плаэжная

Глухари на вышках. — Чужой. —
«Все мы здесь первые». — Кровь земли. —
«Случилось небольшое ЧП». — Влюбленные
в суровую землю.

5

В то утро бригада собиралась на смену не спеша. Шли по холодку изреженным, зябким березнячком. Покашливали от ранних цигарок. Лениво перебрасывались словами:

— Третью неделю ковыляемся, а толку — нуль!
— Но тайга эта подлая, братцы... То тебе снег, то слякоть!

— Север! А ты как думал?
Урусов шагал впереди. Он далеко обогнал остальных.

Лицо его было хмурым. Вчера он связался по радио с управлением, сообщил, что нефть не обнаружена. «Что делать? — спросил он осторожно. — Может, пора сворачивать работу?» Оттуда ответили: «Нет, надо стоять! Пробивайся к нижним горизонтам!»

Урусов снял с рукава налипший березовый листок, куснул его и ощущил на губах горьковатый осенний сок.

Ладно... После разговора прошло шестнадцать часов. Срок немалый... Что, если и сейчас не окажется нефти? Что тогда?

Он вышел на поляну. Возле буровой было серо и пустынно. Ночная смена уже ушла. Только постукивал дизель. Он работал на малых оборотах, и звук его, мерный и глухой, смешивался с шорохом и голосами тайги.

Два глухаря, лохматых и черных, сидели на вышке. Они сидели спокойно, лениво поклевывали сталь; чем-то их, видимо, привлекло огромное это дерево, так стремительно и непостижимо вознесшееся над редколесьем.

И, глядя на этих птиц, тяжелых и глупых, спокойно пасущихся на притихшей буровой, Урусов внезапно ощутил раздражение и странную досаду.

— Сидят, привыкли... тихо...

Он резко свистнул. В этот моментах ахнул и гулко зачастил мотор. И сейчас же взмыли птицы, пошли над поляной широкими кругами — сгинули в заревом свете.

Неторопливо, вразвалочку Урусов подошел к подножию вышки и вдруг задохнулся: он увидел нефть.

Нефть! Она появилась незаметно — в пересменок — дождалась тишины и темнела на глазах, и в каждой капле дробилось раннее солнце.

Ручеек ширился, становился все стремительней и мощней. Он расплзлся по дну котлована, затопляя его и лизал откосы.

И тогда Урусов закричал:

— Ребята, сюда! Пошли! Эге-ге-гей!

Из кустов вынырнул геолог Аркадий Завьялов. Брезентовый плащ был распахнут и обрызган изморозью.

— Нефть!

Он зажмурился. Всхлипнул и засмеялся.

— Я тут отошел, думал, все... А она — вот она! — исподтишка явилась... — Аркадий присел у котлована на корточки, подставил под маслянистую струю ладони.

— По древнему обычанию, — сказал он, отделяя сло-

М. ДЕМИН

ва, — по добруму старому обычаю, первой нефтью полагается умыться. На счастье. Вот так!

Он крепко провел ладонями по лицу, и сейчас же оно покрепело и залоснилось, взялось радужными пятнами.

Вокруг геолога сгрудилась подоспевшая бригада. Люди стояли торжественно и молча. Потом в тишине прозвучал суховатый урусовский басок:

— Гаси папироны, ребята!

На новом месте, как это всегда бывает, ребята обожились не сразу и не легко.

Разные пути приводят людей в тайгу. Одних влечет сюда дело — сложный и увлекательный труд разведчика. А кое-кто ищет здесь дармовую удачу, легкий заработок.

Как-то зимой появился в бригаде сутуловатый, жилистый парень. Был он молчалив, о себе рассказывать не любил. Но однажды Урусов разгадал его невзначай. На рассвете, обходя хозяйство, бригадир увидел в ближнем ельнике костер. Огонь помаргивал и шипел, слабо освещая две нечеткие фигуры. Из полуутеса донеслось:

— Муть все это... Я думал, тут гроши лопатой гречут... А что получается? Условий нет, заработки средние. Нет, это все не по мне! Только и есть один смысл — отсидеться в глуши на вольных харчах. Хотя и харчи тоже не ахти...

Говоривший — тот самый, сутулый — поднял жестяную кружку. Потянул воздух ноздрями. Изрытое темное лицо его покривилось. Потом он хлебнул из кружки, поперхнулся и, отдуваясь, торопливо зажег сигарету.

— Гуляешь? — сказал Урусов, подходя к костру. — С чего бы это?

— А что?

Сутулый сузил глаза. Его партнер сейчас же отодвинулся, пропал в темноте. Урусов сказал:

— Во-первых, на работе пьянка недопустима. — Он говорил, стараясь сдержать раздражение и чувство, что оно все сильнее закипает в нем. — А кроме того, разводить огонь возле действующей скважины запрещено. По инструкции, понял? Это тебе известно? Туши! И если еще раз замечу...

— А ты не кричи! — Сутулый медленно поднялся. — Ты на своих работах покрикай, они привычные... А я старый бродяга. Со мной короче!

— Ну, вот что, — Урусов помолчал. Хрустнул зубами. Тихо сказал: — Уходи! Сейчас на базу машина отправляется — поедешь с ней. Проспишься, потом потолкуем.

«Ну погоди, — думал он, — ну погоди! Не таких обламывали... Я тобой всерьез займусь».

Они не потолковали потом. Они вообще никогда больше не встречались...

Вечером в общежитии обнаружилась пропажа. Ребята взволновались — такого здесь не помнят! Вспомнили об этом сутулом странном парне. Хватились — и не нашли его. Он исчез, прихватив чужой костюм и сапоги; канул в зимнюю тьму так же внезапно, как и явился.

Отсевались слабые и чужие. Креп и сколачивался коллектив. И все больше вышек поднималось над тайгой.

Стальные вышки! Они шагают по завалам и топям. Глубоко — на километры — впечатываются в землю их следы. Пройдет немного времени, и каждый такой след станет мощным родником промышленной нефти.

Окончание. Начало № 5.

ПАРАЛЛЕЛИ И МЕРИДИАНЫ ПОДВИГОВ

Нефть

Рисунки И. БРУНИ

Ребята трудились упорно, с веселым азартом. Вскоре бригада Урусова завоевала звание коммунистической. А затем — спустя еще полтора года — на партийном активе экспедиции было решено создать вторую бригаду бурильщиков.

— Кадры есть! — заявил тогда Урусов. — Ребята толковые, дело знают.

Он встал, грузно опершись на стол, повернулся к Морозову, и на лацкане его пиджака желтым текучим огнем вспыхнула звезда Героя.

За это время около двух десятков новичков прошло обучение на производственных курсах. Ребята получили дипломы по всем специальностям — от дизайнера до старшего бурильщика. И, между прочим, все — комсомольцы... Так что, в сущности, новая комсомольско-молодежная бригада почти готова!

6

«Кайра», экспедиционная баржа-самоходка, идет вдоль низких берегов Конды. Ветреный, тусклый день. Тугая встречная волна хлещет в борта и пронизывает их дрожью. Медленно и вялко идет баржа, и кажется порой: она не движется. Движутся берега, шатаются и тихо ползут за корму.

Морозов сказал мне накануне:

— «Кайра» отправляется к верховьям. Везет сейсмопроизводчиков и попутно горючее во вторую бригаду. Ту самую, молодежную, которая отпочковалась от нас недавно! Если хотите попасть в бригаду — не зевайте! Это последний рейс.

И вот я беседую с молодыми сейсмографами — Наташей и Колей. Они знакомы мне, хоть мы никогда и не встречались раньше. Они давно знакомы мне: это ведь их переписку видел я на фасаде местного аэропорта!

Оба они выпускники московского вуза; прибыли сюда по распределению и потеряли друг друга в дорожной толчее — и вот после долгих мытарств встретились наконец.

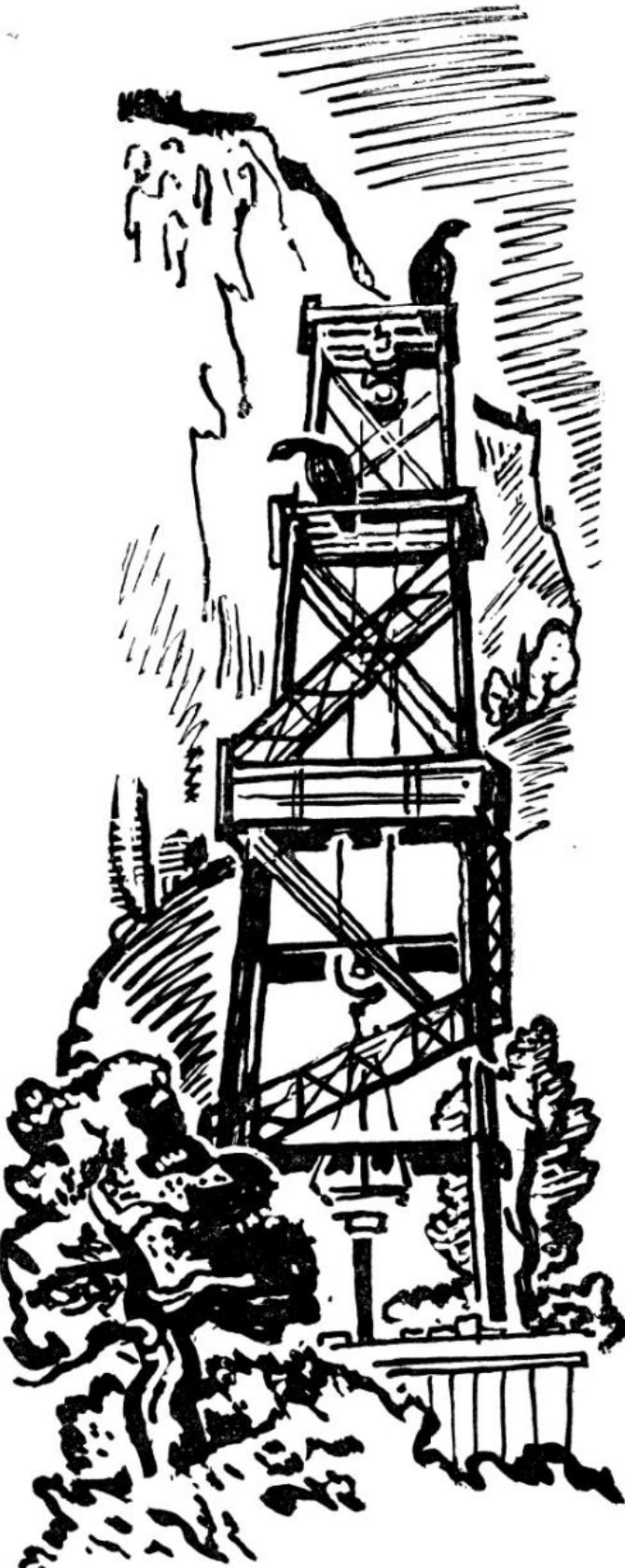
— Хорошая у нас профессия! — говорит Коля. — Нет, в самом деле, вы только вдумайтесь. Здесь совместилось все: и романтика — самая настоящая, традиционная — и современный технический прогресс.

Он высок, костляв, близорук. Квадратные очки Мухнатый шарф на жилистой шее. Просторный брезентовый дождевик. Коля говорит о своей профессии с восторгом, со всей неколебимостью и пылом молодости. Он любит порассуждать — это заметно сразу.

Наташа молчалива. Тоненькая, веснушчатая, рыжеволосая, она прислонилась к поручням, смотрит вдаль и улыбается каким-то своим мыслям.

— Вы вдумайтесь! — восклицает Коля и взмахивает рукой. Дождевик за его плечами трещит и вздувается, и весь он — напряженный и взлохмаченный — напоминает огромную птицу, готовую сразу ринуться в полет. — Сейсмографа ожидает в тайге все: и ветер, и толи, и костры. Но это одна сторона, фон, так сказать... Это вот Наташку увлекает... Работа наша связана с наукой, со сложными приборами. Мы «щупаем» почву при помощи взрывов, улавливаем характер колебаний, определяем глубинную структуру пород. Вступает в действие математика — сухой и точный расчет.

— Да, мы первые! — тихо говорит Наташа. И почему-то вздыхает.

— Мы все здесь первые! — улыбается Коля. — И бурильщики и строители... Но наше дело, ка-а-нечно, особое!

Чуть пригнувшись и полуприкрыв глаза, Наташаглядит на дальний берег. Оттуда — из глубины лилового ельника, из-за щербатой гряды — бьет осенний

ветер. Он резок и сух, этот ветер. Он уже пахнет зимой — мерзлой хвоей, тревогами и бездорожьем.

От реки поднимается острый, знобящий запах стылой воды.

И в эту воду, густую и мутную, схваченную мельчайшей беловатой рябью, напряженноглядывается капитан.

В капитанской рубке тесно. Пахнет сыростью и мазутом. В углу, в люке машинного отделения, посвистывает механик. Возится там и гремит в полутиме. Время от времени он поднимается из люка — взъерошенный и чумазый. Спрашивает осторожно:

— Ковыляем?

— Ковыляем, — соглашается капитан.

— Может, подавить оборотов?

— Нельзя, — строго говорит капитан. — Сам знаешь, какой здесь фарватер: наносы, плавник, отмели... Чистая гибель. Вот погоди, выберемся на быструнин...

Сухощавый и беловолосый, он стоит, положив на штурвал большие спокойные свои руки. Фуражка сбита на затылок. К губе прилип окурок. В светлых глазах отражается зеленоватая рябь воды.

— Н-да... Отмели, — протяжно говорит механик. — Да. Друг, тебе не Волга..

И оба затихают на мгновение — вспоминают свое, далекое: волжские омыты и затоны, голоса пароходов в ночи, пыльные предместья Горького. Оба они — капитан Владимир Малков и механик Борис Анушанов — коренные волжане. Там они выросли и окончили курсы судоводителей и потом ходили вместе по шумной и веселой реке. И однажды — уехали. На север. В глушь. В неуютный край! Бросили обжитые места, отреклись от покоя.

«Да, конечно, Конда не Волга, — неторопливо думает Малков. — Там что! Там, на юге, не работа, а забава одна... Сибирь — страна серьеznая! Реки здесь, ой-ой, мутны, переменчивы, коварны...»

Осторожно пробирается вверх по течению самоходка. С Кондой шутки плохи. Она лежит в туманных, илистых берегах. Здесь за каждым поворотом таится опасность — заторы, внезапные и странные разливы — «туманы», как называют их в здешних краях.

Это последний рейс. Не сегодня-завтра река встанет, замрет до весны. «Кайра» уйдет в затон. Но и зимой — в мороз и темень — пролягут сквозь тайгу нелегкие маршруты сейсмографов. Они всегда впереди. Они авангард нефтетразведки!

Вслед за ними движутся бурильные партии: это уже многолюдные, надолго оседающие хозяйства. С каждым днем все больше становится в тайге таких поселений. Повсюду — на речных побережьях, в болотах и тенистых падях — грохочут буровые вышки. Они растут над глухоманью. Меняют географию эпохи.

7

Старший бурильщик Анатолий Жилин сидел, расставив ноги в широченных резиновых ботфортах, грузной своей спиной привался к дощатой стенке балки.

Балок — походный четырехместный дом на попозьях — был прокурен и набит битком. Здесь отдохнет, готовясь к смене, комсомольская вахта Жилина.

В углу, у печки, громыхал чайником Толя Бусыгин — темноволосый, с блестящим юношеским румянцем; наливал ужин... Рядом с ним примостился Ахмет

Алиев — поджарый и бронзовый, в распахнутом ватнике.

— Вот ты, Ахмет, скажи, — повернулся к нему Жилин, — ты ведь сам из Баку...

— Э, какой разговор! — Ахмет пожал плечом. Горячие глаза его сузились в улыбке. — Тюменская нефть — мировая нефть!

— Это уж верно, — отозвался сверху Александр Гилев. — Уж это так! — Он лежал на нарах, читал книгу. Были видны потрепанный переплет, широкие, в синих прожилках руки, желтоватая спутанная прядь на лбу. Он потянулся — сильно, до хруста, сказал, свесив голову:

— Я в земле шестнадцатый год ковыряюсь. Ничего подобного не встречал! Ведь это черт знает что такое: не нефть, так газ, не газ, так минеральный источник! Вот я тут в книжке вычитал: землю, мол, понастоящему любят и понимают только крестьянин. Не знаю, не знаю... Горяч, он тоже землю любит. И понимает — будь здоров! Только по-своему. Я вот по здешней тайге хожу, по мху по этому, по кочкам, и чувствую: по золоту хожу!

— Золото. Да-да... — негромко сказал бригадир. — Помню, мы с папаней как-то заспорили...

Крепкое, скуластое, прокаленное ветрами лицо Жилина вдруг помягчело странно; где-то в глубине его глаз — маленьких и острых — затеплился тихий свет.

— Мы родом с Алдана. Папаша у меня крутой. Всю жизнь старатель работал, золотишко мыл. Ну ладно. Гриезжаю, значит, в отпуск после училища. Конечно, налили по стопке, разговорились... «Какая, — спрашивает, — теперь твоя специальность?» — «Бурильщик, — объясняю, — изыскатель...» — «Что же ты, — говорит, — ищешь?» — «Нефть», — отвечаю. «Ах ты, — говорит, — такой эдакий! От рук отился, пустяками занялся, старательское наше исконное дело променял. Искал бы, — говорит, — металл какой или, на худой конец, камень. А тут — нефть...» Ну, я, конечно, рассказал, зачем она, и что из нее добывают, и какая непомерная нынче цена этому «черному золоту». На том и порешили. «Значит, золото?» — спрашивает старик. «Золото», — отвечаю. «А не врешь?» — «Нет», — говорю. «Ну, коли золото — ладно!»

Внезапно Жилин поднялся, посмотрел на часы, сказал разминаясь:

— Пора!

Я смотрел на ребят, на лица и руки их и вспоминал все свои старые поездки и давние встречи. Где бы я ни был — на новостройках, в изыскательских партиях, — всюду замечал я высокую рабочую преданность своему ремеслу и зрелое понимание его. Нет, эти ребята не просто выполняют заданный урок: они преобразуют землю... И сейчас, уходя на вахту, в ночь, они думают о «черном золоте». Они знают цену нефти. Они знают — это не только горючее. Это еще и химия. Богатейшее химическое сырье, так необходимое стране сегодня. Они думают о завтрашнем дне.

Нефть называют иногда «кровью земли». Что ж, это верно. Она питает все огромное и сложенное хозяйство страны. Она, эта вязкая кровь, нужна химии — десяткам самых различных ее отраслей. И это особенно важно, потому что химия — промышленность большого будущего!

Тьма клубится над тайгой. Беловатый туман накатывается с реки. Ночь... Но буровая не затихает ни на минуту. Рокочет и содрогается дизель. Позвякивает «инструмент» — наращивается, уходит в почву, вгрызается в глубинные пласти.

8

— Весь север нашей области — единый гигантский нефтяной резервуар... Во всяком случае, я в это верю.

Начальник Шамской экспедиции Иван Федорович Морозов стоит над разостланной картой — крупный, лобастый, в просторном пиджаке.

— Поиск продолжается! — говорит он, нацеливаясь на карту карандашом.

Морозов взмахивает рукой. Я слежу за карандашом: он отточен. Тончайшее его острие проводит на карте штришок — крохотный, не более миллиметра.

Где-то здесь, в синей сетке речушек и зыбких пятнах болот, пробирается партия сейсморазведчиков: исследует новый профиль. Всего лишь один крохотный штришок! Но это в условных масштабах карты. А на деле каждый такой прочерк оборачивается ветрами и бездорожьем, превращается в нелегкий, исполненный предельного напряжения маршрут.

...Тракторист Муслим Саламов спешил: он вел колонну. Зимний световой день недолг в здешних широтах. Тракторист спешил закончить работу до темноты. Он выруливал на край болота — к осиновой рощице. Оглушенный грохотом мотора, он не сразу услышал беду.

Он почуял только, что задняя часть машины вдруг просела, и потом уловил характерное потрескивание льда и тогда все сразу понял — ощущил щемящий холодок тревоги... Мгновенно переключил мотор. Но было уже поздно.

Кренясь и воя, машина уходила в полынью... Тракторист выскошел в какую-то долю секунды до того, как вдавилась в лед кабина.

Четороливо и властно делала свое дело трясина. Она не спешила. Казалось, она забавляется бессилием людей. У нее было по меньшей мере два союзника: лед — непрочный и скользкий — и свирепая стужа.

Неизвестно, кто первым подошел к полынье, молча сбросил и расстелил свой ватник. Может быть, это был Семен Хохлов, или Иван Зеленский, или молодые, недавно прибывшие сейсмографы — Наташа и Коля... Их было много, и все они разом поспешили сюда и несколько часов трудились отчаянно и упрямо.

По пояс окунаясь в ледяную, гиблую жижу, они старались подвести под трактор металлический трос. Сменившихся тут же вели к костру — растирали, переодевали в сухое.

Нет, стужа, союзница болота, не смогла погасить азарт и ярость людей.

Она давно таилась в кустарниках и распадках — на-капливалась там, медленно густела и, окрепнув, обрушилась на людей. Она легла непроницаемо и тяжело. Но люди уже сделали свое. Трос был подведен. Взвели моторы. Четыре уцелевшие машины соединились и рванули одновременно.

Сгрудившись и почти не дыша, люди слушали темноту. Они были слепы. Только тени и шорохи двигались в ночи — одни только звуки: трудное дыхание моторов, скрежет буксующих гусениц, перезвон лопающихся льдин.

— Трос! Гляди, Коля, трос!

Это крикнула Наташа. Она захлебывалась, и голос ее звучал высоко и ломко.

— Глядите!

И тогда все увидели: между полыней и угловатыми глыбами тракторов обозначилась тоненькая багровая полоска. Она пронизывала мглу, слабо дрожала, и все светлей и пронзительней становился ее цвет. Потом она побелела. Стремительно напряглась. И вдруг погасла.

Послышался низкий вибрирующий гул, словно лопнула басовая струна.

Несколько раз, накаляясь, рвался металлический трос: не выдерживал чудовищного напряжения. Люди решили: надо осветить местность кострами, расширить полынью взрывами.

Снова раздевались и лезли в воду разведчики. И потом второпях отогревались у костров. И опять шли на подмогу товарищам. А утром по радио было доложено Морозову:

«Ночью случилось небольшое ЧП. Провалился в болото трактор... Ничего! Вытащили! Профиль на заданном участке пройден. Идем дальше».

И опять острие карандаша проводит на карте штришок. Крохотный штришок — новый участок поиска, новые пути тюменских комсомольцев, пути героев сибирской нефти!

* * *

И вот опять я в кондинском таежном аэропорту! Тут все та же деловая дорожная суэта — встречи и прощания... И мне пора прощаться. И пока на взлете поле самолет прогревает моторы, я подхожу к фасаду — к знакомой, испещренной многими надписями стене.

К ней уже прикоснулось время: новые даты и имена пестрят над тесовым крьлечком.

И неожиданно для себя я торопливо расписываюсь. И ставлю дату. Конечно, через день-другой подпись моя исчезнет, ее заменят новые имена. И все же я твердо знаю: теперь я тоже причастен к таежной нефти, приобщен к этим делам, заботам и судьбам.

Я все равно сюда вернусь. Теперь мне никуда не деться от тюменской земли. Когда-нибудь она приснится мне и позовет в дорогу, и я увижу снова эти пустынные пейзажи, эту нефть и этих людей. Непременно увижу!

...Стремительно и косо полетел горизонт за окном кабины — качнулся и ухнул вниз.

Там, внизу, словно карта на столе у Морозова, развернулась кондинская тайга — дымная, в частой сеточке рек и зыбких пятнах болот. Где-то там в этот час бредут изыскатели.

Заставляют и вязнут в трясине и все равно упорно идут сквозь снег — молодые, влюбленные в эту сугорьеву землю...

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

ДОРОГА НАМ ЗНАКОМА

На выбоинах дороги «Москвич» подскакивал, и коробки с кинолентой «Гусарской баллады» норовили столкнуть меня с сиденья. Мы ехали к строителям Чемоутау.

Незадолго до нашей поездки в американском реакционном журнале «Ньюсук» появилась статья, автор которой пытался опровергнуть помощь Советского Союза «слаборазвитым странам». А в качестве доказательства приведен был «пример»:

«В 1962 году Москва согласилась помочь Бирме в финансировании ирригационной плотины. Но прошел уже год после соглашения, а плотина в Чемоутау так и осталась на бумаге...»

В этот же день из Чемоутау в Рангун приехал главный инженер строительства Зиновий Эммануилович Литинский. Приехал получать оборудование из Одессы.

Литинский прочел статью и сказал:

— Надо бы кому-нибудь из журналистов съездить к нам. Для наших строителей эта статья в «Ньюсуке» — чепуха, для бирманцев, которые с нами работают, — чепуха, а вот для тех, кто первый раз в жизни слышит о Чемоутау, — может, и не чепуха. А потом ответите американцам в печати.

Выехали мы часов в шесть. Было еще совсем темно, и корни вывороченных недавним тайфуном деревьев грозили в предутреннем тумане черными корявыми пальцами. Каждый из нас уже не раз был в Чемоутау и хорошо представлял дорогу туда.

Советские и бирманские специалисты не первый раз работают вместе. Наши ирригаторы вместе с бирманцами строили плотину в Теко, в том же засушливом поясе Бирмы, где находится и Чемоутау.

Технологический институт на окраине Рангуна построен также с советской помощью и по советским чертежкам. Его белые здания тянулись в утренних сумерках слева от дороги. Окна общежитий светились.

Перед самой поездкой мне позвонили из технологического института: на днях состоится ежегодная конференция бирманского научного общества. Будут выступать Сергей Кругликов, который приехал из СССР сюда, в технологический институт, преподавать бирманским студентам, и У Хла Минт — он окончил в Москве институт и защитил диссертацию.

Белые здания технологического института тянутся вдоль дороги.

Строительная площадка опустела. взрывники начинают свою работу.

Я хорошо помнил те дни, когда только началось строительство института.

...Дорога к Инсейну, пригороду Рангана. Вдоль шоссе тянулся на несколько сот метров пустырь. Низкими холмами он уходил от дороги к кирпичным заводам и карьерам, наполненным рыжей водой. На окраинах пустыря ютилось несколько хижин, но чувствовали они себя на этой захламленной и покореженной земле сиротливо, не осмеливались переступить край пустыря. По другую сторону шоссе шли опытные участки сельскохозяйственной фермы, а за ними — плоская равнина, пределы которой всегда пропадали в дымке. Над равниной плыли пароходы и парусники — река Рангун течет здесь почти вровень с берегами.

Потом на пустыре появилась хижина из тростниковых матов. Здесь был штаб начинающейся стройки. На единственном большом столе лежали планы, в углу растопырили треножки теодолиты, черно-красные рейки подпирали плетеный потолок.

Каждое утро через будущую строительную площадку проходили буйволы — купаться в карьерах. За ними шел худой пастух. Он пел песни и порой отставал намного от своего стада — буйволы без него отлично знали дорогу; они не спеша обходили оставшиеся от

У Хла Мьянта — преподаватель технологического института.

студента, как добраться до физико-химической лаборатории.

У Хла Мьянта, невысокий, улыбчивый, оказался в лаборатории.

— Я позвоню Кругликову, — сказал он, поднимая трубку. — Сергей, приехал товарищ, хочет поговорить о сегодняшней конференции. Ждем.

— Вы хорошо говорите по-русски.

— Кандидатскую защищал на русском языке. В Менделеевском.

— О чем была ваша диссертация?

— Тема довольно узкая — промышленные фильтры. Но это очень важный вопрос для Бирмы; мы развиваем промышленность, а фильтры у нас старые, нерентабельные. Мне еще в Москве удалось кое-что сделать...

У Хла Мьянта достал из ящика стола несколько листов чертежей.

— У Хла Мьянта, дорогой, ты, по-моему, собираешься провести генеральную репетицию доклада, — сказал высокий мужчина, который незаметно появился в дверях.

— А вы что мне расскажете? — обратился я к Кругликову.

— Нас тут несколько человек, из разных институтов, из разных городов. Учим студентов и одновременно передаем свой опыт бирманским преподавателям. Ну и продолжаем научную работу. Вот возьмем коррозию металлов, ржавчину. Повсюду она страшный враг машин, металлических конструкций. А в условиях Бирмы эта проблема актуальна вдвое: при здешней температуре и влажности металлы часто живут вдвое-втрое меньше, чем в умеренном поясе. Моя «узкая» специальность — борьба с коррозией с помощью гальванопокрытий. Дома, в Союзе, мы добились неплохих результатов, а вот в Бирме гальванопокрытия практически неизвестны.

Кругликов достал из ящика картонку с наклеенными на нее металлическими пластинками. Некоторые из них проржавели до черноты, другие пошли рыжими пятнами, а две пластинки сверкали, как маленькие зеркальца.

— Видите, наш метод, — он показал на «зеркальца». — Держится. Об этом я и буду сегодня читать доклад. Наш метод мы не держим в секрете.

...Вечером я приехал в институт на конференцию. В первых рядах аудитории сидел солидный народ — деканы факультетов, профессора, преподаватели. Дальше — ни одного свободного места: скучастые, крепкие ребята, хрупкие — вот-вот переломятся — девушки с белыми цветами в волосах, с аккуратными тетрадками на коленях.

Кругликов вышел к доске — ну и жарко же ему в костюме и галстуке! — взял палочку мела.

В аудитории тишина. Доклад читает советский ученик

...А наш «Москвич» приближается к цели.

Идет «урок»! Бирманцы — ученики взрывника Тихова скоро будут сдавать экзамены.

войны окопы и переступали через иссиня-черных злых скорпионов.

Пока не прибыло оборудование из Советского Союза, на площадке хозяйствали один бульдозер и один экскаватор. Экскаватор срезал холм в углу площадки, а бульдозер растаскивал землю по соседней ложбине. У геодезистов с каждым днем прибавлялись работы. Они вырывались в хижину промокшие до костей — никакие зонтики не спасут от бирманского летнего муссонного ливня — и простуженными голосами спорили с прорабами.

...И вот этот звонок. Институт уже два года работает, его здания обрели жилой вид, он стал неотъемлемой частью города. Обширные газоны между главным корпусом и общежитиями покрыты ровной травой. Разрослись деревья, посаженные бирманскими садовниками и советскими строителями.

У доски с расписаниями занятий, с объявлением о кинофильмах, со списком едущих на открытие нового моста через Ситтант я спросил первого же встречного

К концу второго дня пути дорога сворачивает вправо, к одинокому конусу горы Поупа. Там, у холма Чемоутау, что значит «петушинный гребень», и строится ирригационная система.

Объем водохранилища Чемоутау составит около ста миллионов кубометров. Десятки тысяч гектаров сухой земли, поросшей кактусами, кольючками и редкими рощами пальм-тодди, получат воду, воду, которой здесь не было испокон века.

Пропала река. Растворяли холмы противоположного берега. Впереди вырастает синей громадой гора Поупа — одинокий вулкан, потухший еще в третичном периоде. На склонах его устроились монастыри, и у пагод обезьяны по утрам собирают оставленные паломниками бананы. Больше тысячи лет живут бирманцы в этих местах, и гора эта стала местом паломничества.

А вот вокруг горы — бедность и запустение. Нет, не пустыня — здесь и до сих пор живут люди. Но с каждым годом истощается пересушенная земля, редеют рощи пальм — единственное топливо, — и только упрямые кактусы чувствуют себя уверенно. Уходят на зарытые крестьяне, пустеют деревни.

Остановить и собрать воду речек, стекающих в период муссонов с Поупы, было не под силу бирманским крестьянам. Без современной техники такой бурный поток не задержишь. И только теперь в независимой Бирме стало возможным начать строительство, добывать воду для этой равнины.

Договор, по которому СССР выделяет кредиты на строительство плотины, направляет в Бирму специалистов и присыпает оборудование, был заключен в 1962 году. В этом журнал «Ньюсик» не ошибся. Тогда же начались и первые работы, но об этом журнале умолчал. Приехали советские специалисты. И об этом журнал — ни слова. Прибыли машины. Вот мы обогнали желтый трейлер — наверно, идет на стройку.

Валерка пересел на мое место, и теперь коробки с плёнкой толкают его ноги. Едем уже два дня, и очень хочется встать, наконец, на твердую землю. Ольге немного лучше, чем нам, — она сидит впереди, и у нее под ногами только мягкие сумки.

Ольга и Валерка — студенты Рангунского университета. Они учат бирманский язык. Уже несколько лет, как проводится обмен студентами между Советским Союзом и Бирмой. Незадолго перед нашей поездкой в Москву отправились сразу тридцать пять человек — будущие инженеры, врачи, экономисты и даже один композитор.

Останавливаемся в последний раз перед стройкой. И застаем надолго. Валерий заговорил по-бирмански. Вместо того чтобы спрашивать дорогу, мы сами отвечаем на вопросы — о том, как живут крестьяне в России, о том, умеет ли Ольга писать по-бирмански. Кто-нибудь обязательно спросит, умеем ли мы писать стихи. Бирманцы любят стихи, и кто только их не пишет! В госпитале в Таунджи, в котором работают наши врачи, один пациент крестьянин написал в знак благодарности врачу длинную поэму.

Наконец после долгого прощания с новыми знакомыми записываем и раздаем адреса и трогаемся к верному ориентиру — к Поупе.

Поупа осталась слева. Теперь уже близко.

В тупике узкоколейной дороги стоят платформы, с них разгружают станки.

И тут же ворота, за оградой — на большой поляне в два ряда одинаковые дома.

Между ними — волейбольная площадка. Трава жухлая — два месяца не было дождей. Их не будет еще четыре месяца. Небо бледнеет к вечеру, и гора, наивышшая над строительством, становится плотнее и тяжелее.

Хлопают обтянутые противомоскитной сеткой двери. Наши вернулись с работы. Здесь любят гостей, ведь для строителей Рангун — Большая земля, там и наше посольство и специалисты, туда приходит почта и корабли из Союза. А уж Москва — это очень Большая земля. И очень далекая.

— Письма привезли?

— Как доехали?

— Газеты свежие есть?

— Вы проходите в любой дом.

— И кино привезли? Это совсем здорово!

— «Капитан» идет.

Ага, вот и сам Литинский, главный инженер, «капитан» корабля, плывущего по самому центру Бирмы.

— Молодцы, что приехали. Рассказывайте, как добрались, что нового. Не слышали в Рангуне, скоро ли «Пожарский» придет? Обещали на нем пики к перфортаторам выслать.

Длинный стол, общий. Во главе — место для «капитана». Рядом с ним усаживают нас — гостей. Да, тут нельзя разбриться на горстки, отделиться одиночке. Строители словно в дальнем плавании. Их корабль стоит в дружественных водах, и бирманцы смотрят, какие из себя люди социализма — дружны ли они, справедливы. И не только на работе.

— Думаете, не подшучиваем над «капитаном» за строгость порядков на борту? Но никто из игры не выходит.

И все учатся: Литинский и инженеры учат английский, гидротехник Матевосян одолевает бирманский. Взрывник Тихов организовал школу бирманских взрывников и собирается скоро принимать экзамены. Бирманские инженеры учат русский — преподаватели тут же.

Утром, после общего, «корабельного», завтрака строители расходятся: проектировщики — по конторам, механики — к машинам, остальные — на плотину.

Литинский каждое утро обходит свое хозяйство. Идем с ним. Восемь часов, еще не поднялась пыль. Гора голубеет в дымке.

За домами строителей начинается широкое полотно плотины. Его укатывают грейдеры и катки. Полотно протянулось почти на километр и упирается в холм с маленькой пагодой на вершине. Откосы плотины уже облицованы, и каменщики, суетящиеся внизу, кажутся очень маленькими с сорокаметровой высоты.

— Это первый участок плотины, — говорит Литинский. — Всего их будет три. Самый маленький — на котором мы стоим — скоро будет готов. А там будет головное сооружение канала.

На холме, рядом с пагодой, — тростниковая хижина. В ней — макет всего ирригационного комплекса. Центр его занимает неровное зеркало — водохранилище. От него мимо деревень разбегаются ниточки каналов. Вода подойдет к самой горе.

— У нас работают крестьяне из окрестных деревень, — говорит Литинский. — Деревни по очереди присыпают людей. Для крестьяни это большой приработок. Да и потом они очень заинтересованы в том, чтобы плотина была готова как можно скорей. Ждут воду. Вообще-то окончание работ запланировано на шестьдесят шестой год. Но хотим кончить в шестьдесят пятом. Не очень легко будет, но постараемся.

За холмом — низина, громадное ложе водоизрыва, пересохшая речка, и далеко-далеко зеленый, кругой холм повыше других, увенчанный пагодой, — Чемоутау.

Сверху, с террасы перед пагодой, видишь, как широко раскинулась строительная площадка. До горизонта — плата. Там, где будет водохранилище, экскаваторы пробивают перемычки. Справа, за зеленою долиной с цветными зонтами геодезистов, где пройдет главный канал, — карьеры. «МАЗы» везут оттуда грунт для засыпки «зуба» плотины. А над всем нависает любопытствующая громада горы: такого она еще не видела.

Снова «Москвич» заполняется коробками, сумками и аппаратами.

Мы заезжаем попрощаться к Матевосяну и проектировщикам, к Литинскому — с У Кин Маун Хла, бирманским главным инженером, они оживленно распределяют еще не пришедшие самосвалы и экскаваторы; заглянули к механикам...

И вот Поупа скрывается за иссушенными складками холмов. Сухо. Очень сухо, а дождь будет нескоро. Здесь очень нужно водохранилище. И оно скоро будет.

БОЛЬШОЙ СУХОЙ СЕЗОН

(Окончание. Начало на стр. 36)

ные фляжки. Коровы шли медленно, словно с водопоя. Зрители аплодировали и напевали песенку, в которой прославлялись достоинства коров.

...Вот и Усумбура, конец моего путешествия по «кофейному Клондайку», как называли колонизаторы Руанду и Бурунди.

Рыбацкая деревенька в прошлом, Усумбура ныне самый настоящий город с 50 тысячами жителей. Вдоль асфальтированных мостовых тянутся пальмовые аллеи и ряды лохматых африканских сосен, необычайно длинные иголки которых присвистывают при малейшем движении воздуха. Когда 1 июля 1962 года Руанда и Бурунди были освобождены от

удушливой бельгийской опеки и стали независимыми государствами, Усумбура была объявлена столицей Королевства Бурунди, а столицей Республики Руанда суждено было стать городу Кигали с населением в 3 тысячи человек.

Я бывал здесь и раньше, видел Усумбуру — оплот кофейных монополий в Восточной Африке. Теперь я жадно вглядывался в лицо знакомого города, который только что вдохнул свежий воздух свободы, и искал в нем новые черты.

Прежде всего бросается в глаза то, что на правительенных постах, на ответственных должностях очень много молодежи. В Усумбуре я несколько раз беседовал с Мишелем

Мирекуно. Ему всего восемнадцать лет, но он возглавляет департамент одного министерства. Он активный член УПРОНА — партии единства и национального прогресса. Вот что он говорил мне:

«Независимость развязала нам руки. Теперь нам нужно как можно больше работать. Но колониальный режим не готовил нас к этому. Я, к примеру, окончил католическую школу, знаю наизусть все молитвы,правляю католические праздники. А стране не хватает врачей, учителей, агрономов, инженеров. Теперь многие юноши мечтают получить образование в Советском Союзе. Мы высоко уважаем вашу страну. Москва всегда поддерживала нашу борьбу за суверенитет. Бурунди хочет дружить с вашей страной — нам это необходимо».

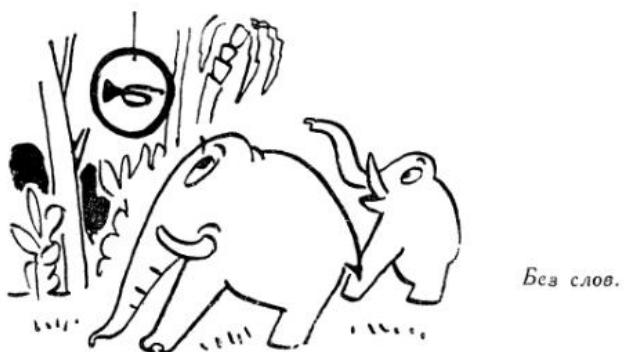
Я вспомнил слова старого пастуха о нежной молодой травке, пробивающейся сквозь каменистую почву, когда на смену «сухому сезону» приходит благодатный дождь.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА и ГЕЛИЯ КОВАНОВА

Ю М О Р

— Какое счастье, что нам подвернулось это бревно!

Без слов.

ЛЕСТРЫЙ МИР

СЕЙСМИЧЕСКОЕ УБЕЖИЩЕ

Во время второй мировой войны император Японии Хирохито начал строить подземное убежище для своей семьи. Около трех миллионов женщин и детей рыли императорское подземелье. Система искусственных пещер и подземных коридоров уходит на десять километров в глубь горы.

Окончилась война, и подземелья были заброшены. Но вот недавно туда спустились учёные-сейсмологи: императорское подземелье, расположенное в 160 километрах от Токио, в уединенной местности, оказалось идеальным помещением для сейсмической станции. Толстые стены, глухие казематы и глубина подземелья обеспечивают полную гарантию от наземных помех.

ПАЛЬМЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

От Сад Аль-Аали до Северного Судана на сотни километров вверх по Нилу протянулся через несколько лет водохранилище Асуанской плотины. С октября 1962 года из этого района на новые места уже переселены 150 тысяч жителей во вновь построенные деревни. Вместе с крестьянами-новоселами переехали тысячи финиковых пальм. Их выгоднее пересадить, чем вырастить новые, так как плодоносить финиковую пальму начинает через несколько лет. Плоды пальмы — любимая и традиционная еда местных жителей. Поэтому понятна забота, с какой «новоселок» водружают на новые места.

СКАЛКОМЕТАЛЬНИЦЫ

В Австралии существует забавный вид спорта — метание скалки для теста. Увлекаются им исключительно женщины. В недавно проведенных соревнованиях приняли участие также представительницы Англии и США. Однако «дома и стены помогают» — первые места завоевали австралийки. Говорят, у некоторых мужей новый вид спорта особого энтузиазма не вызывает, тем более что рекорд в метании скалки достиг 37,5 метра.

ПОЛТОРА ВЕКА С ПЕСНЯМИ

Свати Тирунал, бывший махараджа Траванкура, недавно отпраздновал свой 150-й день рождения. Интересно, что еще в прошлом столетии махараджа считался старейшим из поэтов-песенников, его музыкальные сочинения стали традиционными в репертуаре национальной музыки народов Южной Индии. В день чествования народного поэта-песенника Всесиндийское радио транслировало его поэтические сочинения на различных языках Индии: санскрите, малайяли, телугу, каннада, хинди, тамильском.

«ТАНЕЦ ЗМЕИ КАА»

«Она три раза описала огромный круг, мотая головой вправо и влево. Затем она стала выпиывать своим телом петли и восьмерки, мягкие, волнистые треугольники, расплывавшиеся в квадраты и пятиугольники, или же она свивалась в кольчактый вал, не останавливаясь, не торопясь; и ни на минуту не смолкал ее глухой, однообразный, жужжащий напев.

Тьма надвигалась, пока, наконец, подвижные, гибкие кольца не задернулись мраком, и слышен был только шелест чешуек...

...Ряды обезьян беспомощно качнулись вперед...
— Ближе! — шипел Каа, и они придвигнулись ближе.

Все были зачарованы Пляской Голода. Один Маугли избежал власти ее чар!

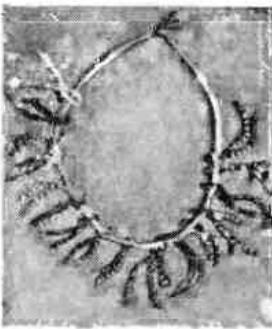
Долгое время натуралисты считали описание Киплингом танца змеи Каа авторской фантазией — не более. Однако многие охотники за змеями утверждали, что им приходилось часто наблюдать «танцы змей» в джунглях.

По их словам, жертва, загипнотизированная бесконечными ритмичными из такого танца, позволяет змее приблизиться, а когда, очнувшись от гипноза, видит змею перед собой, умирает... от разрыва сердца. Переход к страшной реальности для жертвы кончается смертью. Причем замечено, что чем сложнее первная система у животного, тем сильнее действует на него гипноз змей.

Как объяснить ритмы змениного танца? Как действует он на человека?

Ученые пытаются сейчас выяснить природу этих явлений.

Журнал «Съанс э прогрэс» сообщает, что сейчас изучением этих вопросов занимаются французские герпетологи. Они относят «змениный танец» к особому виду животного гипноза.

ПРОЧТИ, ЕСЛИ... ЛЮБИШЬ

„Каждый раз, когда я вижу тебя, в моем сердце загораются маленькие сверкающие огоньки, подобные вспышкам молний. Я сгораю от любви к тебе!“

Таково содержание письма, хранящегося в почтовом музее Стокгольма. Это необычное письмо — любовное по-

сление зулусской девушки. Красивое ожерелье из разноцветных стеклянных бусинок, зерен, листьев и стеблей растений — это и есть письмо. Расположенные строго в определенном порядке, «буквы» такого письма много рассказывают знающему тайный язык ожерелья, а для непосвященного — это просто украшение.

У жителей резервации Зулупленд (ЮАР) нет своей письменности, и ее заменяют «говорящие ожерелья». Особенно прославились пестрыми письмами в форме многоярусных бус зулусские девушки. Их язык понятен неграмотным влюбленным: белый цвет символизирует чистоту и верность; красный — что глаза девушки покраснели от слез, пролитых в тоске по любимому. Голубой цвет означает счастье, желтый — богатство, зеленый говорит о болезни, а черный — о печали и несчастье.

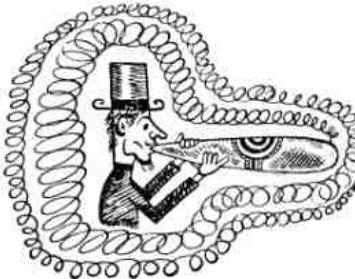

ТЕПЕРЬ МОЖНО УЛЫБАТЬСЯ

Ветерану зоопарка города Токио, двадцатилетнему ослику, грозила голодная смерть — к старости он потерял все зубы. Чтобы спасти «заслуженного ветерана», была проведена необычная операция — врачи вставили пациенту искусственную челюсть. Новые зубы пришли ослику по вкусу. Говорят, он стал чаще улыбаться...

ЧТОБЫ НЕ ЗАБЛУДИТЬСЯ

Одна из окраин города Бергена (Норвегия) застроена небольшими домиками на одну семью. Дома здесь похожи один на другой, как близнецы. Поэтому маленьким ребятишкам, живущим в этом районе, не так-то легко попасть из школы домой. Экстренное родительское собрание нашло выход: решено на каждой двери вывесить... фотографию матери, которая здесь живет.

СИГАРА НА ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ

В городе Бюнде (ФРГ) есть музей табака. Здесь собрано все, что относится к курению и его истории. Среди экспонатов этого музея хранится самая большая в мире сигара. Длина ее — 1,71 метра, толщина — 58 сантиметров! Подсчитано, что завязанному курильщику сигары-великана хватило бы больше чем на... восемь месяцев.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

ПУЛЬС СЛЫШЕН? КИТ СБЕДАЕТ...

Беззвучное морское царство... Вечная тишина...

Нет, в последнее время учёные, вооружившись новейшей техникой, обнаружили, что и этот «мир безмолвия» полон звуков. Только еще не всегда удается установить, кто их издает.

Вот, например, что это? В морском микрофоне-гидрофоне, погруженном в воды Атлантического океана с одного из гидрографических судов, исследователи услышали глухой пульсирующий стук. Двойные могучие удары, точно три раза в минуту. Источник таинственных звуков не оставался на месте. Он двигался под водой, и скорость его иногда достигала двенадцати километров в час!

Кто это, могучий, стучит в глубине, да еще так равномерно? И зачем онносится под водой с такой скоростью?..

Специалистам-акустикам пришлось немало потрудиться, расставить десятки гидрофонов, пока таинственный подводный молотобоец не был обнаружен.

Оказалось, что это... кит. В теле гигантского голубого кита содержится восемь тонн крови. Сердце его работает, как мотор мощностью в десять лошадиных сил! И весит оно полтонны. Биение сердца, пульс кита — это и улавливались гидрофоны.

Долгое время учёные не могли понять, отчего этот звук иногда вдруг исчезает, а затем вновь появляется. Выяснилось, что слышать китовый пульс можно только, когда исполин открывает рот, процеживая в глотку огромное количество мелких морских обитателей, планктона. В остальное время десятки тонн живого китового мяса глушат звук намертво. И поэтому, если пульс кита слышен, значит, он обедает.

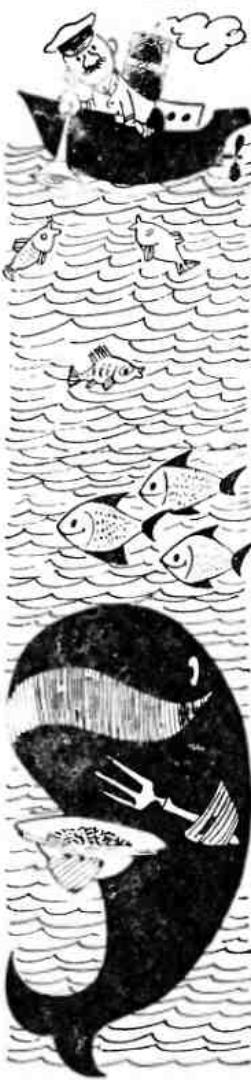

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Гаш корабль входил в лагуну маленького острова, осторожно лавируя между выступающими из воды скалами. Все свободные от вахты члены экипажа уже давно стояли на палубе, вооруженные биноклями, фотоаппаратами, кинокамерами.

Перед нами вырастала отвесная трехсотметровая стена, сложенная красными туфами. Стена почти сплошным кольцом окружала лагуну. Посреди лагуны торчал из голубой воды крошечный островок — нагромождение черного спекшегося шлака. Судно прошло рядом с островком и остановилось у туфовой стены. На верху, над нами, засверкали в лучах

А если

это ➤

Атлантида?

заходящего солнца белые постройки небольшого городка.

Отдана команда, загремели цепи, и якоря с тяжелым всплеском упали в воду.

Это было в июне 1963 года. Советское океанографическое судно «Академик С. Вавилов» вело работы в Средиземном море.

Мы прошли долгий путь от Одессы до Неаполя, пересекли дважды Ионическое море и вошли в Эгейское. Выполнены почти все намеченные работы. Наша последняя задача — подробно исследовать затопленный кратер вулканического острова Санторин. Именно с этой целью мы и стали на якорь в его лагуне.

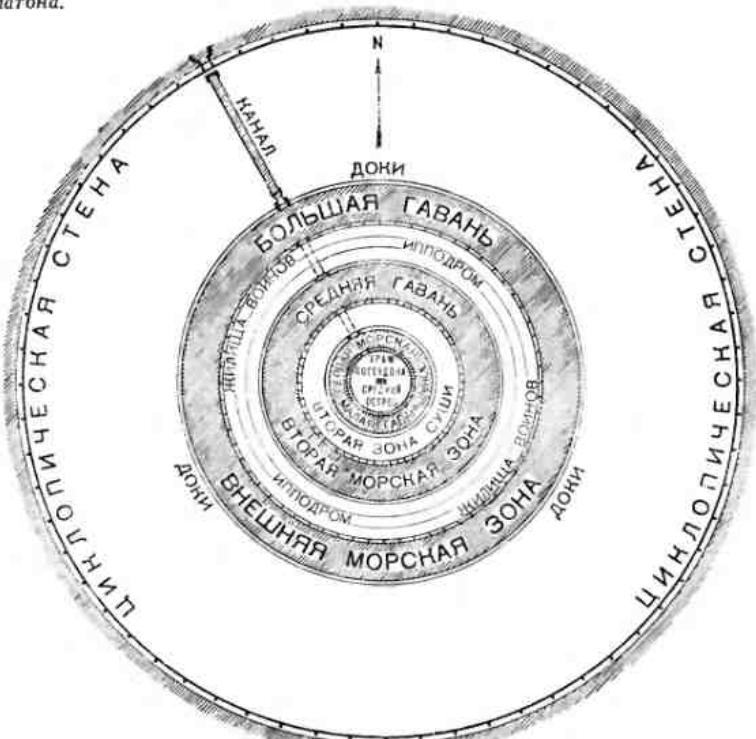
Островок принадлежит Греции и относится к архипелагу Киклады. В центре затопленного кратера возвышается действующий вулкан — та самая груда черных камней, которую мы увидели с корабля.

В первый же день мы посетили единственный на острове городок Тира. Добраться туда оказалось не так-то просто. Дорога, ведущая к городу, похожа на огромную винтовую

Современный Санторин, снятый с птичьего полета.

Так выглядел остров Атлантида по описанию Платона.

В. КУЗНЕЦОВ, Е. ПЛАХИН

лестницу без ступенек и перил. Более получаса почти на четвереньках карабкались мы вверх, с завистью глядя на местных жителей, проезжающих мимо на мулах.

Вот, наконец, и город. Одна из уличек вывела нас к большому красивому зданию. И тут с удивлением прочли мы вывеску: «Отель Атлантида».

Что это — обычный рекламный трюк?

Все выяснилось на следующий день, когда городские власти любезно пригласили нас посетить археологический музей.

В музей мы попали вечером. Войдя внутрь здания, прежде всего, к удивлению своему, обнаружили, что электрического освещения в нем нет.

— Видите ли, музей только организуется, — пояснил встретивший нас на пороге человек, зажигая шахтерскую лампу.

Мы познакомились. Это оказался

мир, кроме Афин; грандиозное наводнение навсегда скрыло Атлантиду под водой.

Египетские жрецы, как рассказывают Платон в своих диалогах, поведали афинскому правителю Солону, посетившему Египет, о происходившей в незапамятные времена войне его соотечественников с атлантами, жителями острова Атлантида. Остров этот располагался якобы за Геркулесовыми столбами. Он славился богатством и красотой. Атланты построили на нем великолепные города, мосты. В центре острова стоял дворец Атласа, сына бога Посейдона. Вокруг кольцами чередовались гавани и зоны суши. Гавани соединялись между собой и с открытым морем радиальным каналом.

За девять тысяч лет до нашей эры народ атлантов потерпел поражение в войне с более могущественными афинянами. Сам же остров исчез навсегда в пучинах океана.

Опираясь на описания Платона, исследователи пытались выяснить точное местонахождение страны и причины ее гибели. Большинство искало Атлантиду в Атлантическом океане. Предположения археологов как будто подтверждалось геологическими данными, которые указывали на то, что в северной части Атлантического океана существовал когда-то крупный континент, позднее оказавшийся на дне моря. Правда, большинство геологов считает, что произошло это еще в третичном периоде, до появления человека, но некоторые

из них допускают вероятность геологической катастрофы здесь в более позднее — четвертичное время, уже на памяти древних народов. Словом, наиболее вероятной версией считалась та, которая утверждала, что Атлантида лежала за Гибралтарским проливом.

Поэтому новая версия о местонахождении Атлантиды, выдвинутая А. Г. Галанопулосом, кажется неожиданной. В чем же она состоит?

Не так давно при исследовании вулканического островка Санторина выяснилось, что около 3 400 лет назад, то есть примерно за полтора тысячелетия до нашей эры, здесь произошла крупнейшая катастрофа. При извержении вулкана поверхность острова оказалась под слоем лавы в два десятка метров толщиной. Внутри вулкана образовалась пустота, и лишенная поддержки кровля рухнула. Центральная часть острова, занимавшая площадь в несколько десятков километров, превратилась в гигантскую кальдеру — ту самую лагуну, в которой бросил якорь наш корабль.

Санторинская катастрофа была в четыре раза большей, чем, скажем, взрыв известного вулкана Кракатау

в Зондском проливе (27 августа 1883 года), надолго оставшийся в памяти человечества. Гигантские волны — цунами, образовавшиеся при извержении Кракатау, несколько раз обошли вокруг всего земного шара. Трудно даже представить себе, какой размер имели волны, возникшие при санторинской катастрофе, и какие разрушения принесли они среди земноморским побережьям. Известно, например, что все города, порты и поселки на северном и восточном берегах острова Крита, расположенного к югу от Санторина, были сметены огромными волнами примерно за 1 500 лет до нашей эры.

Извержение вулкана, обвал центральной части острова и цунами — все эти факты, установленные научным путем, оказываются тесно связанными с преданиями об Атлантиде.

Находят греческие учёные подтверждение своей версии и у Платона. Доктор Триккалиос доказал, что формы и размеры Атлантиды, как они описаны древним философом, в точности совпадают с очертаниями и размерами Санторина. Следы существовавших в ту пору каналов и гаваней даже сейчас ясно различимы на дне кальдеры. Что же касается заморских владений атлантов, о которых пишет Платон, то похоже, что речь идет о Крите. Близость Атлантиды к Греции подкрепляется и тем фактом, что атланты почитали Посейдона — бога, неизвестного за пределами Греции и ее колоний.

Наконец опускание суши в течение «одного дня и одной ночи» (как описывает катастрофу Платон) могло произойти в небольшом масштабе лишь при оползне или извержении.

Теперь о «разноточиях» с Платоном.

«Завышение» им размеров затопленной морем суши вполне естественно, катастрофа и без того была немалой. Весьма вероятно также, что мощь страны атлантов возвеличивалась, чтобы подчеркнуть значение победы, одержанной над ними войсками древних Афин.

Сложнее обстоит вопрос с расхождением во времени.

У Платона сказано, что предание было записано египетскими жрецами через 1 000 лет после гибели Атлантиды, а еще через 8 тысяч лет — во времена Солона — его узнали в древней Греции.

Но в Атлантиде была распространена бронза. А по современным данным археологии, бронзовый век относится к временам 2 100—1 200 до н. э. Вполне вероятно, что здесь просто «описка» на один порядок в числах при переводе с египетского на греческий язык. Если все приводимые Платоном цифры уменьшить в десять раз, то хронология приходит в полное взаимное соответствие: ведь по геологическим данным, санторинская катастрофа была примерно за 900 лет до правления Солона, то есть до VI века до н. э.

НОВАЯ ВЕРСИЯ О СТРАНЕ АТЛАНТОВ ОСТРОВ, ПЕРЕЖИВШИЙ КАТАСТРОФУ

«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ»

известный греческий ученый А. Г. Галанопулос.

С увлечением рассказывал он нам о древней элинской культуре. В конце визита, как бы в награду за наш неподдельный интерес к музею, ученый показал нам редкие экспонаты, хранящиеся в подвалах музея, — прекрасно сохранившиеся керамические амфоры, сделанные руками людей, несколько тысячелетий назад населявших этот остров.

Мы попросили ученого рассказать поподробнее об истории Санторина. То, что мы услыхали, удивило нас. Оказалось, что с этим маленьким островком, затерянным в просторах Эгейского моря, связана тысячелетняя загадка — миф об исчезнувшей Атлантиде, богатой и могучей стране атлантов.

* * *

Открыв энциклопедический справочник, мы обнаружим там следующие сведения:

«Атлантида — легендарный остров в Атлантическом океане, о котором Платон говорит в диалогах «Тимей» и «Критий». Согласно сказанию Атлантида была могущественным государством, завоевавшим почти весь

И, наконец, последний и весьма существенный вопрос: почему Платон поместил Атлантиду в Атлантическом океане? По мнению греческих археологов, тут возможны два объяснения. Во-первых, местоположение страны могло быть сознательно вынесено в неизвестные в то время районы земного шара для придания всей истории большей таинственности и увлекательности. Во-вторых, здесь опять же могла произойти некоторая путаница. Платон никогда не указывает, что остров Атлантида находился в Атлантическом океане, а говорит, что он был «за Геркулесовыми столбами». Не исключено, что тут имеется в виду не Гибралтар, а совсем другие столбы; возможно, речь идет о двух южных полуостровах Гелопоннеса, являющихся, по преданию, основной «ареной деятельности» Геркулеса.

Итак, много фактов, собранных археологами и геологами, позволили греческим ученым сделать вывод, что остров Санторин — это все, что осталось от некогда великой Атлантиды. Конечно, самое веское слово еще скажут археологические раскопки.

Правда, к сожалению, раскопки на Санторине — дело не настоящего времени и даже не ближайшего будущего. Практически еще ничего не сделано: маловато средств. Но археологи надеются, что найдут все

Порвал Миклухо-Маклая добирался до берегов Новой Гвинеи почти год.

Время сократило расстояния, сделало далекое близким. Только несколько часов требуется комфортабельному воздушному лайнеру, чтобы перенести пассажира из морозной Москвы на землю Республики Индонезии.

Много книг написано об этой удивительной стране. Но интерес к ней огромен. С жаждой любознательностью встречаешь каждую книгу о народе, который совсем недавно обрел независимость и теперь строит новую жизнь.

Автор этой книги не один год прорвал в Индонезии. Он пишет о том, что хорошо знает. Автор рассказывает о своих беседах с простыми людьми, чиновниками, губернаторами, политическими деятелями.

Н. Александров знакомит читателей с историей борьбы индонезийского народа, рассказывает о борцах за правое дело — о Патимуре и Дипонегоро — и о тех, кто сегодня бережет завоевания революции.

Лирические строки, где говорится о неповторимой, сказочной природе индонезийских островов, о разных городах страны, о том братском чувстве, которое питают индонезийцы к нашей стране.

Автор интересно строит повествование: срели очерков, посвященных отдельным городам и островам страны, встречаются миниатюры, зарисовки. Здесь и лирическая новелла «Цветок красной орхидеи» и полемичная зарисовка «Портрет», репортаж «Встреча с молодежью», путевой очерк «Поездка на Бали». Разнообразие жанров помогает автору широко, многообразно показать страну, ставшую на независимый путь развития, обычай и традиции индонезийцев.

А. ВИНОГРАДОВ

Н. Александров. Морями теплыми омытая. География, 1963.

же поддержку и загадка жизни и гибели древней страны, наконец, разрешится.

Раскопки будут трудными — ведь древнее царство поконится под тридцатиметровым слоем лавы. Но весьма вероятно, что именно этот слой и помог сохранить строения и утварь атлантов от разрушительного действия времени. Такие примеры

знает история. Достаточно вспомнить хотя бы Помпеи и Геркуланум.

* * *

Вот с такой увлекательной историей нам пришлось познакомиться во время пребывания на Санторине. С нетерпением мы ждем ее окончания.

До свидания, Атлантида?

ФОТОКОНКУРС «ВОКРУГ СВЕТА»

Это не штормовое море. Это амурские волны. От Забайкалья через таежные леса, горные кряжи, равнины, мимо дальневосточных городов и сел стремится к Тихому океану могучая река.

Фото В. ЧЕРЕПАНОВА,
Хабаровск

Семенов проснулся в прохладных простынях, на удобной кровати. У кровати стояли мягкие домашние туфли, широкий халат висел на спинке стула. Кружевные занавеси на окнах, огромный аквариум на столе в переднем углу, книжный шкаф в простенке и другой, с зеркальной дверью, и большая клетка с зелеными попугайчиками развеселили его.

Двадцать пять суток он спал в тарантасе, не раздеваясь, и теперь наслаждался комфортом в домике на-

Петр Петрович сел в кресло, сделанное из огромных витых архарных рогов, пощупал рубчатую спинку, приготовился слушать.

— Так вот что я советую. Тебе, конечно, не терпится выехать в горы и добраться до озера Иссык-Куль? И я одобряю твоё нетерпение, ты приехал в удачное время. Но торопись. В горах уже холодно, в сентябре — снежные метели и затяжные дожди. Так что поторопляйся.

— Откуда у тебя кресло из архарных рогов? — не утерпел Петр Петрович. — Насколько мне известно, ни-

А. АЛДАН-СЕМЕНОВ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Путешествие к Небесным горам

чальника Заилийского края полковника Хоментовского.

Утренняя тишина в комнатах Хоментовского была пронизана приятным запахом еловых бревен диких цветов, свежестью горной речки. Солнце уже съедало добрые голубые тени на полях и стенах, затоны горячего света лучились в углах, расцвечивали узоры ковров.

Бошел Хоментовский.

— Отоспался? Я к тебе уже не раз заглядывал, да жаль будить было...

От Хоментовского с его мягкими желтыми волосами, с глазами, похожими на цветущий лен, с шелковистой пшеничной бородкой, широкими скулами и утиным носом за семь сажен разило Москвою.

Семенов и Хоментовский вместе учились в Пажеском корпусе и встретились, как старые друзья.

— Садись-ка, мы побеседуем о твоем путешествии в Тянь-Шань. Я пораскинул мозгами и вот что советую. Может, кофе подать в кабинет? Приказывай, ты здесь не гость, а хозяин...

Продолжение. Начало см. в № 5.

кто из ученых-путешественников еще не видел живого горного барана.

— Казаки убили в горах четырех архаров. Из рогов сработали кресло и подарили мне. Мы, жители русских окраин, первыми видим то, о чем мечтают лишь господа ученые.

«Не изменился», — подумал Семенов, — любит подковырнуть».

...Экспедицию снарядили в два дня. Отряд, командование которым Хоментовский возложил на Семенова, состоял из четырнадцати казаков и переводчика Атамкула. Путь лежал на восток.

Иссыкская долина, густо поросшая дикими яблонями, урюком и боярышником, является лучшим входом в предгорья Заилийского Алатау. Здесь отряд остановился на дневку.

На привале Семенов узнал о небольшом горном озере Иссыке. Проводники распалили его воображение еще и тем, что в окрестностях Иссыка водятся тигры. В сопровождении шести охотников он отправился туда.

Иссыкская долина круто уходила в горы, все гуще

становились яблоневые и урючные леса. Лошадиные копыта вязли в гниющих пластиах урюка, паляя листва мягко шуршала. В лесах стояла глубокая тишина, нарушающая стуком падающих яблок. Семенов заметил куст с перистыми листьями и крупным цветком, протянул к нему руку, но тут же отвел в сторону. Неопалимая купина! Он слез с лошади и долго смотрел на цветок, словно нарочно пришедший сюда из Рязанской губернии.

Он вынул коробок, чиркнул спичку, поднес к неопалимой купине. Весь куст сразу вспыхнул. Тонкое, пронизывающее каждый листок, веточку, лепестки и тычинки цветка сиреневое пламя поколебалось, посияло, погасло. А неопалимая купина по-прежнему была цветущей и свежей, словно пламя и не касалось ее. Сгорело только эфирное масло, которое выделяет в воздухах этот, такой обычный в виду, но необыкновенный цветок.

— Ое! — вскрикнул проводник Атамкул. — Цветок не горит. Ты закодировал его, да?

Проводник был любопытным и смысленным человеком. Приметив, что Петр Петрович собирает растения, Атамкул показывал ему травы и корни.

Семенова заинтересовал тонкий кустик бересклета.

(Через несколько лет ботаники назовут тянь-шаньский вид бересклета «Евонумус семеновii». Долгие годы ботаники, зоологи, географы, путешественники будут называть именем Семенова цветы и травы, насекомых и зверей, ледники и горы, но это первое название останется особенно дорогим для Семенова воспоминанием.)

Фруктовые сады сменились тянь-шаньскими елями. Могучие, пепельного цвета стволы уходили в небо, раскидывая на высоте свои темно-синие лапы.

За тянь-шаньскими елями начинались заросли субальпийских кустарников, арчи, татарской жимолости, черной и красной смородины. Охотники оживились — в таких зарослях встречаются тигры. Но оживление охотников было каким-то деланно-веселым, настороженным. Семенов не особенно верил во встречу с тигром и подшучивал над охотниками.

— Зачем зря шутить? Нехорошо так! Тигр шутить не умеет. Да! — сказал Атамкул. — Недавно тигр у меня кобылицу зарезал. Ай-яй, какая кобылица была!

А подъем становился все круче. Появились каменные осыпи, вершины гор, окружающие Иссыкскую долину, приобрели куполовидные очертания. Семенову вспомнилось его обещание Александру Гумбольдту достать на Тянь-Шане образцы вулканических штуфов. «Я умру спокойно, когда узнаю, что Тянь-Шань — вулканического происхождения», — вспомнил он слова Гумбольдта.

...Семенов задумался, и перед ним, словно мираж, появился огромный кабинет, от пола до потолка заставленный книгами, с географическими картами и атласами, разбросанными по столам, с кожаными глубокими крес-

лами, на которых искались жемчужные раковины и кораллы южных морей. Кокосовые орехи валялись по углам, словно пушечные ядра; глыбы зеленого малахита, горного хрусталя, обломки многокрасочных яшм и порфиров, белого кварца и черного мрамора лежали вперемежку с ноздреватыми пластинами амазонского каучука и индейскими томагавками.

А посредине огромного и полутемного кабинета стоял дряхлый, сгорбленный старик, и как-то не верилось, что это всемирно известный путешественник и географ Александр Гумбольдт.

Седая узкая голова восьмидесятилетнего географа уже бессильно поклонилась, продолговатое пергаментное лицо прорезывали глубокие морщины, и только глаза, голубые, с твердыми черными зрачками, смотрели умно, тонко, проницательно. «Эти глаза видели почти весь мир», — подумал Петр Петрович, почтительно склоняясь перед Гумбольдтом, ради встречи с которым он, собственно, и приехал из Петербурга. «Я буду рад видеть господина Петра Семенова и обсудить с ним проект научного путешествия», — писал ему в своем приглашении знаменитый учений.

Гумбольдт протянул источенную временем руку. Семенов осторожно пожал ее, стыдясь избытка собственной силы и молодости. А Гумбольдт со вспыхнувшим в глазах интересом следил за молодым географом, статью которого «О вулканических явлениях во Внутренней Азии» он только что прочел. Статья пропагандировала его, Гумбольдту, гипотезу о том, что Тянь-Шань — вулканического происхождения. Это было приятно Гумбольдту.

Александр Гумбольдт неторопливо убрал с кресла раковины, очень похожие на яркие тропические орхидеи.

— Прошу, господин Семенов, — пригласил он неожиданно свежим и чистым голосом.

Петр Петрович сел, сложив на груди руки и обхватив пальцами локти, Гумбольдт опустился в жесткое кресло. И сразу стал еще меньше: лишь узкая голова его, как поплавок, покачивалась над столом.

Солнечный сноп скользнул по стене — и могучий, кипящий белой пеной водоворот обрушился на Гумбольдта. Над головой старика висела картина Ниагарского водопада — удивительное зрелище стихийной мощи.

С необыкновенной ясностью и отчетливостью Семенов понял, что этот заваленный книгами, экзотическими вещами и предметами, украшенный картинами, увешанный географическими картами большой сумрачный кабинет видит, слышит, осязает, чувствует лишь потому, что в нем передвигается махонький сухонький старичок во фраке. Твердые, как слоновая кость, воротнички поддерживают эту трясущуюся голову, вместившую в себя все горные вершины и все морские пространства Земли.

— Так вы собираетесь исследовать Внутреннюю Азию? — спросил Гумбольдт, кладя на стол тонкие белые пальцы.

— Это стало моей заветной целью. Меня зовет Тянь-Шань. Он даже снится мне, — улыбнулся Семенов.

— Я много лет мечтал о путешествии на Тянь-Шань, — вздохнул Гумбольдт. — К сожалению, теперь уже не могу. А жаль. Исследование Небесных гор — одна из самых славных задач современной географической науки. О, если бы вам удалось туда добраться! — Он опустил трясущуюся голову. И снова заговорил: — Я прочитал вашу статью о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Интересная статья. Очень! Я рад, что вы — мой единомышленник в данном вопросе. Я могу умереть спокойно, если вы привезете мне из своего путешествия вулканические обломки с Небесных гор. Я умер бы тогда с чувством полного завершения своей жизни...

На желтом иссущенном лице Гумбольдта появился тихий румянец. Он поднялся из-за стола, выпрямился, откинула голову.

Семенов тоже поднялся.

— Я лишь одного опасаюсь, — продолжал Гумбольдт, — я боюсь, господин Семенов, что вам не удастся проникнуть в Небесные горы. Перед вами почти неподъемные трудности. Там идут распри между местными племенами. Путешественнику легче взойти на высочайшую вершину мира, чем преодолеть человеческое невежество. Мне будет прискорбно, если вас постигнет неудача...

Гумбольдт крутанул голубой глобус, потом остановил врачающийся шар.

— Вот она, Азия. Я касаюсь пальцем загадочного «белого пятна», называемого Тянь-Шанем. Кстати, вы уже совершили восхождение на горные вершины?

— Пока еще нет.

— Напрасно! Вам совершенно необходимо привыкнуть к горной высоте, к разреженному воздуху. Нужна тренировка. Поезжайте в Швейцарские Альпы, поднимитесь на Везувий. Проверьте свои силы перед восхождением на Тянь-Шань. А для меня... Небесные горы для меня уже недосягаемы. Поэтому я возлагаю на вас свои надежды. А на Везувий взойдите не раз и не два. Трижды, четырежды взойдите...

— Я сделаю все, — ответил Семенов. — Считаю своим долгом достичь Тянь-Шаня и привезти вам доказательства.

Семенов сошел с лошади и, сопровождаемый Атамкулом, начал рассматривать горные породы. Нет, все то же! Красный порфир, розовый и белый, с черным накрапом сиениты. Никаких признаков вулканических штуфов. Факты, подтверждающие гипотезу Гумбольдта, наверное, пока впереди.

— Скоро ли это Зеленое озеро, называемое Иссыком?

— Сначала дойдем до водопада, — ответил Атамкул. — А до озера от водопада — дурная дорога. Совсем никакой дороги. Над пропастями пойдем, да!

Вдруг до них донеслись радостно-тревожные крики охотников:

— Тигры, тигры!

Раздался выстрел, и снова крик:
— Убегли в арчу!

Семенов разрешил трем заядлым охотникам преследовать тигров, а сам продолжал подниматься к Зеленому озеру. Разве четыре пришлось перебираться через яростный, несущий крупные камни Иссык. Горный поток кипящими уступами скатывался со скал, грозя опрокинуть и увлечь с собою путешественников.

Атамкул привел Петра Петровича к водопаду. Синяя, в пенных накрацах масса гневно вылетала из скальной выемки и опрокидывалась в глубокое ущелье.

Семенов смотрел на бесконечную живую ленту воды и словно ждал, когда она оборвется.

— До Зеленого озера сегодня не дойти. Запоздали, — вывел его из оцепенения Атамкул. — А ночью плохо идти будет. Нельзя ночью!

Семенову пришлось вернуться к своему отряду. Он встревожился, когда узнал, что охотники еще не возвратились. Охота на тигров закончилась трагически. Охотники разделились и пошли разными тропами. Старший казак Филиппыч заметил тигра, залегшего в кустах, но не ус-

пел выстрелить. Зверь бросился на казака, ударом лапы вышиб из рук ружье и остановился.

Так они и стояли, человек и зверь, друг перед другом. Второй — молодой охотник — поспешил на выручку. Но в десяти шагах от тигра оцепенел и не смог выстрелить. Тогда Филиппыч нагнулся, чтобы взять свое ружье. Тигр кинулся на него и поволок в кусты.

Молодой охотник пришел в себя и дважды выстрелил.

Третий охотник, услышав выстрелы, поспешил к месту происшествия и по пути наткнулся на мертвого тигра. Охотники перенесли Филиппыча к месту, где стояли их лошади. Они вернулись на дневку утром, когда Петр Петрович разослав свой отряд на их поиски.

Раненого казака пришлось отправить в Верное, а Семенов тронулся дальше.

Атамкул повел отряд долиной реки Тургень к перевалу Асань-тау. Так же, как в Иссыкской долине, сменялись растительные зоны. Дикие яблоневые и абрикосовые леса — тянь-шаньскими елями, ели — зарослями арчи, черганака, облепихи, за ними появились высокогорные альпийские луга. Страницы дневника Семенова запестрели сухой латынью.

Ночевать он остановился на вершине Асань-тау. Впервые в жизни Петр Петрович взошел на высоту в три с половиной тысячи метров, а перевал казался лишь маленькой возвышенностью, затерянной среди каменных громад.

Он сидел у ночного костра, испытывая странное смущение от сознания собственной незначительности. То, что окружало его, было чересчур грандиозным и неправдоподобным. И эти в легком тумане горные исполины, и эти луга, покрытые зернистым инеем, и эти провалы, на дне которых ворочались потоки, подавляли его своей несокрушимой вечностью.

Куда-то в бесконечную даль отодвинулись Гумбольдт, Петербург, уютные комнаты полковника Хоментовского.

(Окончание в следующем номере.)

Сказки, притчи
и пословицы
баквири

Рисунки В. ВАКИДИНА

Баквири — небольшое племя (около 40 тысяч человек), живущее на южном и юго-восточном склонах вулкана Камерун (4 070 метров) — высшей точки Западной Африки. Баквири относятся к семье народов банту. У этого маленького племени богатый фольклор: загадки, обрядовые песни, пословицы, притчи, сказки о животных.

Пословицы

Дерево без корней долго не простоят.
Леопарды и козы в одной стае не ходят.
Один гнилой зуб портит всю челюсть.
Двум петухам на одном насесте всегда тесно.
Кто из дома не выходит, ничего в дом не приносит.
Позор за хвастовством по пятам бродит.
Из одного яйца не жди двух цыплят.

Сказки

Хитрость черепахи

Се звери были злы на черепаху за ее проделки. Однажды вечером они поймали ее и решили съесть, но отложили это до утра.

За ночь она вся изв�ялась в грязи. Пришли звери на заре, но им было противно даже коснуться ее. Черепаха предложила: «Вымойте меня, а потом уже убивайте. Или вы хотите съесть меня вместе с грязью?»

Звери отнесли ее к реке. «Привяжите меня за ногу и бросьте в воду, где поглубже», — сказала черепаха. Очутившись в воде, она распутала узел, зацепила веревку за тяжелый камень, а сама спряталась рядом.

Зверям надоело ждать, пока черепаха вымоется. Изо всех сил потянули они за веревку. Веревка лопнула. В воду звери лезть побоялись: они ведь не умели плавать. Так одурачила их черепаха.

Как леопард с цаплей дружил

Леопард встречал цаплю и говорил ей: «Давай, цапля, дружить. Встретимся на досуге, посидим поболтаем». Цапля не соглашалась, а леопард все уговаривал ее.

Как-то леопард лежал под деревом, а цапля стояла над ним на ветке. Вырвала она у себя пух перьев и кинула вниз. Леопард, не разобравшись, решил, что это цапля с дерева упала. Схватил он перья и разодрали их. Сказала цапля: «Если ты так поступил с моими перьями, что ж будет, когда я сама спущусь к тебе?» Взмахнула она крыльями и улетела.

Леопард и удав

Леопард рычал на весь лес: «Боюсь лишь ружья и ловушки! Не будь их, все джунгли принадлежали бы мне, только мне!»

Услышал это удав, рассердился и прошипел: «Ну подожди, я тебе пока-ж-ж-у!..» Выполз он на тропу, увидел антилопу и попросил ее: «Прикрой меня хорошенько банановыми листьями, а потом иди туда, где рычит леопард».

Заметив антилопу, леопард погнался за ней. Добежав до засады, антилопа перепрыгнула через змею и остановилась. Леопард хотел броситься на добычу, но тут удав обвили его своими кольцами и ну душить.

Задыхается леопард, ревет от боли. Спрашивает удав: «Почему ты кричал о ловушках и о ружье, а про меня забыл?» Взмолился леопард: «Отпусти немножко, я скажу все, как надо!» Разжал удав чуть-чуть свои объятия, и леопард прохрипел: «Не будь ловушки и ружья, все джунгли принадлежали бы удаву и мне, только нам двоим!» Удав прошипел: «Скаж-ж-и снова». Леопард повторил свои слова. Приказал удав: «Дай мне один коготь!» Леопард дал змее свой коготь, и она прицепила его себе к хвосту. Так леопарду пришлось разделить с удавом власть над джунглями.

причины

Зубы и язык

Зоруялись зубы с языком и давай его честить: «Ты грязный, а мы такие белые, чистые да красивые». Возразил язык: «Хоть я не такой чистый, зато я выносливый и живучий. Пройдет время, вы выпадете, и во рту останусь я один».

Перевод А. ТАРАСОВА

ВОКРУГ СВЕТА

№ 6 ИЮНЬ 1964

СОДЕРЖАНИЕ

Л. ФИЛИМОНОВ — Градобой	2
Норвегия — рядом	8
ЮРИЙ ТАРСКИЙ — Последний взрыв	10
Е. ДЕНИСОВ — Среди холмов Раджастхана	14
ЖАК-ИВ КУСТО — Золотые змеи	17
Е. ПЛАХИН — Две встречи с Кусто	18
РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ — В пещере Гуачаро	21
Д. БИЛЕНКИН — Обманчивая планета	28
Новости из прошлого	31
Н. НЕМНОНОВ, В. КУДРЯШОВ — Байбачья степь	32
А. ТАРАН — Сливен — град легендарный	33
Н. ХОХЛОВ — Большой сухой сезон	36
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — Комариный яд. Лучшая в мире ловля радужной форели	38
С. ЯМЩИКОВ — Рассказ о том, как заговорил древний папирус, как «сшили» рубаху Федора Годунова, как был найден самый ранний портрет Петра I, и о многих других возвращенных к жизни сокровищах	42
М. ДЕМИН — Таежная нефть	46
И. МОЖЕЙКО — Дорога нам знакома	50
Юмор	53
Пестрый мир	54
В. КУЗНЕЦОВ, Е. ПЛАХИН — А если это Атлантида?	56
Фотоконкурс	58
А. АЛДАН-СЕМЕНОВ — Путешествие к Небесным горам	59
Сказки, притчи и пословицы баквири	62

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Горюховской

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30. Сущевская, 21. Телефоны: для справок — д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

A05337. Подп. к печ. 14/V 1964 г. Печ. л. 8.5 (8.5). Уч.-изд. л. 10.2
Тираж 300 000 экз. Заказ 612. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30. Сущевская, 21.

На первой странице обложки:

ИНДОНЕЗИЯ. Ниас — небольшой гористый остров к западу от Суматры. В старину, прежде чем называться мужчиной, ниасский юноша должен был сдать экзамены на «явление воина». Одно из испытаний — прыжок через двухметровую каменную пирамиду с мечом в одной руке и с факелом — в другой. В наши дни для ниасских мальчиков этот виртуозный прыжок стал просто спортивным развлечением.

На третьей странице обложки:

КОЛУМБИЯ. Высоко в Андах, между снежными вершинами, среди хаоса диких скал, где гнездятся гигантские кондоры, проходит древний караванный путь индейцев. Местами мощенная громадными каменными плитами тропа достигает ширины трех метров, а кое-где и десяти. «Дорога предков» была проложена задолго до испанского нашествия, но и сейчас индейцы пользуются ею для доставки грузов в горные селения.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗ СЕРИИ «АФРИКА СЕГОДНЯ»

- АБРАМОВ А., Эфиопия — страна, не вставшая на колени. 1961, 110 стр.,
цена 9 коп.
- БОНДАРЕВСКИЙ Г., Португальские колонизаторы — враги народов
Африки. 1962, 104 стр., цена 10 коп.
- ВАСЯНИН А., Республика Мали. 1963, 72 стр., цена 9 коп.
- ВЕРИЧ В., Вчера и сегодня Верхней Волты. 1962, 64 стр., цена 6 коп.
- ВОЛОДИН Л., ОРЕСТОВ О. Трудные дни Конго. Политический репор-
таж. 1961, 191 стр., цена 17 коп.
- ДАТЛИН С., Мальгашская Республика. 1961, 88 стр., цена 8 коп.
- КОРЯВИН Л., Пробудившаяся Нигерия. 1962, 62 стр., цена 14 коп.
- ОРЕСТОВ О., В Республике Гана. Записки журналиста. 1961, 95 стр.,
цена 8 коп.
- ПРОЖОГИН Н., Доброго утра, Африка! 1961, 150 стр., цена 38 коп.
- ФЕТОВ В., Американский империализм в Африке. 1962, 103 стр., це-
на 10 коп.
- ХОХЛОВ Н., Близ Лунных гор. [Королевство Бурунди и Республика
Руанда]. 1963, 72 стр., цена 10 коп.
- ЧОАРЕ И., Сахара — не только песок. 1963, 64 стр., цена 7 коп.

ТРЕБУЙТЕ ЭТИ КНИГИ В МАГАЗИНАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
СОЮЗКНИГА

